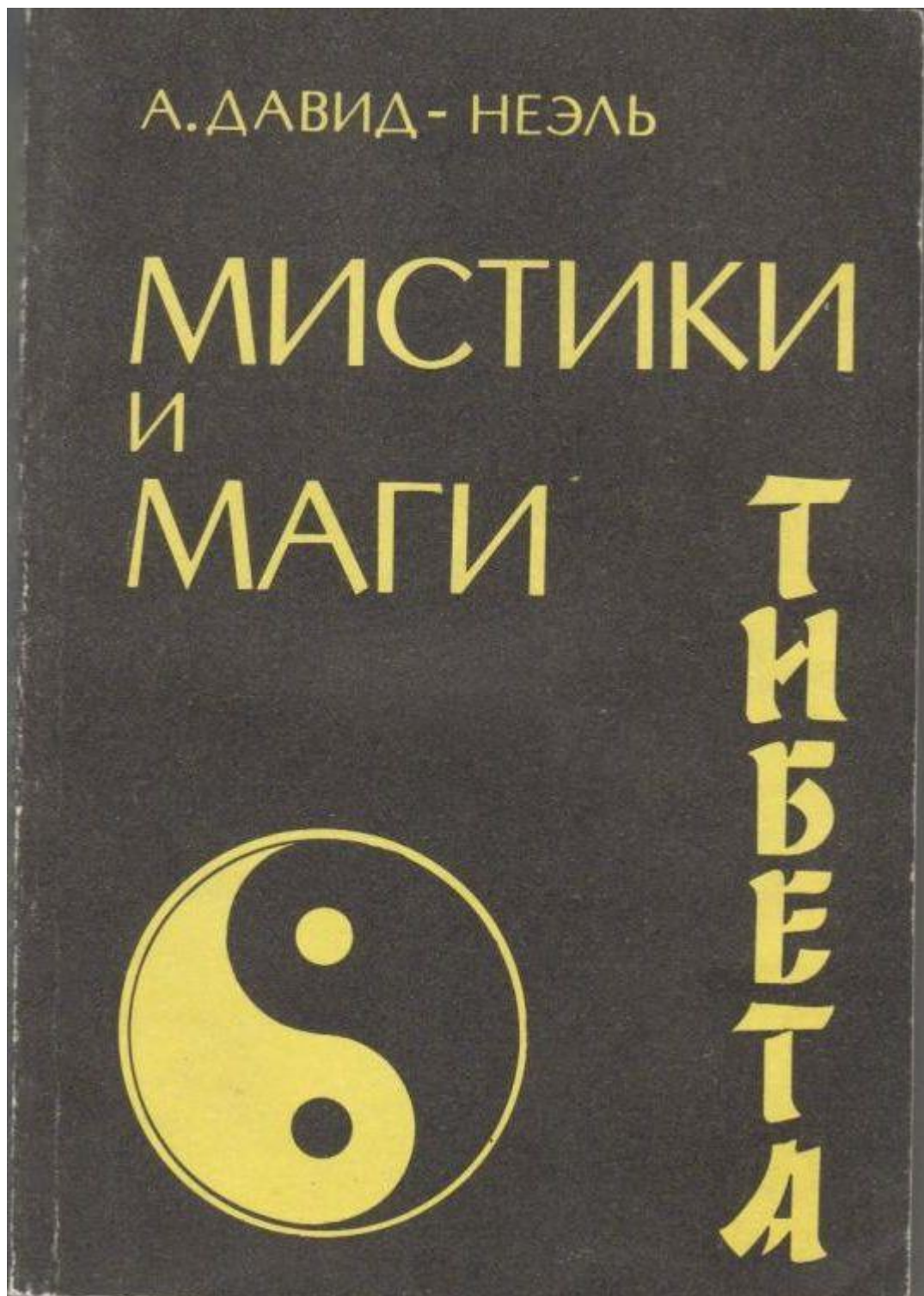

Александра Давид-Неэль
Мистики и маги Тибета.

Александра Давид-Неэль МИСТИКИ И МАГИ ТИБЕТА

Глава 1

Гималаи – прихожая Тибета. – Первое знакомство с ламаизмом и его последователями. – Беседа с Далай-ламой. – Смерть и посмертные скитания в верованиях тибетцев. – Злоключения умерших. Колдуны за работой. – Как один великий, но невежественный лама перевоплотился в ослика, несмотря на самопожертвования праведника, пытавшегося предоставить ему возможность человеческого воплощения. – Визит к ламе-созерцателю. – Я покидаю Гималаи.

* * *

– Итак, решено. Давасандюп поедет с вами в качестве переводчика.

Неужели я разговариваю с человеком?... Или это крошечное желтовато-смуглое существо в одеянии из оранжевой парчи с бриллиантовой звездой, сверкающей в шапке, – дух, спустившийся с окрестных гор?

Говорят, этот человек – воплотившийся лама и наследный принц гималайского трона. Но сейчас он кажется мне призрачным видением. Должно быть, сию минуту он исчезнет, как мираж, вместе со своей пестрой свитой и парадным конем в попоне из желтого сукна. Принц – часть сказочного мира, в котором я теперь живу – или, по крайней мере, мне кажется, что живу – вот уже две недели. Или я вижу все это во сне и через мгновение проснусь у себя в стране, где не обитают ни духи, ни воплотившиеся ламы в блестящих одеждах, где мужчины носят вульгарные пиджаки и волосы нормальной длины и не драпируются в ткани цвета солнца.

Я вздрагиваю от внезапного грохота литавр. Они затягивают заунывную мелодию. «Горный дух» садится на своего нетерпеливого скакуна, вельможи и слуги свиты взлетают в седла.

– Я вас жду, – повторяет светлейший лама, благосклонно улыбаясь. Я слышу свой голос как будто со стороны, обещая ламе приехать через день в его столицу, и удивительная кавалькада трогается, предшествуемая музыкантами.

Когда последние звуки жалобного напева затихают вдали, странное очарование, сковавшее меня, рассеивается. Все это было наяву. Я нахожусь в Калимпонге в Гималаях, а рядом со мной стоит переводчик, предоставленный в мое распоряжение со дня приезда.

Как я здесь очутилась? Я рассказывала уже об этом в другой моей книге «Путешествие парижанки в Лхасу». В то время соображения политического характера заставили Далай-ламу искать убежища на территории, находящейся под английским протекторатом. Я рассудила, что его пребывание на границе Индии – единственная для меня возможность увидеть его и собрать сведения о буддизме, практикуемом на Тибете.

Очень немногим иностранцам удавалось получить аудиенцию у Государя-монаха, пребывающего в неприступной твердыне своего священного города в «Стране Снегов». Далай-лама не сделался доступнее даже в изгнании. До моего посещения он упорно отказывался принимать женщин не тибетского происхождения. Я была первой и, имею веские основания предполагать, последней чужестранкой, для которой он сделал исключение.

Уезжая из Даржилинга весенним свежим утром, когда розовые тучки окутывали горы, могла ли я предвидеть, какие необычайные последствия будет иметь эта поездка? Предвкушала только краткую прогулку и интересное интервью. На самом деле для меня начались странствия, и мне суждено было остаться в Азии более чем на десять лет.

В воспоминаниях о начале моего долгого пути Далай-лама является мне

гостеприимным хозяином: завидя у стен своего жилища путника, он спешит указать ему вход в свои владения.

Вход этот был указан мне тремя словами: «Учитесь тибетскому языку».

Если верить подданным Далай-ламы, называющим его Всеведущим («Тхамсчед мкиенпа»), владыка Тибета, давая мне совет, заранее знал, что это повлечет за собой. Он сам открывал мне путь не только в Лхасу, к запретному городу, но даже к еще менее доступным неведомым учителям, мистикам и магам, нашедшим надежный приют в его сказочной стране.

В Калимпонге владетельный лама жил в просторном доме, принадлежащем министру раджи Бутана. Чтобы придать резиденции ламы большую величественность, от самой дороги к дому проложили подобие аллеи из двух рядов высоких бамбуковых шестов с флагами, на которых было написано «Ом мани падме хум!» или нарисован «небесный конь» в окружении магических знаков. Национальный Тибетский флаг – золотой лев на пурпурном фоне – в то время, мне кажется, еще не существовал.

Свита монарха в изгнании была многочисленной, а слуг насчитывалось более сотни. Весь этот люд обычно предавался сладостному безделью, оживляемому неумолчной болтовней. Спокойствие царило вокруг жилища Великого ламы. Но в праздничные или приемные дни со всех сторон вдруг появлялась хлопотливая, шумная толпа царедворцев и слуг. Они теснились в его дверях, высывались из окон, растекались по окрестностям, суетясь, волнуясь, крича, и часто так мало отличались друг от друга в своих засаленных одеждах, что чужеземцы легко делали досадные промахи и попадали в неловкое положение.

Благопристойность, церемониал и пышное великолепие Поталы давно миновали. Те, кому довелось видеть придорожный лагерь, в котором Владыка Тибета ожидал, пока его подданные отвоюют ему трон, не могут иметь представления о настоящем дворе в Лхасе.

Британские экспедиционные войска, силой проникнув на запретную территорию и разгуливая по столице Тибета наперекор заклинаниям и чарам самых страшных колдунов, вероятно, заставили, в конце концов, Далай-ламу понять, что сила на стороне чужеземных варваров. Разнообразные изобретения, какие он в дальнейшем имел возможность видеть во время путешествия по Индии, по-видимому, также убедили его в умении этих варваров подчинять себе и видоизменять природу. Но как бы то ни было, его уверенность в умственной неполноценности белых оставалась непоколебимой. В этом он разделял мнение всех азиатов – от Цейлона до северных пределов Монголии.

Жительница Запада, познавшая тонкости буддийского учения, была для него непостижимым явлением. Если бы я вдруг испарилась во время беседы с ним, он нисколько не удивился бы. Наоборот, именно осязаемость моей особы его и поражала. Наконец Далай-ламе пришлось поверить очевидному. Тогда он спросил о моем учителе: у меня, конечно, есть учитель, и он может быть только азиатом. Далай-лама низвергнулся с облаков на землю, услышав, что текст одной из наиболее почитаемых тибетскими ламами буддистских книг был переведен на французский язык еще до моего рождения.¹ Ему было трудно допустить подобный факт, и поэтому он постарался преуменьшить его значение. «Если, – сказал он, – какие-нибудь иностранцы действительно изучили наш язык и читали наши священные книги, то, все равно, смысла их они понять не могли».

Слова ламы предоставили мне удобный случай обратиться к нему с просьбой. Я поспешила им воспользоваться: «Именно потому что, как подозреваю, некоторые религиозные доктрины были истолкованы неправильно, я и прошу вас просветить меня». Далай-лама отнесся к моей просьбе благосклонно. Он не только ответил устно на мои вопросы, но позже передал мне записку, где развивал некоторые из своих разъяснений.

Князь Сиккима и его свита скрылись из виду, и ничего другого не оставалось, как сдержать свое обещание и готовиться к поездке в Гангток. Между тем, меня преследовала

---

¹ «Гиятчер ролпа» – пер. Эд. Фуко, профессора в Коллеж де Франс. – *Прим. пер.*

другая идея.

Накануне мне пришлось присутствовать на церемонии благословения Далай-ламой паломников. Это зрелище не имеет ничего общего с церемонией папского благословения в Риме. Папа благословляет всю толпу верующих, а более требовательные тибетцы желают получить благословение индивидуально. У ламаистов существует три вида благословения в зависимости от степени уважения ламы к благословляемому: возложение обеих рук на голову паломника самый уважительный прием; прикосновение к его голове одной рукой считается менее учтивым, причем здесь тоже имеются оттенки: например, можно дотронуться двумя или только одним пальцем; наконец, на последнем месте стоит благословение опахалом, когда лама касается головы верующего палочкой с пучком разноцветных шелковых лент. Легко заметить, что при всех способах благословения между ламой и благословляемым всегда осуществляется непосредственный или косвенный контакт. Почему так необходим этот контакт? У ламаистов «благословлять» не означает призывать милость Божью на людей или на вещи, но сообщать им исходящую от благословляющего ламы спасительную силу.

Толпы народа, собравшиеся в Калимпонге, чтобы коснуться лент ритуального опахала в руке Далай-ламы, дали мне некоторое представление о его высоком авторитете среди верующих. Шествие продолжалось уже несколько часов, и я заметила, что вереница паломников состояла не из одних только туземцев – ламаистов: в толпе было много непальцев и бенгальцев, принадлежавших к индуистским сектам. Многие из присутствующих на церемонии в качестве зрителей внезапно под действием какого-то оккультного влечения, стремительно присоединялись к веренице богомольцев.

Пока я любовалась этим зрелищем, мне попался на глаза человек, сидевший в стороне на земле. Его всклокоченная шевелюра была закручена в виде тюрбана, как у некоторых факиров в Индии. Однако, черты лица незнакомца ничем не напоминали индуса, а тело его покрывали засаленные лохмотья ламаистского монашеского платья.

Оборванец положил свою котомку возле себя на землю и насмешливо смотрел на толпу.

Я спросила у Давасандюпа, не знает ли он, кто этот гималайский Диоген.

– Должно быть, странствующий «налджорпа»², – ответил Давасандюп, но, видя, что его ответ меня не удовлетворяет, мой любезный толмач отправился поговорить с бродягой. Когда Давасандюп вернулся, он был очень серьезен: «Это лама из Бутана», – сказал он, перипатетический³ отшельник. Он живет то в пещерах, то в заброшенных домах, то в лесу. Теперь он остановился здесь на несколько дней в небольшом монастыре по соседству.

Об этом бродяге я думала и после отъезда князя и его свиты. У меня было еще время. Почему бы мне не пойти в «гомпа» (монастырь), где он остановился? Может быть, я его встречу там. Почему у него был такой вид, будто он издевался над Великим ламой и его прихожанами? Интересно было бы это узнать.

Я сообщила о своем желании Давасандюпу, и он вызвался сопровождать меня. Мы отправились верхом, и очень скоро доехали до монастыря, оказавшегося просто большим деревенским домом. В Лха-канге (помещение, где хранят изваяния богов) налджорпа восседал на подушке перед низеньким столиком и заканчивал трапезу. Служка принес для нас подушки и предложил нам чаю.

Теперь нужно было завязать беседу со странствующим отшельником, не подававшим для этого ни малейшего повода: в ответ на наши учтивые приветствия он только

---

² Буквально: «тот, кто достиг полного бесстрастия». Но в обычном понимании это слово означает «мистик-аскет, обладающий могуществом мага». – *Прим. авт.*

³ Последователь философии Аристотеля. – *Прим. ред.*

проурчал набитым рисом ртом. Я размышляла, с чего бы начать, когда удивительный человек вдруг захохотал и произнес несколько слов.

Давасандюп сконфузился.

– Что он говорит?

– Простите, – ответил толмач, – речь налджорпа иногда бывает неучливой... Я не уверен, следует ли мне переводить...

– Прошу вас. Я наблюдаю все и особенно то, что кажется необычным.

– Тогда извините, – и Давасандюп перевел: «Чего нужно здесь этой идиотке?»

Невежливая форма вопроса не очень меня удивила. Некоторые санниазны (аскеты) в Индии намеренно оскорбляют заговаривающих с ними любопытных.

– Отвечайте ему, – сказала я Давасандюпу, – мы пришли спросить, почему он насмехается над паломниками, подходившими под благословение Далай-ламы.

– Преисполненные сознания собственной значительности и значительности своих дел, – процедил налджорпа сквозь зубы, – насекомые, копошащиеся в дерьме.

Интервью становилось забавным.

– А вы сами не погрязли в нечистотах?

Он громко захохотал.

– Тот, кто старается их обойти, увязнет еще глубже. Я валяюсь в грязи, как свинья, превращая ее в золотой песок, в прозрачный ручеек. Делать звезды из кала пса – вот настоящее созидание!

Мой собеседник положительно имел склонность к сравнениям из скатологии.⁴ Он, по-видимому, предполагал, что таким языком и должен разговаривать сверхчеловек.

– В конце концов, – сказала я, – разве набожные миряне не поступают разумно, пользуясь пребыванием здесь Далай-ламы, чтобы испросить его благословения? Они простые добрые люди, их ум не может возвыситься до понимания высоких истин...

Налджорпа прервал меня:

– Для того чтобы благословение было действенным, – сказал он, – дающий его должен обладать силой для передачи ее. Эту силу можно использовать разными способами. Если Далай-лама владеет ею, то почему он нуждается в солдатах для победы над китайцами или другими врагами? Разве он не может сам изгнать из Тибета всех негодных ему или окружить страну невидимой непреодолимой преградой?

«Гуру, рожденный в цветке лотоса» (Падмасамбхава) имел эту силу, и благословение его всегда нисходит на молящегося ему, хотя он живет теперь в далекой стране Ракшасов. Сам я только смиренный его последователь, но все же...

Смиренный последователь производил впечатление помешанного и, прежде всего, не казался страдающим чрезмерным смирением. Его многозначительное «но все же...» сопровождалось взглядом, очень красноречиво заканчивающим оборванную фразу. Моему переводчику было, по-видимому, не по себе. Он благоговел перед Далай-ламой и не любил, когда о нем отзывались неуважительно. С другой стороны, человек, умеющий «мастерить звезды из собачьего кала», внушал ему суеверный ужас. Мы собирались уже удалиться, но, узнав от служки храма, что на следующий день налджорпа покидает монастырь и снова отправляется странствовать, я вручила Давасандюпу для ламы несколько рупий на покупку дорожных припасов. Ламе подарок не понравился. Он отказался, говоря, что у него провизии больше, чем он в состоянии нести.

Давасандюп счел должным настоять и направился к столу с намерением положить деньги на стол возле ламы. Но не тут то было: не успел он сделать и трех шагов, как зашатался, отлетел назад, будто от сильного толчка, и ударился спиной о стену. При этом он вскрикнул и ухватился рукой за живот под ложечкой.

Налджорпа поднялся и вышел из комнаты, посмеиваясь.

---

⁴ Жанр литературы или шутки, имеющий отношение к анальной сфере. – *Прим. пер.*

– Меня отбросил назад чудовищный удар кулаком в живот, – сказал мне Давасандюп. – Лама разгневан, как его теперь умиловать?

– Уйдем отсюда, – сказала я. – Лама тут ни причем, ваше недомогание может быть вызвано нарушением сердечной деятельности. Вам нужно будет посоветоваться с врачом.

Бледный и удрученный толмач ничего не ответил, и, как я ни старалась его развлечь на обратном пути, мне так и не удалось рассеять его страхи.

На следующий день Давасандюп и я отправились в Гангток.

Вьючная тропа, по которой мы ехали, ведет вглубь Гималаев, в святую Землю индусских преданий, заселивших ее мудрецами, чудотворцами, факирами и божествами. Летние горные станции, построенные вдоль дороги иностранцами, еще не успели заметно изменить ландшафт местности. В нескольких километрах от больших отелей, где звучит джаз, девственный лес снова вступает в свои права. Море блуждающих туманов затопило лес, и прозрачная армия деревьев в длинных мантиях мертвенно-зеленого мха наплывает на путников, наводя на них страх. От буйных зарослей джунглей в долинах до одетых горными снегами вершин вся страна погружена в атмосферу неизъяснимой тревожной тайны.

Духовный мир так называемого буддистского населения Тибета созвучен окружающей природе. Здесь безраздельно царит вера в чародейство, и даже в самых незначительных селениях имеются свои медиумы обоих полов – Бонпос, Паос, Бунтинг и Ябас, передающие живым вести от богов и покойников.

Я остановилась на ночлег в Панкйонге и на следующий день добралась до Гангтока. За несколько километров от деревни-столицы нас захватила страшная буря с градом, внезапно налетевшая среди сияющего дня.

Тибетцы считают метеорологические явления делом рук колдунов или демонов. Буря с градом – одно из их излюбленных средств нападения. Демоны пользуются ею, чтобы задерживать в пути идущих в святые места паломников, а ламы-чудотворцы – для охраны подступов к местам своего уединения от докучливых посетителей и нежелательных кандидатов в ученики.

Через несколько недель по приезде в Гангток суеверный Давасандюп признался мне, что советовался с ясновидящим – «мопа» по поводу сопровождавшего наш приезд странного урагана.

Прорицатель вещал: местные божества и святые ламы настроены ко мне не враждебно, но, тем не менее, мне придется затратить много усилий, чтобы остаться в Стране Религии (перифраза, означающая Тибет).

Совпадение или ясновидение, но «мопа» был прав.

Наследный принц Сиккима, С.А.Сидкеонг Намгиал был настоящим ламой, настоятелем одного из монастырей секты «Кхагиуд Карма» и сверх всего «тюльку».⁵

Его почитали воплощением ламы, блаженной памяти собственного его дядюшки.

По обычаю, еще совсем ребенком он принял монашеский сан в монастыре, где был настоятелем со дня своего рождения и где провел свои юные годы.

Британские власти, отдав Сидкеонгу предпочтение перед его старшим братом, избрали его возможным преемником отца, махараджи. Английский резидент извлек его из монастыря и поручил попечению одного англоиндуса. Краткое пребывание в Оксфордском университете и кругосветное путешествие в сопровождении джентльмена из дипломатической службы завершили его несколько пестрое образование. Сидкеонг в совершенстве знал английский и много хуже свой родной язык – тибетский. Он бегло говорил на хинди и немного по-китайски. Вилла принца, построенная по его приказу в садах отцовского дворца, походила на красивый загородный английский дом, примыкающий к тибетскому храму. Внутреннее убранство жилища соответствовало его внешнему виду: обстановка в английском стиле на первом этаже, тибетская молельня и приемная – на

---

⁵ Лама высшего духовного сана; иностранцы называют их «живыми Буддами». – *Прим. авт.*

втором.

Молодой государь обладал широким умом. Он сразу заинтересовался моими исследованиями и сделал все, чтобы облегчить мою задачу.

Первое время жизни в Сиккиме я посвятила посещению монастырей, разбросанных среди лесов. Меня восхищало их почти всегда живописное расположение на горных отрогах. Простые сельские строения – мне нравилось воображать их обитателей мыслителями, презирающими мирские блага и суетную борьбу и проводящими свои дни в тишине и глубоком созерцании.

Действительность не соответствовала моей фантазии. Сиккимские монахи – чаще всего неграмотные крестьяне. Они не испытывали ни малейшего стремления к просвещению, даже в буддизме, который они исповедуют. Впрочем, у них для этого нет времени. Монастыри их бедны, лишены доходов, у них нет богатых покровителей. Таким образом, «трапа»,⁶ не имея возможности рассчитывать на регулярные субсидии или пожертвования, вынуждены в поте лица добывать хлеб насущный.

Я только что употребила слово «трапа» и буду употреблять его и в дальнейшем. Поэтому оно нуждается в пояснении.

Западные авторы именуют ламами всех представителей ламаистского духовенства. В Тибете дело обстоит иначе. На титул ламы (верховного владыки) имеют право исключительно сановники культа: «т्योंку», настоятели больших монастырей, и духовенство, обладающее самыми высокими учеными степенями. Все остальные монахи, даже удостоенные высшего посвящения в сан «гелонга», только простые «трапа», т. е. ученики. Однако принято из вежливости при непосредственном обращении в разговоре относить титул «лама» ко всем образованным монахам зрелого возраста.

Некоторые сиккимские «трапа» слынут среди своих коллег учеными, а умеют только отправлять некоторые религиозные обряды. Они обучают священным словам богослужений послушников, которые оплачивают уроки плодами земли и небольшим количеством денег, но чаще всего работой у учителя в качестве слуги.

Все же главным источником доходов для всех монахов является отправление религиозных церемоний.

Как известно, чистый буддизм запрещает все религиозные обряды. Ученые ламаисты с готовностью признают собственную бесполезность во всем, что относится к духовному просвещению ближних: последнее достигается только духовной тренировкой. Тем не менее, большинство из них одобряет некоторые обряды, ведущие к исцелению недугов, материальному благосостоянию, подчинению злых духов и руководству душами умерших на том свете.

Отправление погребальных церемоний – основное служение горных монахов в Гималаях. Должна сказать, что они относятся к своим обязанностям очень усердно, ревностно и даже с удовольствием.

Дело в том, что похоронные обряды включают одно или два пиршества, предлагаемые семьей умершего всей братии монастыря, прихожанином которого он был при жизни. Кроме того, «трапа» отправляющие обряды в доме покойника, получают в качестве гонорара подарки деньгами и натурой. Крестьяне-священнослужители в лесных монастырях, как я уже говорила, бедняки и обычно недоедают. Порой трудно бывает этим дикарям сдерживать радостную дрожь при известии о смерти какого-нибудь местного богача, обещающей несколько дней роскошной жизни. Людям, умудренным опытом, в подобных случаях удается скрывать свои чувства, но простодушие мальчуганов-послушников, стерегущих стада в лесах, бывает очень забавным.

Однажды я села перекусить поблизости от группы монашеско-пастушеских. Вдруг до нас донеслось тягучее завывание трубы, значительно ослабленное расстоянием. В мгновение

---

⁶ Монахи низшей категории духовенства. – *Прим. авт.*

ока занятые игрой мальчишки замерли и насторожились. Снова раздался тот же звук. Дети поняли.

– Похоронные трубы, – сказал один из них.

– Кто-то умер, – заметил другой.

Они переглянулись. Их глаза сияли. Они улыбались с понимающим видом.

– Будем есть мясо, – прошептал один из малышей.

Во многих деревнях священнослужитель-ламаист должен выдерживать конкуренцию местных колдунов. Эта конкуренция обыкновенно не влечет за собой никакой враждебности. Чаще всего, если каждый из конкурентов верит в собственное искусство, то равным образом он убежден в искусстве соперника. Хотя ламу и почитают больше, чем последователя «бонпа» (древней религии туземцев) или же мага «нгагпа», приравняемого к официальному духовенству, все-таки этих последних считают искуснее лам в сношениях с демонами, вредящими людям или душам умерших.

Случайность помогла мне узнать, каким образом священнодействующий лама извлекает души из тел умирающих и направляет их на том свете на путь праведный.

В тот же день, возвращаясь с прогулки в лес, я вдруг услышала отрывистый пронзительный звук, не похожий на крик ни одного из известных мне животных. Я пошла потихоньку в направлении, откуда он доносился. Через несколько минут тот же звук повторился еще два раза. Вскоре показался шалаш, до сих пор скрытый от меня неровностями почвы. Растянувшись ничком за кустами, я смогла незаметно наблюдать происходившее. Я увидела двух монахов. Они сидели на земле под деревьями с опущенными долу глазами, в позе глубокой медитации.

– Хик! – закричал один из них необыкновенно пронзительной фистулой. – Хик! – через несколько мгновений повторил другой. И они продолжали кричать, не разговаривая, не шевелясь, делая между выкриками долгие паузы. Монахи издавали этот вопль с очевидным усилием, как бы поднимая его из самой глубины своей утробы. Через некоторое время один из них поднес руку к горлу. Его лицо выражало страдание. Он отвернулся и выхаркнул струйку крови. Его товарищ произнес несколько слов, которые я не расслышала. Ничего не отвечая, монах встал и направился к шалашу. Тогда я заметила у него на темени в шевелюре длинную торчащую дыбом соломинку. Что означало это украшение?

Пользуясь тем, что один из «трапа» вошел в шалаш, а другой сидел ко мне спиной, я незаметно удалилась.

Едва завидев Давасандюпа, я засыпала его вопросами: что делали эти люди, почему они издавали такой странный крик?

– Этот вопль, – объяснил мне толмач, – ритуальное восклицание. Его издает священнодействующий лама возле только что испутившего дух покойника, чтобы освободить его душу и заставить покинуть тело через отверстие, образующееся на темени в результате магического звука.

– Только лама, перенявший у опытного наставника умение произносить «хик» с надлежащей интонацией и психической энергией, может добиться успеха. Совершая обряд перед трупом, он добавляет еще «пхет», после «хик». Но ему нужно очень остерегаться произносить «пхет», когда он только упражняется в исполнении обряда, как те монахи в лесу. Соединение этих двух звуков влечет за собой неотвратимое отделение души от тела и, если лама произнесет их правильно, он мгновенно умрет. Во время настоящего священнодействия такая опасность ему не угрожает, потому что он выступает от лица мертвеца, только ссужая ему свой голос. Влиянию магического звуко сочетания подвергается не лама, а покойник.

После того как опытный наставник передал ученикам умение извлекать дух из телесной оболочки, им остается только выучиться издавать звук «хик» с правильной интонацией. Эту цель можно считать достигнутой, если воткнутая в голову соломинка стоит прямо и не падает в течение нужного времени. И действительно, правильное произношение «хик» образует небольшое отверстие на темени, куда и вставляется соломинка. У мертвеца

это отверстие бывает гораздо больше, иногда в него можно даже засунуть мизинец.

Давасандюпа очень интересовали вопросы, связанные со смертью и потусторонней жизнью «духа». Через пять или шесть лет после вышеприведенного разговора он закончил перевод одного классического тибетского труда о скитаниях умерших на том свете. Многие иностранцы, английские чиновники и ученые-ориенталисты пользовались услугами Давасандюпа и ценили его таланты. Но все-таки у меня есть веские основания думать, что они никогда не знали его многогранной индивидуальности, которую он скрывал очень успешно.

Мой толмач, несомненно, был оккультистом и в некотором смысле даже мистиком. Он искал тайных сношений с «Дакини»⁷ и божествами-чудовищами. Все, имеющее отношение к таинственному миру невидимого привлекало его чрезвычайно. Он имел также склонность к медиумизму, но необходимость добывать средства к существованию мешала развивать его, как бы ему того хотелось.

Давасандюп родился в Калимпонге и происходил от бутанцев и сиккимцев – жителей гор и лесов. Он был принят стипендиатом в высшую школу для юношей тибетского происхождения в Даржилинге, затем поступил переводчиком на службу британской администрации Индии в Бакс-Дуаре – местности, расположенной на южной границе Бутана. Там он встретил ламу, ставшего его духовным наставником. Я знаю этого ламу по рассказам Давасандюпа, питавшего к своему учителю глубокое уважение. По-видимому, последний ничем не отличался от многих лам, с кем мне приходилось иметь дело: немножко ученый, немножко суеверный, но, прежде всего, добрый, милосердный. Учитель Давасандюпа имел перед своими собратьями одно преимущество: собственный его «гуру» (духовный наставник) был настоящим святым. Историю смерти этого святого стоит рассказать.

Гуру учителя моего толмача вел жизнь отшельника и предавался мистическому созерцанию в уединенной местности в Бутане. Один из его учеников жил у него и ему прислуживал. Однажды какой-то благотворитель навесит пустытника и оставил небольшую сумму денег для покупки припасов на зиму. Из алчности ученик убил своего старого учителя и убежал с деньгами. Убийца не сомневался в смерти старика, но лама вскоре очнулся. Нанесенные саблей раны были ужасны, и он жестоко страдал. Чтобы избавиться от мук, лама погрузился в состояние глубокой медитации.

Тибетские мистики умеют достигать степени сосредоточенности мысли, снимающей всякую физическую чувствительность. Меньшая интенсивность концентрации мысли эту чувствительность значительно притупляет.

Через несколько дней после преступления другой ученик отшельника пришел его проведать. Лама лежал в состоянии глубокой медитации, закутанный в одеяло, недвижимый. Смерд, издаваемый уже загнившими ранами и пропитанным кровью одеялом, привлек внимание юноши. Он начал расспрашивать учителя. Тогда старик рассказал ему о своем несчастье и, так как молодой человек хотел сейчас же бежать в ближайший монастырь за врачом, запретил ему звать кого бы то ни было.

– Если узнают о моем состоянии, – сказал он, – то начнут искать виновного. А он еще не мог уйти далеко. Его найдут и, вероятно, приговорят к смерти. Я не могу этого допустить. Скрывая, что со мною случилось, я даю ему больше времени для спасения. Может быть, когда-нибудь он исправится, и, во всяком случае, не я буду причиной его смерти. Теперь не говорите больше со мной, идите, оставьте меня одного. Когда я пребываю в состоянии созерцания, я не страдаю, но как только ко мне возвращается сознание моего тела, боль становится нестерпимой.

На Востоке ученик всегда подчиняется подобным приказаниям беспрекословно. Он понимает, чем они диктуются. Юноша распростерся у ног своего гуру и удалился. Через

---

⁷ Божества женского пола. Существует несколько категорий этих богинь. Тибетцы величают их «матерями». «Дакини» преподают своим почитателям мистические истины. – *Прим. пер.*

несколько дней отшельник умер в одиночестве в своей пещере.

Хотя Давасандюп очень восхищался поведением того святого ламы, подобные вершины нравственного совершенства казались ему слишком далекими, чтобы стоило к ним стремиться. Он в этом смиренно признавался. Его влекло непреодолимо, как я уже говорила, общение с существами оккультного мира с целью добиться сверхъестественного могущества. Видеть чудеса, делать чудеса самому – вот о чем он мечтал. Он обладал всеми устремлениями мага при отсутствии знаний и моральной силы, необходимых для их осуществления. Страсть слишком обычная среди его соотечественников, – пьянство, было проклятием его жизни. Оно развивало в нем врожденную вспыльчивость, чуть не довело до убийства.

Пока я жила в Гангтоке, я оказывала на него некоторое влияние, мне удалось заставить его дать обещание соблюдать полное воздержание от хмельных напитков, предписываемое всем буддистам. Но, чтобы удержаться на пути трезвенника, нужно было иметь побольше настойчивости, чем у моего милейшего толмача. Он не мог противостоять окружающим его собратьям, полагавшим, что напиваться и оставлять свой разум на дне чаши надлежит всем верным последователям Падмасамбхавы.⁸

Я могла бы рассказать о моем славном толмаче еще очень многое, даже кое-какие забавные истории в стиле новелл Боккаччо. Кроме ролей школьного учителя, оккультиста и ученого он имел в своем репертуаре еще много других. Но – да будет светлой память о нем, я не имею намерения ее чернить, – Давасандюп, получивший свои знания ценой упорных усилий, каким я его знала, был интересным и симпатичным человеком. Я всегда считала большой удачей встречу с ним и охотно признаю, что многим ему обязана. Мне остается добавить немного: Давасандюп является автором первого и до сих пор единственного англо-тибетского словаря. Он закончил свой жизненный путь преподавателем тибетского языка в Калькуттском университете.

Велика была моя радость, когда принц-тюльку сообщил мне, что в гомпа Энше недалеко от Гангтока будет жить настоящий тибетец, доктор философии знаменитого монашеского университета в Трашилхумпо,⁹ а другой лама – уроженец Сиккима, но получивший образование в Тибете – возвращается в родные края.

Вскоре я смогла познакомиться с ними, оба оказались выдающимися учеными.

Первый из них – Кушог¹⁰ Шоз-дзед. Шоз-дзед – принадлежал к династии древних королей Тибета. По политическим соображениям его долго держали в заключении, и он приписывал свое слабое здоровье отравленной пище, которой, как он думал, его кормили в темнице.

Князь Сиккима, относившийся к ученым с глубоким уважением, принял беглеца очень радушно. Желая обеспечить его средствами к существованию и, в то же время, дать молодым монахам возможность извлечь пользу из его знаний, он назначил ученого настоятелем монастыря в Энше, обязав обучить грамматике человек двадцать послушников.

Кушог Шоз-дзед был «Гелуг-па», то есть членом реформированной секты, основанной приблизительно в 1400 году Тсонг-Кхапа и запросто именуемой сектой «Желтых Колпаков». Иностранцы, считающие доктрины и религиозные обряды «Желтых колпаков» диаметрально противоположными доктринам и обрядам «Красных колпаков»,

---

⁸ Один из тибетских апостолов VIII века, Падмасамбхава был магом и принадлежал к секте выродившегося буддизма, именуемого тантрическим. Но нет никаких оснований, подтверждающих его пристрастие к спиртным напиткам. Ему приписывают этот порок для оправдания собственной распущенности. – *Прим. авт.*

⁹ В Жигатзе – столице провинции Тсанг. – *Прим. авт.*

¹⁰ Господин, но с оттенком большего почтения, скорее эквивалент английского «сэр», означающий более высокое общественное положение, чем обращение «мистер». – *Прим. авт.*

могли бы убедиться в своем заблуждении при виде настоятеля, Гелуг-па, заседающего во главе монахов красной секты и распевającego вместе с ними тексты богослужений.

Не знаю, усердно ли предавался лама из Энше медитациям, и можно ли отнести его к категории мистиков, но ученый он был поразительный. Его память походила на волшебную библиотеку: каждая книга всегда готова была раскрыться на нужной странице. Он с легкостью цитировал десятки текстов. Последняя способность не исключение в Тибете, но Кушог Шоз-дзед поражал совершенным пониманием самых тонких нюансов всех приводимых им цитат.

Из скромности или же из инстинктивной гордости своим происхождением, более древним и более высоким, чем его покровитель, лама из Энше посещал виллу принца редко и только тогда, когда было необходимо поговорить с ним о делах вверенного ему монастыря. Изредка он заходил ко мне, но чаще я сама поднималась в гомпа, расположенный на одной из отрогов господствующей над Гангтоком горы. Побеседовав со мной несколько раз, недоверчивый, как все уроженцы Востока, лама, желая проверить объем моих сведений о буддизме и степень моего проникновения в буддистские истины, придумал забавную хитрость. Однажды, во время моего визита, он извлек из ящика стола лист с длинным списком вопросов и с самой изысканной любезностью предложил мне ответить на них немедленно. Темы были выбраны запутанные, разумеется, с намерением смутить меня. Я с честью вышла из испытания. Мой экзаменатор остался, по-видимому, доволен. Тут он признался, что до сих не верил в мою принадлежность к буддизму, и, не умея разобраться в мотивах, побудивших меня расспрашивать лам, опасался, не руководят ли мною недобрые намерения. Теперь он совершенно успокоился и в дальнейшем оказывал мне большое доверие.

Второй лама вскоре прибыл в Гангток, на родину, из монастыря Толунг Тсерпуг, расположенного в районе Лхасы. Там он учился в молодости и туда же вернулся в качестве секретаря главы секты «Карма-па» – одной из самых значительных сект «Красных колпаков». Его звали Бермиак Кушог – господин Бермиак, так как он был сыном властителя этой местности, одним из редких представителей сиккимской знати, принадлежащей к роду аборигенов «Лепша». Подобно Кушогу Шоз-дзед он удостоился высшей степени посвящения в сан гелонга и соблюдал безбрачие. Как священнослужителю, имеющему титул махараджи, ему отвели покои во дворце. Почти ежедневно он отправлялся через дворцовые сады в виллу, занимаемую наследным принцем, и там, в обставленной в английском стиле гостиной, мы подолгу беседовали с ним на темы, совершенно чуждые западному мировосприятию.

Я люблю вспоминать эти беседы. Именно тогда начала приподниматься для меня завеса, скрывающая от наших взоров Тибет и его духовное сословие.

Сидкеонг-тюльку, как всегда облаченный в свои сияющие одежды, председательствовал на диване перед столиком; я сидела напротив в кресле. Перед каждым из нас стояла маленькая чашечка из тонкого китайского фарфора на серебряной подставке, увенчанная крышечкой в форме пагоды с украшениями из коралла или бирюзы. На некотором расстоянии от принца для Кушога Бермиак – величественного в своем монашеском одеянии цвета темного граната – были приготовлены другое кресло, маленький столик и чашечка на серебряном блюдечке, но без крышки. Давасандюп, часто присутствовавший при этих беседах, сидел у наших ног по-турецки (на Востоке говорят: в позе «лотоса»), а его чашка, стоявшая на ковре, была без блюдечка и без крышки. Так предписывал тибетский этикет – очень сложный и очень строгий во всем, что имеет отношение к распределению во время приема между гостями крышек, блюдечек и кресел различной вышины.

Пока Бермиак Кушог, красноречивый и ученый оратор, держал речь, нас радушно угощали тибетским чаем бледно-розового цвета, приправленного маслом и солью. Богатые тибетцы всегда имеют под рукой полную чашку чая. О людях, живущих в роскоши, в Тибете принято говорить: «Губы их всегда увлажнены чаем или пивом». Из уважения к

соблюдаемой мною чистоте буддизма во время этих приемов подавали только чай. Молодой слуга приносил чай в огромном серебряном чайнике. Он легко передвигался по комнате, держа чайник на уровне плеча, затем наклонял его над нашими чашками точным тренированным движением совершающего обряд священнослужителя. В одном из углов горели ароматические палочки, наполняя комнату благоуханием, не похожим ни на какие курения Индии или Китая, с которыми мне пришлось познакомиться во время моих путешествий. Порой из дворцовой часовни доносились приглушенные расстоянием медленные, торжественные напевы, хватающие за душу своей мучительной печалью... А лама из Бермиака продолжал свое повествование о жизни и философии мудрецов и метафизиков, живших давно или живущих в наше время на заповедной земле, граница которой была так близко...

Кушогу Шоз-дзед и Бермиак Кушогу обязана я первым приобщением к еще неизвестным нам ламаистским верованиям, относящимся к смерти и потустороннему миру.

Поскольку один из лам принадлежал к секте «Желтых колпаков», а второй к секте «Красных колпаков», внимая поучениям как того, так и другого, я могла быть уверена, что приобретенные мною знания действительно будут выражать общепринятое толкование истины, а не только доктрины, исповедуемые одной сектой и отвергаемые другими. Кроме того, в последующие годы мне приходилось неоднократно беседовать с другими ламами в различных районах Тибета. Для простоты изложения объединяю различные их высказывания в приведенном ниже резюме.

Смерть и мир мертвых

Как правило, невежды думают, будто буддисты верят в перевоплощения, даже в метемпсихоз.¹¹ Но они заблуждаются. На самом деле буддизм учит только, что энергия, полученная в результате духовной и физической деятельности какого-либо существа, порождает после его смерти новые явления духовного и физического порядка. На эту тему существует множество хитроумных теорий, и, по-видимому, мистики Тибета трактуют вопрос о смерти глубже, чем большинство других буддистов.

Философское мировоззрение доступно только избранным. Эта истина не требует подтверждения. Что касается толпы, то, сколько бы ни повторяла она ортодоксальный символ веры: «Все соединения непостоянны, никакого „Я“ не существует», она продолжает цепляться за более простое верование в неопределенную сущность, странствующую из мира в мир, перевоплощаясь в различные формы.

Но, тем не менее, ламаисты представляют себе условия этих странствий своеобразно, значительно расходясь во взглядах со своими единоверцами из южных стран: Цейлона, Бирмы и других. По их мнению, проходит более или менее длительный период времени между смертью и мгновением, когда умерший возрождается среди того или другого из шести признаваемых ими видов живых существ.

Эти шесть видов следующие: 1) боги; 2) существа небожественного происхождения, подобные титанам; 3) люди; 4) другие существа добрые или злые – включая сюда гениев, духов, фей и пр.; 5) животные; 6) идаги – чудовища, вечно терзаемые голодом и жаждой, обитатели различных чистилищ, подвергаемые там жестоким мучениям.

Ни одно из указанных состояний не бывает вечным. Смерть настигает всех – как богов, так и стенающих в чистилище горемык, а за смертью следует возрождение, либо среди существ прежней категории, либо в новой среде. По народным верованиям, условия, в которых возрождается умерший, зависят от совершенных им при жизни добрых или злых дел. Более просвещенные ламы учат: человек или какое-либо другое существо своими

---

¹¹ То есть, переселение душ из одного тела в другое. – *Прим. авт.*

мыслями и действиями развивает в себе свойства, приводящие его естественным путем к возрождению в соответствующих этим свойствам условиях. Наконец, по мнению других лам, существо своими поступками, главным образом своей духовной деятельностью, изменяет природу составляющего его вещества, и, таким образом, само превращает себя в бога, в животное, в осужденного на мучения духа и т. д. До сих пор эти истины полностью совпадают с теориями, признаваемыми общей массой буддистов. Но в остальном ламаисты более оригинальны.

Прежде всего, следует отметить, что ламаисты придают сметливости и изворотливости даже еще большее значение, чем некоторые секты махаянистов (разновидность буддизма, преобладающего в странах Северо-Восточной и Центральной Азии). «Сметливый человек проживет с комфортом даже в преисподней» очень популярная поговорка в Тибете. Она лучше всяких объяснений выражает взгляды ламаистов на то, что именуется ими «тхабс» (способ действия). Итак, между тем, как большинство их единовещерцев убеждены, что судьба умершего с математической точностью определяется его моральной сущностью, ламаисты полагают возможным для ловкого человека (того, «кто знает, как нужно за это взяться») изменить и улучшить свою судьбу после смерти, возродиться по возможности в благоприятных условиях.

Я говорю «по возможности», так как, несмотря на все надежды на «ловкость рук», бремя совершенных поступков («ниен лас»), по их верованиям, все же остается довлеющей силой, иногда настолько значительной, что все ухищрения покойного или даже старания принимающего участие в его судьбе чудотворца-святого, бессильны удержать дух от перевоплощения в бедственных условиях. Приведу пример такого бедственного перевоплощения немного дальше. Отталкиваясь от идеи, будто находчивость и изворотливость, во всяком случае, представляют основное значение, ламаисты рассудили – к умению хорошо жить следует присовокупить умение хорошо умереть и успешно выходить из затруднительных положений и на том свете.

Как полагают, посвященные знают, что их ждет после смерти. Созерцатели уже при жизни видели и испытали сопровождающие смерть ощущения. Значит, они не будут удивлены и не испугаются, когда их личность распадется. Ее действительная сущность освободится от своей оболочки, сознательно вступит в потусторонний мир и уверенно пойдет вперед по уже знакомым дорогам и тропам, заранее зная, куда они ее приведут.

Что же продолжает свой путь после того, как превратилось в труп? Это одно из различаемых ламаистами «сознаний»: сознание своего «Я» или же, согласно другой терминологии, «жажда жизни».

Я позволила себе обозначать словом «дух» путника, за которым мы последуем в его странствиях в потустороннем мире. Хотя слово «дух» плохо выражает понятие, передаваемое учеными ламаистами словосочетанием «йид ки рнампар шеспа», оно все же имеет преимущество, так как привычно для слуха европейцев. Кроме того, я просто вынуждена его употреблять за неимением в европейских языках другого, более подходящего термина.

Итак, посвященные обладают способностью сохранять ясность сознания в период отделения духа от телесной оболочки и переходят из этого мира в мир иной вполне сознательно, понимая, что с ними происходит. Поэтому в свой смертный час они не нуждаются ни в чьей помощи, и отправление религиозных обрядов после их смерти совершенно бесполезно.

Но с простыми смертными дело обстоит иначе. Под простыми смертными здесь следует понимать всех монахов и мирян, не обладающих искусством умирать. Таких людей подавляющее большинство.

Ламаизм не предоставляет невежд самим себе. Во время агонии и после их смерти лама обучает их тому, чего они не успели усвоить при жизни. Он объясняет им природу сившихся им существ и вещей, он и успокаивает и, главное, неутомимо назидает: какой путь им надлежит избрать.

Первая забота ламы, дающего умирающему последнее напутствие – помешать ему уснуть, впасть в обморочное или коматозное состояние. Он обращает его внимание на последовательное исчезновение различных «сознаний», оживляющих его чувства: сознание глаза, сознание носа, языка, тела, уха, т. е. постепенную потерю зрения, обоняния, вкуса, осязания, слуха. В бесчувственном теперь теле мысль должна оставаться активной и внимательно наблюдать совершающееся таинство. Теперь важно заставить дух покинуть свою оболочку через темя: если бы дух вышел каким-нибудь другим путем, будущее благополучие его сильно бы ухудшилось. Извлечение духа из тела производится, как уже говорилось выше, ритуальными восклицаниями – «хик» и следующий за ним «пхет». Прежде, чем произнести «пхет» лама должен, глубоко сосредоточившись, отождествить себя с только что отошедшим покойником и сделать усилие, какое понадобилось бы сделать последнему, чтобы заставить дух подняться к макушке головы с силой, достаточной, чтобы пробить для себя в темени выходную щель. Посвященные могут самостоятельно произвести восхождение своего духа к макушке и, чувствуя приближение конца, самим произнести освободительные «хик» и «пхет». Таким способом они могут даже совершить самоубийство, и, если верить молве, такие случаи действительно бывают.

Бесплотный дух пускается затем в удивительные странствия. Народное поверье превращает их в реальное путешествие по действительно существующим местам, населенным тоже вполне реальными существами. Однако образованные ламаисты считают эти скитания сменой ряда субъективных видений, простым сном, создаваемым самим духом под влиянием различных его склонностей и прежних поступков.

Некоторые утверждают, что непосредственно после освобождения от телесной оболочки дух получает мимолетное, как молния, провидение высшей действительности. Если он способен постигнуть откровение, он окончательно освобождается от «круга» перевоплощений и смертей. Он уже достиг состояния нирваны. Это бывает редко. Чаще всего, внезапный свет ослепляет дух. Он отступает, влекомый ложными представлениями, своей привязанностью к индивидуальному существованию, к своему «Я» и чувственным наслаждениям. Или же смысл видения ускользает от него совершенно – так от внимания человека, поглощенного повседневными заботами, часто ускользает все, что вокруг него происходит. Невежественный покойник, попавший в потусторонний мир во время обморочного состояния, придя в себя, не сразу осознает, что с ним произошло. Еще много дней он пытается разговаривать с людьми, обитающими в его прежнем жилище, и удивляется, почему ему никто не отвечает и, по-видимому, даже не замечает его присутствия. По словам одного ламы из предместья в Литанге (Восточный Тибет), некоторые умершие рассказывали через посредство медиумов «паос», как они пытались пользоваться принадлежащими им при жизни вещами взять плуг, чтобы пойти вспахать свое поле, снять одежду с гвоздя и прикрыть наготу. Их раздражала невозможность совершать привычные действия. В подобных случаях дух приходил в замешательство. Что с ним случилось? Он видит неподвижное тело, похожее на его собственное, окруженное ламами. Неужели он умер?

Простаки считают, что бесплотному духу убедиться в своей смерти совсем не трудно. Для этого ему следует отправиться в песчаную местность и рассмотреть свои следы на песке. Если отпечатки ступней повернуты наоборот, то есть, пятками вперед, а пальцами назад, дух не должен больше сомневаться: он действительно умер.

Но, скажете вы, что же это за дух с ногами? Дело в том, что ноги имеет не дух, а связанное с ним эфирное тело.

Точно так же, как и древние египтяне, тибетцы верят в «двойника». При жизни в нормальном состоянии этот двойник неразлучен с материальным телом. Тем не менее, при определенных условиях он может отделиться и тогда уже не ограничен местом пребывания своего материального двойника. Он может показываться в других местах и, невидимый, совершать разнообразные странствия.

У некоторых людей расставание двойника с телом происходит произвольно.

Тибетцы уверяют, будто специальные упражнения могут вызывать его по желанию. Однако такое отделение двойника бывает неполным: остается соединяющая обе формы связующая нить. Она сохраняется более или менее длительное время и после смерти. Разложение трупа обычно, но не обязательно, влечет за собой разрушение двойника. В некоторых случаях двойник переживает тело.

В Тибете встречаются люди, пролежавшие в летаргическом сне очень долго. Они описывают различные места, где они, по их словам, побывали. Одни из них ограничивались посещением стран, населенных людьми, но другие повествуют о странствиях в райских краях, в чистилище или в Бардо – в промежуточной области, где дух скитается после смерти в ожидании нового воплощения. Этим необыкновенных путешественников именуют «делог», что означает «вернувшийся с того света». Хотя рассказы «делогов» о виденных местностях и дорожных приключениях не совпадают, почти все они единодушно признают, что ощущения мнимо умерших довольно приятны.

В деревне Тсаваронг я встретила женщину, пролежавшую несколько лет тому назад с бездыханным телом целую неделю. Она рассказывала, как приятно ее поразили легкость и ловкость ее новой оболочки, передвигавшейся с необыкновенной быстротой. Стоило ей только захотеть перенестись в какое-нибудь место, как она оказывалась там мгновенно. Она могла переходить реки – прямо по воде, проходить сквозь стены и т. д. Для нее было невозможным только одно: ей не удавалось разорвать почти неосязаемую материальную нить, соединяющую ее с прежним телом, распростертым на ложе. Она видела ее очень ясно. Нить эта могла вытягиваться до бесконечности, но мешала ей передвигаться. «Я в ней запутывалась», говорила женщина. Мой приемный сын в юности видел одного делога-мужчину, и он описывал пережитое им состояние точно также.

Поскольку делог умирает не по-настоящему, очевидно, ничто не доказывает, будто ощущения, испытываемые им в летаргическом сне, подобны ощущениям настоящих мертвецов на том свете. Но тибетцев такие соображения, по-видимому, не смущают.

В Тибете с момента смерти до похорон проходит всегда много времени. Когда умирающий испустил дух, на него надевают его платье на выворот (перед сзади, спина спереди), затем усаживают и стягивают ноги бечевкой в позе Будды со скрещенными ногами или подтянутыми к груди коленями. В деревнях после этого труп обычно сажают в котел. Когда его оттуда извлекают, котел, загрязненный трупной жидкостью, слегка споласкивают и варят в нем суп или чай для угощения присутствующих на похоронах гостей.

В высокогорных центральных и северных провинциях на большой высоте над уровнем моря тело разлагается медленно. Но в жарких долинах с влажным климатом трупы, оставляемые в доме в течение восьми дней и даже дольше, распространяют невыносимое зловоние. Это обстоятельство несколько не портит аппетит у «трапа», расточающих мертвецу советы, какие пути следует избрать и какие избегать на том свете. Они вкушают свою трапезу перед лицом покойника и вместе с ним, поскольку старший трапа недвусмысленно приглашает покойника разделить с ними угощение в следующих выражениях: «Такой-то, пусть дух твой незамедлительно явится сюда и насытится».

В лесистых местностях Тибета трупы сжигают. Жители обширных безлесных центральных и северных областей, которым служит топливом только навоз скота, оставляют своих покойников на растерзание хищным зверям на специально отведенных для этой цели участках на окраине селений. Кочевники и жители некоторых районов уносят мертвецов куда-нибудь в горы. Что касается останков высшего духовенства, то их иногда высушивают двойной процедурой: засолкой и поджариванием в масле. Получаемая в результате такой обработки мумия именуется «мардонг». Мумии завертывают в одежды, золотят им лицо и заключают в мавзолеи из массивного серебра, украшенные драгоценными камнями. В некоторых гробницах на уровне головы трупа помещают стекло, через которое виден его золотой лик. Других великих лам просто пережигают в масле, а кости их хранят в богатых ковчегах.

Под влиянием буддистского учения о святости добрых дел, ламаисты видят в

обряде погребения возможность раздачи посмертной милости. Умиравший выражает мнение – или, по крайней мере, считается, что он его выражает, – чтобы тело его, в качестве последнего дара милосердия, послужило для насыщения голодных.

В сочинении, озаглавленном «Путеводитель для душ умерших на том свете» о церемонии погребения говорится следующее:

«1. Труп переносят на вершину горы. Здесь хорошо отточенным ножом отсекают от него руки и ноги. Внутренности, сердце, легкие раскладывают на земле. Их пожирают птицы, лисицы и волки.

2. Тело сбрасывают в священную реку. Кровь и трупная жидкость растворяются в голубых волнах. Мышцы и жир идут в пищу рыбам и речным грызунам.

3. Труп сжигают. Мышцы, кожа и кости превращаются в груды пепла. „Тизасы“¹² питаются смрадом от костра.

4. Труп зарывают в землю. Тело, кости, кожу сосут черви».

Зажиточные семьи после погребения заказывают ламе отправление заупокойных обрядов каждый день в течение почти 6 недель. После этого сооружают изображение покойника из деревянных палочек и навешивают на них принадлежавшее ему при жизни платье. Голову изображает лист бумаги. Иногда на нем рисуют портрет умершего, но чаще такие листы покупают в монастырях, где они размножаются типографским способом. Существует два образца листов: на одном изображен мужчина, на другом – женщина. Под изображением оставлено место, куда вписывают от руки имя покойника или покойницы. Снова совершают религиозный обряд. В конце церемонии лама сжигает лист с изображением умершего. Одежды, надетые на чучело, переходят в его собственность, как часть гонорара. После этого символического сожжения узы, еще привязывавшие мертвого к живым, окончательно обрываются.

Тибетцы всеми силами стараются избежать всяких сношений с усопшими. Особенно ясно выражают крестьяне в прощальных речах, обращенных к мертвецу. Непосредственно перед выносом тела из дома, когда покойнику подают последнюю его трапезу, один из старейших членов семьи говорит ему:

– Слушай, – говорит он, – ты умер. Пойми это как следует. Тебе здесь нечего больше делать. Поешь посытнее в последний раз, тебе предстоит долгий путь через ущелья и перевалы. Наберись сил и больше назад не возвращайся.

Мне пришлось однажды услышать еще более любопытное увещание. Настойчиво повторив несколько раз, что покойнику больше нечего делать на этом свете и его просят не возвращаться, оратор добавил:

– Пагдзин, знай, в твоём доме был пожар. Все твоё имущество сгорело дотла. Ты забыл уплатить долг, и твой кредитор увел твоих двух сыновей в рабство. Жена твоя ушла к новому мужу. Тебе будет очень горько видеть все эти несчастья. Поэтому, смотри, не вздумай возвращаться.

Меня поразило нагромождение таких необычных злоключений.

– Как все это случилось? – спросила я у одного из присутствующих.

– Ничего и не случилось, – ответил он, лукаво улыбаясь. Дом и скот в полной сохранности. Жена и сыновья спокойно сидят дома и никуда не собираются уходить. Все это говорится, чтобы отбить у покойника всякую охоту вернуться домой. Подобные хитрости кажутся довольно наивные для людей, верящих в способность двойника видеть и слышать все, что происходит в мире живых.

Лама тоже призывает умершего продолжать свой путь не оглядываясь, но он убеждает его на языке священных обрядов, гораздо более изысканным, чем выражения, употребляемые селянином. Кроме того, совет этот дается ему на благо, между тем, как

---

¹² Полубоги, питающиеся запахами. Некоторые насыщаются ароматами, между тем как другие предпочитают зловоние. – *Прим. авт.*

простолюдин помышляет только, как бы избегнуть оккультного присутствия привидений, которых крестьяне боятся.

Тем временем, пока совершаются заупокойные обряды, дух умершего бредет по Бардо. Одно за другим возникает перед его взором то сияющие существа совершенной красоты, то омерзительные чудовища. В разных направлениях расходятся дороги всех цветов радуги. Его осаждают странные видения. Растерзанный, обезумевший дух блуждает среди сонмов одинаково страшных для него призраков. Если до его слуха доносятся благие напутствия, расточаемые ламой над его мертвым телом и ему удастся ими воспользоваться, он может, подобно провидцам-посвященным сознательно вступить в потусторонний мир и выбранная им стезя приведет его к возрождению среди богов. Но для тех, кто при жизни не имел о Бардо ни малейшего представления, кто попадает туда преисполненный сожаления об утраченной жизни, наставления ламы совершенно бесполезным. Вероятно, они их даже не слышат. В смятении дух упускает подобный случай проявить в загробном мире находчивость и уклониться от математически справедливого возмездия за прошлые свои проступки. Он не видит путей, ведущих к спасению. Его обступают, предлагая себя, зачаточные органы людей и животных, и, обманутый ложными видениями, принимая их за гроты и дворцы, дух устремляется под манящие прохладой и покоем своды. Таким образом, он сам предопределяет для себя характер нового воплощения. Один возвратится в оболочке пса, другой будет сыном почтенных родителей.

По другим верованиям, те, кого не посетило духовное просветление, кто не уловил смысла первого загробного видения, бредут, словно объятые страхом стадо, через миражи Бардо до самого судилища Шиндже – судьи над душами умерших. Шиндже изучает прошлую их жизнь в зеркале, хранящим отражение всех деяний, или же взвешивает их поступки в виде белых и черных камней. В зависимости от пропорций добрых или злых дел он решает, в какой среде дух должен перевоплотиться, а также определяет условия перевоплощения: физическая красота или уродство, духовная одаренность, общественное положение и т. д.

Перед лицом беспристрастного и неумолимого судьи не может быть и речи, чтобы спастись хитростью. Помимо этого, изворотливость имеет успех только в пределах, допускаемых характером совершенных при жизни дел. Я уже упоминала об этом, в качестве примера привожу здесь очень типичную тибетскую притчу, не лишенную юмора.

Один великий лама-т्योंку провел всю свою жизнь в праздности. Хотя в юности у него были прекрасные учителя и большая, унаследованная от предшественников библиотека, и его всегда окружали выдающиеся ученые, т्योंку еле-еле научился читать. И вот этому ламе пришла пора умирать.

В те времена жил один чудак-философ и волшебник очень крутого нрава. Его эксцентричные, а иногда и непристойные выходки, сильно преувеличенные биографией, породили много рассказов в духе Рабле – жанра, пользующегося в Тибете большой популярностью.

Однажды Дугпа Кунлегс – так его звали – брел куда-то и на берегу ручья увидел пришедшую по воду девушку. Не говоря ни слова, он вдруг накинулся на нее с намерением изнасиловать. Но девушка оказалась не слабого десятка, а Кунлегс был уже стар. Она защищалась очень энергично. Наконец, ей удалось одолеть его, и она вихрем помчалась в селение, рассказать о своем приключении матери. Старушка была поражена. Местные жители придерживались строгих правил. Никого из них нельзя было заподозрить. Бездельник, должно быть, из чужих краев. Она попросила точно описать наружность негодяя. Пока дочь сообщала интересующие мать подробности, та размышляла. Она вспомнила, что во время одного паломничества встретила «дубтоба»- (мудрец и маг) Дугпа Гунлегс. Описание полностью совпадало со всеми приметами этого непостижимо чудаковатого святого. Сомнений быть не могло: Дугпа Кунлегс покушался на невинность ее дочери. Крестьянка рассуждала: правила поведения, обязательные для обыкновенных людей, непригодны для магов, обладающих сверхъестественными знаниями. Дубтоб не обязан

соблюдать ни нравственные, ни какие-либо другие законы, его действия диктуются высшими соображениями, недоступными для понимания простых смертных.

– Дочь моя, – сказала она, наконец – это человек великий Дугпа Кунлегс. Все, что бы он ни делал – во благо. Вернись к нему, пади к его ногам и сделай все, чего бы он не потребовал.

Девушка вернулась к ручью. Дубтоб сидел на камне, погруженный в размышления. Она упала ему в ноги и попросила простить ее, т. к. она сопротивлялась, не зная, кто он. Теперь она готова сделать все, что он пожелает.

Святой пожал плечами.

– Дитя мое, – сказал он, – женщина не возбуждает во мне ни малейшего желания. Дело вот в чем: великий лама из соседнего монастыря прожил недостойную жизнь и умер в невежестве. Он пренебрег всеми возможностями получить образование. Я видел в Бардо его блуждающий дух, увлекаемый к несчастному возрождению. Я из милосердия решил предоставить ему для воплощения человеческое тело. Но тяжесть его злых дел перевесила – ты убежала. Пока ты была в селении, осел и ослица на лугу совокупились. Великий лама скоро возродится в теле осленка.

Большинство покойников уступают настойчивым просьбам родственников во время похорон и никогда ничем не напоминают о себе живым. Последние делают из этого вывод: судьба умершего на том свете окончательно решена и, по всей вероятности, вполне удовлетворительна. Однако некоторые мертвецы оказываются менее деликатными. Они часто являются во сне своим близким или друзьям. В их прежних жилищах происходят странные явления. Тибетцы считают тогда, что умерший страдает и просит помощи. В таких случаях нужно попросить совета у лам-провидцев. Они определяют, какие нужно совершить обряды, сколько раздать милостыни, какие священные книги следует читать для облегчения участи усопшего.

Очень многие тибетцы, преимущественно в пограничных областях в подобных обстоятельствах прибегают к помощи своей древней религии.

– Нужно поговорить с самим умершим, думают они. Для этой цели, какой-нибудь медиум, мужчина или женщина (пао или памо) должен предоставить духу свое тело и говорить за него.

Спиритические сеансы в Тибете совсем не похожи на сеансы в европейских странах. Не требуется ни темноты, ни тишины. Иногда сеансы проводят на открытом воздухе. Медиум не спит и не сидит в неподвижной позе. Наоборот, он беспутствует, как одержимый. Аккомпанируя себе на маленьком барабане и позванивая ручным колокольчиком, медиум начинает тянуть священные напевы, в то же время исполняя нечто вроде танцевальных па – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Вскоре им овладевает судорожная дрожь: в него входит какое-то существо из иного мира – божество, гений, демон или дух умершего. Тут медиум впадает в исступление и прерывающимся голосом выпевает обращение невидимого существа к присутствующим. Разобрать отрывистые выкрики пао или памо очень трудно. И, так как чрезвычайно важно знать, кто говорит голосом медиума и понять, чего он хочет, обязанность внимать ему доверяют самым мудрым людям селения.

Во время сеанса медиумом иногда овладевают попеременно различные божества или духи. Порой, повинувшись наущению очередного духа, он внезапно набрасывается на кого-нибудь из присутствующих и нещадно его колотит. Такое неожиданное назидание обычно переносят очень покорно. Тибетцы думают, что избивание производится с целью изгнать незаметно вселившегося в беднягу беса, обнаруженного духом, вошедшим в тело медиума. Страдающие на том свете покойники, как правило, ограничиваются рассказами о своих злоключениях.

– По дороге, – заявил дух на одном из сеансов (я на этом сеансе присутствовала), – я встретил демона. Демон затащил меня в свое жилище и превратил в раба. Он меня тиранит и заставляет работать без передышки. Сжальтесь надо мной! Освободите меня, чтобы я мог

устремиться к «Обители Великого Блаженства».

Мать страдальца, его жена и дети заливались горькими слезами.

Родственники, услышав посмертные мольбы злополучного покойника, только и думают, как бы облегчить его мучения.

Это сложно. Прежде всего, нужно войти в сношение с демоном и договориться о выкупе раба. Обычно избирают посредником кудесника-бона. Последний ставит в известность близких незадачливого духа, что демон требует в качестве выкупа принесение в жертву свиньи или коровы. После жертвоприношения бон впадает в транс. Теперь его дух или двойник отправился в логово демона.

Вот бон в пути. Путь долгий, тягостный, усеянный препятствиями. Это можно заключить, наблюдая как колдун корчится. Но, в отличие от пао, бон ограничивается движениями головы и туловища. Стремительный поток прерывистой речи слетает с его уст, повествуя об удивительных похождениях. Он говорит еще невнятнее, чем пао, и даже самым сметливым слушателям стоит больших усилий следить за смыслом его рассказа. Наконец, колдун доходит до цели своего путешествия и хватает злополучного духа, чтобы его увести: демон получил условленный выкуп. Однако он часто проявляет вероломство и не желает расставаться со своей жертвой. Бон вступает с демоном в единоборство – он извивается, тяжело вскрикивает.

Семья и друзья умершего с замиранием сердца следят за всеми перипетиями разыгрывающейся драмы и бывают вне себя от радости, когда изнемогающий колдун заявляет, что одержал верх и отвел духа в безопасное и приятное место.

Далеко не всегда первая попытка бывает удачной. На многих сеансах спасения духов, на которых мне удалось присутствовать, колдун после инсценировки неслыханных усилий и отчаянной борьбы, в конце концов, оказывался побежденным: демон снова завладевал духом. В таких случаях приходится все начинать сначала.

Когда спасение духа от рабства доверяется ламе, никакого жертвоприношения для выкупа не требуется: ученый лама, знающий ритуальную магию, считает себя достаточно могущественным, чтобы заставить демона подчиниться своей воле.

Под влиянием буддизма обитатели подлинного Тибета отказались от принесения в жертву животных. Среди тибетцев в Гималаях дело обстоит иначе. Влияние на них ламаизма очень незначительно – в действительности, они настоящие шаманисты.

Верования ученых лам и еще в большей степени ламаистов-созерцателей, относящиеся к судьбе духа на том свете, очень отличаются от верований масс. Прежде всего, они считают многочисленные дорожные приключения духа в Бардо явлениями субъективного порядка. По их мнению, характер наших загробных видений определяется нашими взглядами и представлениями. Райские обители, преисподняя, суд над мертвыми и прочее являются после смерти только тем, кто верил в это при жизни.

Один «гомтшен» (отшельник-созерцатель) из Восточного Тибета рассказал мне по этому поводу следующую историю: «Специальностью одного художника была роспись храмов. Среди прочих фигур он писал фантастических существ с человеческими туловищами и головами животных, изображение слуг судьбы над мертвыми. Пока он работал, его маленький сын часто играл возле него. Ребенка забавляло, как на фресках возникают чудовища. Случилось так, что мальчик умер. Попав в Бардо, он встретил там разных страшилищ и узнал своих старых знакомых. Ребенок радостно засмеялся: „Я вас всех знаю, это вас мой папа рисует на стене“, и мальчик захотел поиграть с ними».

Однажды я спросила ламу из Энше, какие видения после смерти могут быть у материалистов, считающих смерть абсолютным уничтожением всего.

– Возможно, посмертные видения такого человека – ответил лама, – соответствуют религиозным верованиям его детства или окружавшей его среды. В той степени, в какой позволяет ему его умственное развитие и ясность мышления после смерти, он наблюдает и анализирует все, что видит. Перед ним возникают факты и собственные его рассуждения, на основе которых при жизни он отрицал реальность этих фактов. Таким образом, он мог бы

прийти к выводу, что видит мираж. У человека с менее развитым умом вера в полное уничтожение после смерти, скорее результат полного безразличия, умственной лени, чем убеждения. И он может и совсем ничего не увидеть. Но это нисколько не помешает энергии, порожденной его прежними поступками, следовать своим путем и проявиться в новых формах. Выражаясь простым языком, все это не помешает новому воплощению материалиста.

* * *

Со времени моего приезда в Сикким я очень много работала. Об этом свидетельствовали многочисленные тетради, заполненные выписками и конспектами. Я решила, что имею право на каникулы. Наступило лето, стало жарко. Мне захотелось совершить экскурсию на север страны.

Выбранный мной путь шел по превосходной вьючной тропе, ведущей из Гангтока в Кампа Дзонг и в Жигатзе – в Тибет. Тропа вилась по пологам и склонам потонувшего в тропических джунглях Дику, по берегам Тисты и поднималась вдоль русла одного из ее притоков до самого верховья среди восхитительных пейзажей. Почти в 80 километрах от Гангтока, на высоте 2400 метров тропа пересекала селение Латшен, которому суждено было сыграть важную роль в истории моего знакомства с ламаистским мистицизмом.

Латшен – небольшое горное селение – жители наполовину земледельцы, наполовину скотоводы, – расположено на крайнем севере Сиккима. Это последний населенный пункт по дороге к перевалу на тибетской границе. Над хижинами возвышается убогий монастырь, прилепившийся к одному из горных склонов.

Я отправилась туда на следующий день по приезде. Убедившись после беглого осмотра, что храм интереса не представляет, я собиралась уже уходить, как вдруг на ярко освещенный пролет широко открытой двери легла тень, и на пороге появился лама. Я говорю «лама», хотя на незнакомце не было монашеского одеяния. Но платье его ничем не напоминало и одежду мирянина. На нем была белая, длинная – до самого пола – юбка и китайского покроя жилет гранатового цвета с большими проймами для очень широких рукавов желтой рубахи. На груди висело ожерелье – четки из кружков какого-то сероватого вещества¹³ вперемежку с коралловыми бусинами; в ушах у него блестели большие золотые кольца с украшениями из бирюзы. Собранные в толстую длинную косу волосы ниспадали до пят. Это диковинное создание рассматривало меня в полном молчании, мой запас тибетских слов в то время был еще очень невелик. Поэтому я не осмелилась заговорить, ограничилась поклоном и вышла. На террасе перед монастырем меня ждал юноша, служивший мне переводчиком и интендантом во всех вопросах, связанных с путешествием и наймом слуг. Едва завидев ламу, спускавшегося вслед за мной по ступенькам перистилия, он трижды распростерся у его ног и попросил благословения. Я удивилась: юноша не часто расточал подобные знаки почтения и до сих пор удостаивал ими только князя-тюльку и Бермиак-Кушога.

– Кто этот лама? – спросила я на обратном пути в бунгало, служившее здесь приютом для путешественников.

– Он великий гомтшен, – ответил мальчик. – Мне рассказал о нем один монах, пока вы были в храме. Этот лама прожил много лет совсем один в пещере, очень высоко в горах. Демоны повинуются ему. Он творит чудеса: может убивать людей на расстоянии и летать по воздуху.

– Вот это действительно необыкновенный человек, – подумала я. Биография аскета-отшельника Милареса, прочитанная мной с Давасандюпом, и все, что я слышала

---

¹³ Как я узнала позже, эти кругляшки были выточены из человеческих черепов. – *Прим. авт.*

вокруг себя о жизни отшельников о необычайных истинах, которые они исповедуют, о чудесах, которые творят – сильно разожгли мое любопытство. Теперь представлялся случай поговорить с одним из таких чудотворцев. Но как? Мой толмач знал только сиккимский диалект и, разумеется, не владел тибетской философской терминологией. Он никогда не сумеет перевести моих вопросов. Все это меня и подзадоривало и раздражало. Я плохо спала и видела бессвязный сон. Мне приснилось, будто меня окружает стадо слонов. Их напряженно вытянутые по направлению ко мне хоботы издавали оглушительные трубные звуки. Этот необыкновенный концерт и разбудил меня. В моей комнате царил тьма. Слоны исчезли, но музыка продолжалась. Внимательно прислушавшись, я узнала мотивы религиозных напевов. Ламы музицировали в преддверии храма. Кому дают они эту ночную серенаду? Я решила во что бы то ни стало поговорить с гомтшеном, и послала просить его принять меня. На следующий день в сопровождении юного толмача я опять направилась в монастырь.

В жилище ламы вела приставная лестница, примкнутая к небольшой лоджии, украшенной фресками. В ожидании приема я стала их рассматривать. На одной из стен какой-то бесхитростный художник, одаренный богатой фантазией, намного превосходящей его талант рисовальщика, изобразил муки чистилища, населив его забавной толпой демонов и терзаемых ими грешников с комическими физиономиями.

Гомтшен жил в помещении, похожем на молельню. Потолок поддерживали деревянные, выкрашенные в красный цвет, стойки. Свет проникал в одно маленькое окошко. Алтарь в глубине комнаты служил по тибетскому обычаю библиотекой. Среди книг в нише стола статуэтка Падмасамбхавы; перед ним лежали ритуальные приношения: семь сосудов, наполненные прозрачной водой и светильник. На маленьком столике курились палочки благовоний, примешивая свой аромат к затхлому запаху чая и топленого масла. Сидением для хозяина дома служили выцветшие и вытертые подушки и ковры. Золотая звездочка светильника на алтаре в дальнем конце покоя освещала пыль и запустение.

С помощью боя-толмача я старалась сформулировать несколько вопросов о проблемах, уже знакомых мне из бесед с ламами в Гангтоке. Но это был напрасный труд. Тут мне нужна была бы помощь Давасандюпа. Бедный мальчуган ничего не смыслил в философии. Он совсем ошалел, стараясь найти подходящие слова для фраз, смысла которых совершенно не понимал. Пришлось сложить оружие, и мы с ламой долго сидели друг против друга в глубоком молчании.

На следующий день я выехала из Латшена, продолжая путь на Север. Красота дороги и до сих пор была чарующей, а теперь сделалась волшебной. Азалия и рододендрон еще не сбросили свой весенний наряд. Казалось, будто радужный поток затопил долину. Его пурпурные, сиреневые, желтые и ослепительно белые волны набегали на склоны ближних гор. От моих носильщиков, по горло погруженных в пышную растительность, оставались на поверхности одни только головы, и они казались издали пловцами в океане цветов. Через несколько километров пути сказочные сады стали постепенно редеть. Вскоре лишь кое-где оставались розовые пятна азалий, упорствовавших в борьбе с высотой. Тропа вела к высоким перевалам (перевалы Кору и Сепо – высота 5000 м) через фантастические пейзажи. Среди великого пустынного молчания пели хрустальные голоса прозрачных ледяных ручьев. Порой на берегу угрюмого озера странная птица, увенчанная золотым султаном, важно взирала на проходивший караван. Мы поднимались все выше вдоль исполинских ледников, минуя призрачные входы в наполненные гигантскими тучами таинственные лощины, и вдруг сразу вышли из полосы туманов: перед нами предстало во всем величии Тибетское плоскогорье, исполинское, обнаженное и сияющее под ослепительным небом Центральной Азии.

С тех пор я прошла вдоль и поперек страну, скрытую за туманной цепью гор, заслонившей от меня в тот день далекий горизонт, видела Лхасу, Жигатзе, пустыню трав с ее огромными, как море, озерами, я была в Кхаме – стране рыцарей-разбойников и магов, в непроходимых лесах По, и в волшебных долинах Тсаронга, где зреют гранаты, – но ничто никогда не могло затмить в моей памяти того первого впечатления от Тибета.

Через несколько недель хорошей погоды снова начал падать снег. Мои дорожные запасы истощились. Носильщики и слуги нервничали, стали сварливыми. Однажды мне пришлось ударами хлыста разнимать двух из них, дравшихся с ножами за место у костра. После нескольких кратких экскурсий вглубь тибетской территории, я покинула границу. У меня не было снаряжения и припасов для более длительного путешествия. Кроме того, уходящая вдаль земля была запретной.

На обратном пути я снова прошла через Латшен, снова повстречалась с гомтшеном и беседовала с ним о месте его отшельничества, где он прожил в одиночестве семнадцать лет. Оно находилось выше в горах, на расстоянии однодневного перехода от селения. Мой толмач легко перевел эти подробности, так как лама излагал их на местном диалекте. Я не решилась упоминать о демонах, которых народная молва определила ламе в прислужники. Я знала, что мой юный помощник слишком суеверен и не посмеет переводить подобные вопросы. Кроме того, лама, вероятно, не захотел бы на них отвечать.

Я возвратилась в Гангток огорченная: упустила возможность узнать много интересного. С сокрушенным сердцем отдалялась я от Тибета, меньше всего подозревая, какие удивительные последствия будет иметь эта поездка.

Вскоре Далай-лама оставил Калимпонг. Его войска разбили китайцев. Он праздновал победу и возвращался в Лхасу. Я поехала попрощаться с ним в селение, расположенное под перевалом Желеп. Прибыв на место, Далай-лама должен был остановиться, гораздо раньше его, я застала там нескольких сиккимских царедворцев, бывших в большом волнении. На них лежала обязанность подготовить временное жилище для государя-ламы, но – как это всегда бывает на Востоке – необходимые вещи доставили слишком поздно; мебель, ковры, драпировка – еще ничего не было расставлено, а прибытия высокого путешественника ждали с минуты на минуту. В горном домике суетились обезумевшие господа и слуги. Я стала помогать и устроила из подушек ложе для Далай-ламы. Некоторые из присутствующих уверяли, что это принесет мне счастье в этой жизни и во всех последующих воплощениях.

Уж не это ли помогло мне впоследствии дойти до самой Лхасы?

Я еще раз беседовала с владыкой Тибета. Его мысли, по-видимому, теперь всецело были заняты политикой. Все-таки он еще раз благословил всех продефилировавших перед ним верующих своей метелочкой из лент, но чувствовалось, что сердцем он уже далеко за пограничным перевалом и занят соображениями о результатах одержанной победы.

Следующей осенью я уехала из Сиккима в Непал, а затем пробыла около года в Бенаресе. Здесь я долго жила в ранней молодости и теперь с удовольствием посетила старые места. Члены теософического общества оказали мне любезный прием и предоставили в мое распоряжение дом в своем прекрасном парке. Аскетическая красота этого жилища прекрасно гармонировала с мистической атмосферой святого Шивы и соответствовала моим вкусам. Я снова прилежно принялась за изучение Веданты и немного забросила ламаизм, так как надеялась получить когда-нибудь возможность углубить мои сведения о нем. Я совсем не собиралась уезжать из Бенареса. Но неожиданное стечение обстоятельств, оставшихся навсегда для меня неясными, вынудили меня однажды утром сесть в поезд, отправлявшийся в Гималаи.

Глава 2

Монастырь Поданг. – Заклятия и благословения. – Собеседник с того света. – Мистики Восточного Тибета и их теории. – Странное проявление прозорливости. – Ламаистская пустыня. – Колдун из Транглунга и его летающие пироги. – Как я стала отшельницей на высоте 3900 метров над уровнем моря. – Путешествие в Жигатзе. Просчет дамы-полиандристки: третий муж не слушается. – Я в гостях у Траши-ламы и его матери. – Отшельник из Пхутага.

В Гангтоке я застала одного Бермиак Кушога: лама из Энше уехал в Тибет, в

Жигатзе и вернулся только через несколько месяцев, Давасандюпа пригласили переводчиком британского представителя на Китайско-Тибетскую конференцию в Индии. Старый махараджа умер и ему наследовал его сын Сидкеонг-тюлку, которой не мог уже много времени посвящать изучению ламаизма. Составленные мною путевые планы нельзя было реализовать, все препятствовало осуществлению моих желаний. Мало-помалу мне стало казаться, будто все окружающее дышит неприязнью. Меня преследовали какие-то невидимые существа, убеждали уехать, гнали прочь, внушали, что все равно не позволят ни совершенствовать мои познания в ламаизме, ни продвигаться дальше в глубь Тибета. Эти существа стали являться мне наяву. Я видела, будто они ликуют уже после моего отъезда, радуются моему изгнанию.

Можно было объяснить все явления лихорадкой, неврастением, вызванной неудачами и усугубляемой умственным переутомлением. Некоторые, может быть, усмотрели бы здесь действия оккультных сил. Чем бы это ни было, мне не удавалось справиться с состоянием одержимости, граничившим с галлюцинациями. Успокоительные средства не помогали. А не поможет ли мне перемена обстановки?

Пока я размышляла, где мне устроиться, не покидая Гималаев, владыка Сиккима, сам того не подозревая, предупредил мое желание, предложив мне поселиться в Подангском монастыре, расположенном в пятнадцати километрах от Гангтока в лесах, почти постоянно окутанных густыми туманами.

Отведенное мне помещение состояло из огромной угловой комнаты на втором этаже храма и необозримой кухни, где по тибетскому обычаю спали два слуги. Свет небесный вливался в мое жилище через две колоссальные амбразуры. С таким же гостеприимством они пропускали ветер, дождь и град сквозь отверстия, зиявшие по обе стороны каждого окна, так как слишком узкие рамы касались стены только по вертикали.

В одном углу зала я разложила книги на выступе стены и расставила складные стул и стол – это был мой кабинет; в другом углу подвесила к балкам потолка палатку и поместила туда свою походную кровать – это была спальня. Середина комнаты, слишком щедро вентилируемая ветрами всех сторон света, служила чем-то вроде гостиной, где в хорошую погоду я принимала посетителей.

Что меня в Поданге восхищало, так это церковная музыка. Я наслаждалась концертами по два раза в день – утром перед рассветом и вечером на закате солнца. Оркестр был чрезвычайно скромным: он состоял из двух «гиалингов» (род гобоя), двух «рагдонгов» (гигантские тибетские трубы от трех до четырех метров длиной) и двух литавр. Колокольчики низкого тона в особенном, принятом в храмах Востока ритме, прозванивали прелюдию. После паузы глухо рокотали рагдонги. Затем одни гиалинги исполняли медленную музыкальную фразу, бесконечно трогательную своей простотой, и снова ее подхватывали, уже с вариациями и под аккомпанемент низких голосов рагдонгов. В финале, подражая отдаленным раскатам грома, вступали литавры. Печальная мелодия струилась плавно, подобно водам глубокого потока, без прорывов, без блеска, без вспышек страсти. Она дышала неутомимой тоской, будто все страдания душ, кочующих из мира в мир с начала мироздания, изливались в ней в одной бесконечно усталой и безнадежной жалобе.

Какой, сам, не ведающий о своем гении, музыкант услышал этот лейтмотив вселенской скорби и каким образом с подобным разношерстным оркестром удавалось людям, явно не наделенным никаким художественным чутьем, передавать его с такой раздирающей сердце убежденностью? Эту тайну они не смогли мне объяснить. Приходилось слушать, не мудрствуя лукаво, глядя, как занимается над головами заря или как меркнет вечернее небо.

В Поданге помимо обычного богослужения я имела возможность присутствовать на некоторых ежегодных церемониях, имеющих отношение к демонам. Аналогичные обряды мне пришлось позже видеть в Тибете, где они совершаются с большей торжественностью. Но, по моему мнению, пышность лишает их красочности глухих гималайских лесов. Колдовство не любит яркого света и толпы.

Прежде всего, трапа проветривали Махакалу, все остальное время года хранящегося на замке в шкафу вместе с приношениями и колдовским реквизитом.

В каждом без исключения ламаистском монастыре обязательно находится место для древних туземных богов и божеств, вывезенных из Индии. Переселившись в Страну Снегов, эти последние сильно деградировали. Тибетцы с бессознательным пренебрежением превратили их в демонов и подчас обращаются с ними очень сурово. Из изгнанных на чужбину индусских божеств Махакала наиболее популярен. Его первоначальной сущностью был один из образов Шивы как разрушителя мира. Ламы-маги низвели Махакалу до уровня простого злого духа, держат его в рабстве, заставляют оказывать всевозможные услуги и время от времени без стеснения наказывают.

Народное предание повествует, что глава секты «Карма па» заставил Махакалу себе прислуживать. Однажды, находясь при дворе китайского императора, лама чем-то не угодил владыке, и тот приказал привязать его за бороду к лошадиному хвосту. Волочась с риском для жизни за лошадь, великий Карма па призвал на помощь Махакалу. Последний немного замешкался, и лама освободился сам, прибегнув к магическому заклинанию, отделившему его бороду от подбородка. Поднимаясь с земли, лама увидел запоздавшего со своими услугами Махакалу и в гневе закатил ему такую оплеуху, что хотя с тех пор прошло много веков, щека злополучного демона до сих пор распухшая.

Трапа из Поданга, разумеется, не могли позволить себе подобную вольность: Махакала внушал им неподдельный ужас. Среди трапа как здесь, так и в других монастырях ходили слухи о зловещих чудесах. Порой сквозь стенки шкафа, где будто бы хранилось в заключении это страшное существо, просачивалась кровь; порой, открывая шкаф, находили в нем смертные останки – человеческий череп или сердце. Появление их в шкафу можно было объяснить только вмешательством оккультных сил. Маску Махакалы, то есть, его самого, так, как будто бы в ней он и обитает, извлекали из шкафа и помещали в темную пещеру рядом с храмом, специально отведенную для него и ему подобных. Пещеру сторожили двое послушников, они без передышки бормотали магическую формулу, чтобы помешать Махакале ускользнуть. Часто в ночную пору мальчики, убаюкиваемые монотонным напевом, боролись с дремотой, дрожа от ужаса, в полном убеждении, что малейшая оплошность с их стороны даст демону возможность выйти на свободу, и тогда они неминуемо станут его первыми жертвами.

Крестьян в окрестных деревнях очень беспокоила видимость предоставляемой Махакале свободы. Они рано запирали двери своих жилищ, и матери умоляли детей возвращаться домой до захода солнца.

Более мелкая бесовская братия блуждала по окрестностям, подстерегая удобный случай устроить кому-нибудь злую каверзу. Ламы заманивали их заклинаниями и загоняли в очень красивую клетку, сделанную из дощечек и цветных ниток. Эту изящную темницу затем торжественно выносили за монастырские стены и низвергали вместе с заключенными в ней узниками в пылающий костер. Но на счастье колдунов бесы, составляющие для них постоянный источник дохода, бессмертны, и на следующий год приходится проделывать все сначала.

Пока я жила в монастыре, из Тибета вернулся один ученый лама знатного сиккимского рода. Он наследовал от своего недавно умершего брата место настоятеля монастыря Рхюмтек. Обычай требовал от него совершения в различных «гомпа» его секты обрядов, обеспечивающих усопшему благоденствие на том свете.

Я знавала покойного. Он был прекрасный человек, муж двух жен, всегда жизнерадостный, без претензий на глубокие философские познания, но умевший по достоинству оценить добрый французский коньяк, поглощая его по несколько бутылок в день. В своем крае он был богачом и имел обыкновение покупать наугад массу вещей, совсем не зная их истинного назначения. Помню, однажды я увидела на этом крепко сколоченном силаче с его могучими плечами головной убор трехлетнего младенца, украшенный невинными розовыми лентами.

Новый настоятель обычно именовался господином из Тибета (Пе Кушог), так как он жил преимущественно в Тибете. Он не походил на своего брата ни в чем. Даже в Лхасе он слыл выдающимся ученым-грамматистом, имел высшую степень посвящения и соблюдал безбрачие, что среди духовного сословия в Гималаях было редкостью.

Возглавляемые им похоронные церемонии продлились целую неделю. Блаженные дни пиршества для трапа: в течение этого времени на монастырскую братию изливались щедроты наследника.

Затем Пе Кушог приступил к совершаемому ежегодно обряду благословения монастырских зданий. Эскортируемый хором трапа, распевавших молитвы добрых пожеланий, он прошел по коридорам монастыря, бросая на ходу в каждую комнату немного освященного зерна. Несколько пригоршней ячменя, брошенных им с благосклонной улыбкой и приветствием «Транш Шог» – «Да пребудет здесь изобилие», стегнули по полотнищам моей «палатки-спальни» и рассыпались по столу и книгам в «кабинете». Благоденствие! Благоденствие!.. После таких усердных освящений, монастырь должен был бы стать филиалом Райской Обители Великого Блаженства. Тем не менее, монахи, очевидно, чувствовали себя не совсем уверенно. Втайне они сомневались не только в собственных оккультных способностях, но и в оккультных знаниях ученого-грамматиста. А вдруг каким-нибудь бесам удалось избежать уничтожения? Может быть, они только притаились и готовы снова приняться за старое?

Однажды вечером появился гомтшен из Латшена, облаченный во все атрибуты черного мага: пятигранная тиара, ожерелье из бусин, выточенных из человеческих черепов, фартук резного ажурного кружева из человеческих костей, магический кинжал за поясом. Он стоял на виду у всех перед большим костром, чертил фигуры по воздуху жезлом «дорджи» и, читая тихим голосом заклинания, наносил в пространство удары кинжалом. Не знаю, с какими невидимыми демонами он сражался, но в фантастическом освещении пляшущего пламени костра, он сам производил впечатление настоящего дьявола.

Лечение, которое я сама себе прописала, оказалось эффективным. Каковы бы ни были причины моего нездоровья, микробы ли лихорадки, исчезнувшие при перемене места, умственное переутомление, развеянное новизной впечатлений, или же сознательные существа из оккультного мира, побежденные моей решимостью не поддаваться их влиянию, – что бы там ни было, но меня оставили в покое. Тем не менее, во время моего пребывания в Поданге имел место странный случай.

Сидкеонг-тюльку, сделавшись махараджей, вздумал убедить своих подданных отказаться от суеверий и исповедовать ортодоксальный буддизм. Он пригласил одного монаха-проповедника, философа Южной школы, для борьбы против антибуддистских обычаев, таких как колдовство, поклонение духам и пристрастие к хмельным напиткам. Монах этот, по имени Кали Кумар, принялся за дело.

Для махараджи-ламы, настоятеля Поданга, были отведены в монастыре особые покои. Он занимал их в тех редких случаях, когда возглавлял отправляемые монахами религиозные церемонии. В бытность мою в монастыре он провел в нем два дня.

Однажды в предвечерние часы мы пили с ним чай и беседовали о миссии Кали Кумара и других способах просвещения закосневших в суеверии горных жителей.

– Невозможно точно узнать, – говорила я, – каким был настоящий Падмасамбхава, когда-то проповедовавший в Тибете. Несомненно одно. Тибетские «Красные колпаки» из Сиккима сделали его героем легенд, поощряющих пьянство и нелепые пагубные обычаи. Они поставили его изображение на свои алтари и поклоняются под именем Падмасамбхавы злему духу собственного изобретения... Вот точно также, как и вы сами, – сказала я, показывая на статуэтку великого мага, восседавшего на алтаре в глубине комнаты в сиянии горящего у его ног светильника. Следовало бы, – снова было начала я... и прервала фразу. Меня перебили. Между тем, никто ничего не говорил. В комнате было совершенно тихо, но я живо ощущала присутствие какой-то враждебной силы... Третий невидимый собеседник вмешался в разговор.

– Ничего у вас не выйдет, что бы вы ни затеяли, – сказал он. – Люди в этой стране принадлежат мне... Я сильнее вас.

В изумлении внимала я этому беззвучному голосу и решила уже, что он просто был отголоском моих сомнений в успехе предполагаемых реформ, как вдруг махараджа ответил. Он ответил на то, чего я не говорила. Он возражал невидимому противнику его планов:

– Почему это у меня ничего не выйдет? – спросил он. – Возможно, для того, чтобы изменить верования селян и низшего духовенства, потребуется много времени. Будет нелегко уморить голодом демонов, которых они кормят, но победа все-таки останется за мной. – Он шутил, намекая на обычай колдунов приносить животных в жертву злым духам.

– Но ведь это не... – начала было я и запнулась... Мне пришло в голову, что несмотря на отважное объявление войны демонам, принц все-таки не чужд суеверий, и лучше будет ничего ему не рассказывать. Не хочу утверждать, что мое мнение о суевериях Сидкеонг-тюльку было правильным. Он, вероятно, был свободен от них в большей степени, чем я предполагала. Об этом свидетельствует следующий его поступок.

По гороскопу махараджи год, оказавшийся затем годом его смерти был чреват для него всевозможными опасностями. Вера тибетцев в предсказание судьбы по гороскопу незыблема. Желая устранить враждебные влияния, многие ламы, в их числе гомтшен из Латшена, предложили махарадже отслужить принятые в подобных случаях обряды. Сидкеонг-тюльку поблагодарил и наотрез отказался, говоря, что если ему суждено умереть, то он сумеет достойно перейти в мир иной.

Я убеждена, что махараджа оставил по себе память нечестивца. Впрочем, все введенные им новшества и религиозные реформы были отменены. С проповедями, с запрещениями пить пиво в храме было покончено. Какой-то лама просто оповестил местное духовенство о возвращении к старым обычаям и привычкам. Предсказание исполнилось – невидимый враг торжествовал.

Хотя моя штаб-квартира находилась в Поданге, я не совсем отказалась от экскурсий по стране. Во время путешествия я и познакомилась с двумя гомтшенами из Восточного Тибета, недавно поселившимися в Гималаях.

Один из них жил в Сакионге и поэтому именовался «Сакионг-гомтшен». В Тибете считается невежливым называть людей по имени. Всех, кого не почитают ниже себя, именуют каким-нибудь титулом. У этого гомтшена были очень причудливые повадки и широкий ум. Он посещал кладбища и на целые месяцы запирался у себя для занятий магией. Подобно своему коллеге из Латшена, гомтшен не носил строгого монашеского одеяния и не стриг по обычаю волосы наголо, но закручивал их узлом на затылке, как это делают индийские йоги. Длинные волосы у не-мирянина в Тибете служат одним из отличительных признаков аскетов-отшельников и мистиков-созерцателей, так называемых «налджорпа».

До сих пор мои беседы с ламами велись главным образом о философских доктринах махаянистского буддизма, составляющего суть ламаизма. Но Сакионг-гомтшен ставил эти доктрины не очень высоко и к тому же был с ними плохо знаком. Он имел склонность к парадоксам. «Учение, – говорил он, – бесполезно: оно не дает знания, а скорее препятствует его достижению. Тщетны наши усилия узнать что-нибудь. В действительности, мы постигаем только собственные мысли. Причины, их породившие, недоступны человеческому разуму. Мы стремимся понять эти причины, но нам удается уловить только наши представления о них». Хорошо ли он понимал собственные речи, или же только повторял прочитанное или услышанное от других?

По просьбе принца-тюльку Сакионг-гомтшен тоже отправился в путь с проповедями. Я имела случай видеть, как он проповедовал. Повторяю, «видеть», а не слышать, так как в то время моих знаний тибетского языка было недостаточно, чтобы понимать все, что он говорил. Но в роли апостола он выглядел весьма внушительно. Его пылкая речь, жесты, богатая мимика обличали прирожденного оратора, а испуганные, залитые слезами лица слушателей свидетельствовали о производимом его проповедью впечатлении. Мне не пришлось больше видеть ни одного буддиста, ораторствовавшего с

таким эффективными приемами. Ортодоксальный стиль исключает жестикуляцию и раскаты голоса как неуместные при изложении истины, призывающей к победе безмятежного разума.

Однажды я спросила Сакионг-гомтшена: – «Что такое высшее освобождение „тхарпа“ (нирвана)? – Он ответил: – Это отсутствие всяких верований, всякого воображения, прекращение деятельности, рождающей миражи».

– Вам следовало бы поехать в Тибет и принять посвящение от учителя «Прямого пути», – сказал он мне как-то, – вы слишком приверженны доктринам секты «ниен теус». ¹⁴

Я провижу, что вы способны постигнуть тайное учение.

– Но каким образом я смогла бы попасть в Тибет, – возразила я, иностранцев туда не пускают.

– Ну и что же, – спокойно заметил гомтшен, – в Тибет ведет много путей. Не все ламы живут в Ю или Тсанге (центральные провинции со столицами Лхасой и Жигатзе). На моей родине можно встретить ученейших лам.

Мысль отправиться в Тибет через Китай никогда не приходила мне в голову, и даже в тот день намек гомтшена ничего не пробудил в моей душе. Мой час тогда еще не пробил.

Второй гомтшен отличался необщительным нравом и сдержанностью, придававшими обычным обязательным и для него формулам вежливости оттенок высокомерия. По тем же причинам, что и его собрат (о последнем я только что рассказывала), его именовали Далинг-гомтшен: Далинг название местности, где он постоянно жил. Далинг-гомтшен всегда носил строгое монашеское одеяние, дополняя его кольцами из слоновой кости в ушах и пронизывающим его шиньон серебряным с бирюзовыми кольцами украшением «дорджи». Лама проводил каждое лето в уединении на вершине лесистой горы. Там для него была построена хижина.

Незадолго до его приезда, его ученики и окрестные крестьяне переносили в хижину припасы на три или четыре месяца. После этого гомтшен категорически запрещал кому бы то ни было приближаться к своему жилищу. Я полагаю, ему не стоило большого труда оградить свое уединение. Местные жители не сомневались, что он совершает страшные обряды, завлекая в ловушку демонов, и принуждает злые создания отказываться от недобрых намерений, угрожающих имуществу и безопасности его почитателей. Покровительство гомтшена их успокаивало. Но, с одной стороны, они боялись, приближаясь к хижине, встретить злых духов, а с другой – таинственность, всегда отличающая поведение и нравы отшельников-налджорпа, тоже побуждала их к осторожности.

Как бы ни мало был склонен этот лама отвечать на мои вопросы, он был обязан махарадже своим положением настоятеля маленького монастыря в Далинге, и желание князя вынуждало его изменить немного своей сдержанности. В числе тем, затронутых мною в беседах с ним, был вопрос о дозволенной для буддистов пище. Подобаet ли, – спрашивала я, истолковывать софизмами категорическое запрещение убивать, дозволено ли буддисту наперекор заповедям есть мясо и рыбу? Как и преобладающее большинство тибетцев, лама не был вегетарианцем. Он изложил мне ряд не лишенных некоторой оригинальности теорий, и в дальнейшем мне снова пришлось слышать их в Тибете.

Большинство людей, – сказал он мне, – едят только, чтобы насытиться, не размышляя о совершаемом ими акте и его последствиях. Этим невеждам полезно воздерживаться от животной пищи. Другие же, напротив, знают, во что превращаются элементы веществ, попадающих в их организм, когда они съедают мясо какого-нибудь животного. Они понимают, что усвоение организмом материальных элементов влечет за собой усвоение других, связанных с ними духовных элементов. Владеющий знаниями может на свой собственный страх и риск комбинировать подобные соединения, стремясь извлечь из них результаты, полезные для принесенного в жертву животного. Проблема заключается в том, увеличат ли поглощаемые человеком животные элементы его животную сущность, или

---

¹⁴ Буддизм, исповедуемый в южных странах, на Цейлоне и т. д. – *Прим. авт.*

же он сумеет превратить входящую в него животную субстанцию, возрождаемую в нем под видом его собственной деятельности, в умственную и духовную силу.

Тогда я спросила, не выражают ли его слова эзотерический смысл ходящего среди тибетцев верования, будто ламы могут посылать в Обитель Великого Блаженства духов убитых животных.

– Не воображайте, – сказал мне он, – что я мог бы ответить вам несколькими словами. Это вопрос сложный. Так же как и мы, животные имеют несколько «сознаний» и, как это происходит и с нами, все эти сознания не идут после смерти одним путем. Живое существо представляет собой смесь, а не единство... Но внимать этим истинам может только тот, кто предварительно получил посвящение от ученого наставника. Подобным заявлением лама часто прерывал свои объяснения.

Однажды вечером, когда принц, Далинг-лама и я беседовали в бунгало Кевзинга, разговор зашел об отшельниках-мистиках. Со сосредоточенным, покорявшим слушателя восторгом, гомтшен говорил о своем учителе, его мудрости и сверхъестественном могуществе. Дышавшие глубоким уважением слова ламы произвели большое впечатление на Сидкеонга-тюльку. В то время его очень беспокоил личный вопрос: предполагаемый брак с одной принцессой из Бирмы. «Как жаль, обратился он ко мне по-английски, – что невозможно посоветоваться с этим великим налджорпа. Без сомнения, он дал бы мне хороший совет...». Затем, обратившись к гомтшену, повторил по-тибетски: «Жаль, что здесь нет вашего учителя, мне очень нужно было бы посоветоваться с таким великим мудрецом-провидцем». Все же он не упомянул ни о характере дела, ни о причинах своей озабоченности. Гомтшен спросил с обычной своей холодностью:

– Это серьезный вопрос?

– Чрезвычайно важный, – ответил князь.

– Может быть, вы получите нужный вам совет, – сказал лама.

Я подумала, что он хочет послать учителю письмо с нарочным, и уже собиралась заметить, что такое путешествие займет слишком много времени, но, взглянув на гомтшена, остановилась в изумлении.

Лама закрыл глаза и быстро побледнел. Его тело напряглось. Я подумала, что ему дурно, и хотела подойти, но князь, тоже наблюдавший за гомтшеном, удержал меня, прошепав:

– Сидите спокойно. Гомтшены иногда внезапно погружаются в транс. Нельзя мешать ему. От этого он может сильно заболеть и даже умереть.

Я осталась сидеть, глядя на гомтшена. Он по-прежнему не двигался, его черты постепенно изменялись, лицо покрылось морщинами, приняв выражение, которого я никогда прежде у него не видела. Он открыл глаза, и принц вздрогнул от ужаса. На нас смотрел не лама из Далинга, но другой, совсем незнакомый человек. Он с трудом зашевелил губами и сказал голосом, совсем не похожим на голос гомтшена: «Не беспокойтесь. Этого вопроса вам никогда не придется решать».

Затем опять медленно закрыл глаза, его черты стали изменяться и превратились в знакомые нам черты ламы из Далинга. Постепенно лама пришел в себя. Он уклонился от ответов на наши вопросы и вышел молча, шатаясь, по-видимому, совсем разбитый усталостью.

– В его ответе нет никакого смысла, – решил князь.

Можно ли это объяснить случайностью или чем-нибудь другим, но будущее показало, что в словах гомтшена смысл все-таки был. Вопрос, так мучивший махараджу, имел отношение к его невесте и к связи с одной девушкой, от которой у него родился сын. Этой связи он не хотел прерывать из-за женитьбы. Действительно, ему не пришлось беспокоиться о своем отношении к этим двум женщинам: он умер до заключения предполагаемого брака.

Я имела случай видеть двух отшельников совсем особой категории. Им подобных я потом больше не встречала в Тибете, где, как ни парадоксально, туземцы гораздо

цивилизованнее, чем в Гималаях. Я возвращалась с принцем-ламой из поездки на границу Непала. Его слуги, зная, как он любит показывать мне «местные достопримечательности религиозного порядка», довели до его сведения, что недалеко от места, где мы провели ночь, на ближней горе спасаются два отшельника. По словам селян, эти люди скрывались, и так успешно, что вот уже несколько лет их никто не видел. Доставляемые им припасы складывались через большие промежутки времени в условленном месте под скалой, откуда отшельники забирали их ночью. Никто точно не знал, где расположены их хижины, да никто и не стремился их разыскать. Если анахореты не хотели, чтобы их видели, то местные жители сами избегали встреч с ними, может быть, с еще большей настойчивостью. Они относились к ним с суеверным ужасом и старались обходить их лес стороной.

Сидкеонг-тюльку давно уже перестал бояться колдунов. Он приказал слугам отправиться с селянами в горы и привести анахоретов, но не обижать их, обещать от его имени подарки, но не спускать с них глаз, чтобы они не сбежали.

Охота оказалась оживленной. Анахореты, захваченные врасплох в своем убежище, попытались скрыться, но в погоню бросились человек двадцать и, в конце концов, их поймали. Все-таки пришлось применить силу, чтобы втащить отшельников в маленький храм, где мы находились в обществе нескольких лам и гомтшена из Сакионга. Когда, наконец, отшельники очутились в храме, никто не мог добиться от них ни единого слова. Редко попадались мне такие забавные физиономии. Подвижники были ужасающе грязны; жалкие лохмотья едва прикрывали их тела. На лица свешивались длинные всклокоченные волосы, а глаза горели как раскаленные угли. Пока они озирались, точно посаженные в клетку дикие звери, князь торжественно приказал принести две большие тростниковые корзины, наполненные провизией: маслом, чаем, мясом, ячменной мукой, рисом – и объяснил им, что все это им предназначено. Но, невзирая на такую приятную перспективу, пустынные продолжали хранить ожесточенное молчание.

Один из селян высказал догадку: анахореты, обосновавшись в этой местности, дали обет молчания. Его высочество, страдавший припадками чисто восточного деспотизма, на это возразил – они, по крайней мере, могли бы держать себя почтительно и приветствовать владыку, как того требует обычай. Видя, что махараджа начинает сердиться, и, желая избавить отшельников от неприятностей, я попросила его отпустить их. Он колебался, но я настаивала. Тем временем я послала за двумя кулками сахарного песка, любимого лакомства тибетцев, из моего багажа и положила по одному в каждую корзину.

– Откройте дверь и пусть эти твари убираются, – приказал, наконец, махараджа.

Как только анахореты увидели, что путь свободен, они одним прыжком очутились около корзин и завладели ими. Один из них быстро вытащил что-то из-под своих лохмотьев, запустил руку с когтеобразными ногтями в мою прическу, и затем оба скрылись с быстротой и ловкостью горных коз. Я вынула из волос маленький амулет и показала его присутствовавшим, а позже нескольким другим ламам, владевшим искусством волшебства. Все они уверяли, что амулет был дан на счастье и обеспечивает мне общество одного демона, обязанного мне служить и устранять с моего пути все препятствия. Разумеется, я была в восхищении. Вероятно, анахорет понял, что я заступилась за него и его товарища, и, может быть, диковинный подарок был свидетельством его благодарности.

Последняя экскурсия совместно с князем-ламой снова привела меня в северную часть страны. Опять я посетила Латшен и повидалась с гомтшеном. На этот раз я смогла поговорить с ним, но беседа, к сожалению, была мимолетной: мы останавливались в Латшене только – на один день, так как хотели дойти до конечной цели нашего путешествия – подошвы Кинчинджинга (высота – 840 метров). Во время этого путешествия мы раскидывали лагерь на берегу красивого озера в пустынной долине Лонака поблизости от самого высокого перевала в мире – перевала Жонгсон (высота 7300 метров), где сходятся границы Тибета, Непала и Сиккима; затем мы провели несколько дней на краю гигантских морей, откуда поднимались покрытые ледниками вершины Кинчинджинги, после чего Сидкеонг-тюльку должен был расстаться со мной и вернуться в Гангток. Махараджа шутил

над моей любовью к высокогорным пустынным просторам, побуждавшей меня продолжать путешествие после его отъезда самостоятельно. Я живо помню князя, на этот раз не в одеянии из «Тысячи и одной ночи», но в европейском костюме альпиниста. Прежде чем скрыться из вида за большим скалистым выступом, он обернулся, размахивая шляпой: «До скорого свидания», – крикнул он, – «не задерживайтесь слишком долго». Я никогда его больше не видела. Он умер несколько месяцев спустя в Гангтоке при таинственных обстоятельствах. В то время я была в Латшене.

Долина Лонак находится слишком близко от Тибета, и я не могла противиться искушению перейти через один из ведущих туда перевалов. Самым доступным был перевал Наго (5450 м). Не считая снега, выпавшего в самом начале пути, погода была хорошая, но пасмурная. Вид, открывшийся с высоты перевала, ничем не напоминал зрелища, поразившего меня своим сиянием два года тому назад. Как и тогда, необозримая пустыня простиралась от подошвы горы к другим горным хребтам, неясно проступавшим в туманной дали. Но сумерки набросили на нее серо-сиреневую дымку, делавшую все более таинственным и, быть может, еще более непреодолимо манящим.

Я была бы рада побродить даже без цели по этой удивительной стране, но цель у меня была. Перед отъездом из Гангтока один из приближенных махараджи рекомендовал моему вниманию монастырь Шортен Нйима. Известные вам гомпа в Сиккиме, – сказала мне он, – совсем не похожи на монастыри Тибета. Вы не имеете возможности проникнуть в глубь страны, посетите, по крайней мере, монастырь Шортен Нйима. Он даст вам приблизительное представление о тибетских монастырях вообще.

В монастырь Шортен Нйима я и отправилась. Этот монастырь вполне оправдывает название «гомпа» (обитель в пустыне), присвоенное монастырям в Тибете. Невозможно себе и вообразить что-либо более отрезанное от мира, чем эта ламаистская пустынь. Помимо того, что все окружающая монастырь местность совершенно необитаема, очень большая высота над уровнем моря превращает ее в настоящую бесплодную пустыню. Причуда эрозии, высокие обрывистые утесы, широкая долина, поднимающаяся к горному озеру, снежные вершины, кристально прозрачный ручей, бурлящий по ложу из серо-сиреневых, серо-зеленых и розовых камней, создают вокруг этой обители каменный пейзаж, невыразимо величественный и безмолвный. Естественно, такой край должен быть колыбелью легенд и чудес, и в Шортен Нйима их сколько угодно. Прежде всего, своим названием «Солнце ковчега» он обязан удивительному путешествию одного шортена¹⁵ с мощами, чудесным образом перелетевшего сюда по воздуху из Индии. Древние предания повествуют также, что апостол Тибета Падмасамбхава скрыл в окрестностях Шортен Нйима некоторые манускрипты, трактующие мистические истины. Обнародование этих доктрин он считал несвоевременным (восьмой век), так как в те времена тибетцы не имели никакой духовной культуры. Учитель предвидел, что спустя много времени после перехода его в мир иной, ламы, ставшие в процессе перевоплощений достойными обрести рукописи, возвестят о них людям. По преданию, многие древние манускрипты были найдены именно в этой местности, и ламы до сих пор продолжают свои розыски.

Тибетцы уверяют, будто в окрестностях Шортен Нйима существует сто восемь горячих и холодных источников. Но далеко не все они доступны взору смертного. Большую их часть могут увидеть лишь «те, чьи помыслы безупречно чисты». Говорят, желания, задуманные у такого ручья, – если предварительно опустить жертвенное подношение там, где источник пробивается из-под земли, в его струи, и выпить из него глоток воды, всегда исполняются. Весь ландшафт оцетинился «чедо» (жертвенные камни), то есть, поднятыми дыбом или сложенными в пирамиды камнями. Воздвигнутые паломниками в знак почитания Падмасамбхавы, эти примитивные памятники считаются неуязвимыми ни для времени, ни для рук человеческих. Монастырь, должно быть, когда-то пользовался влиянием, но теперь

---

¹⁵ Шортен – закрытый ковчег с остроконечной крышей. – *Прим. авт.*

превратился в развалины. Причина упадка здесь, как и во всех многих других местах Тибета, следует, возможно, искать в вырождении древних сект, восставших против реформ Тсонг Кхапа. Учения последнего разделяет в настоящее время большинство духовного сословия государства. Я застала в монастыре только четырех монахинь секты «Древних» (гнингпа). Они соблюдали безбрачие по своей доброй воле и не носили монашеского одеяния.

Среди многочисленных примеров свойственного Тибету парадоксального своеобразия всегда поражало спокойное мужество тибетских женщин. Немногие из их европейских или американских сестер отважились бы жить в безлюдной пустыне маленькими группами по четыре, по пяти подруг или же в полном одиночестве. Очень немногие также согласились бы отправиться в путешествие на долгие месяцы, даже годы, по высокогорной пустынной стране, где можно встретить разбойников и хищных зверей. В этом именно и выражается своеобразие характера тибеток. Ведь они прекрасно отдают себе отчет во всех реально существующих опасностях, присоединяя к ним страх перед воображаемыми легионами злых духов, принимающих тысячи необычайных личин, вплоть до демонического кустарника, растущего на краю пропасти и хватающего путников своими колючими ветвями, увлекая их в бездну. Невзирая на доводы, вполне достаточные, чтобы удерживать женщин дома в селении, во многих местах Тибета можно встретить монахинь, живущих общинами, по меньшей мере, в двенадцать человек в дальних монастырях, иногда расположенных на большой высоте и отрезанным от мира снегами в течение восьми месяцев в году.

Другие же женщины живут отшельниками в пещерах, а многочисленные паломницы со скудными припасами за спиной путешествуют по всему необъятному Тибету.

Во время посещения «Лхакхангов» (обители богов, где хранятся их изображения), еще уцелевших среди развалин монастырских зданий, я набрела на один Лхакганг с коллекцией маленьких статуэток из раскрашенной глины. Эти статуэтки изображали ряд последовательных видений, окружающих бредущий через Бардо дух умершего. Над ними в позе Будды, погруженного в медитацию, восседал Дорджи Шанг, обнаженный, с телом голубого цвета, символизирующим пространство, т. е. на языке мистиков – Пустоту. Одна из монахинь удивила меня, объяснив значение статуэтки.

– Все они ничто, – сказала она мне, указывая на изображения фантастических существ, – мысль вызывает их из небытия, и мысль может заставить их снова раствориться в нем.

– Как вы об этом узнали, – спросила я, нисколько не сомневаясь, что девушка дошла до такой премудрости не собственным умом.

– Мне сказал об этом мой лама, – ответила монахиня.

– Кто он, ваш лама?

– Гомтшен, который живет на берегу озера Мо-тетонг.

– Он когда-нибудь приходит сюда?

– Нет, никогда. Лама Шортен Нйима живет в Транглунге.

– Он тоже гомтшен?

– Нет, он «нгагпа» (маг). Он живет с семьей. Он очень богат и совершает всякие чудеса.

– Какие чудеса?

– Он может вызвать дождь и бурю. Он исцеляет людей и животных или насылет на них болезни даже на расстоянии. И потом, послушайте, что он сделал несколько лет тому назад: – Было время жатвы, и лама приказал убрать и засыпать в амбар его зерно (услуга, во многих случаях бывающая обязанностью). Многие селяне ответили: они, разумеется, уберут урожай ламы, но сначала справятся со своими собственным. Погода стояла изменчивая, и они опасались града, часто выпадающего в это время года. Вместо того чтобы попросить ламу защитить их поля от непогоды, пока они будут убирать его поле, многие заупрямились и решили убрать свой ячмень в первую очередь. Тогда лама прибегнул к магии. Он совершил соответствующий обряд, призвал покровительствующих ему божеств и вдохнул жизнь в

«торма».¹⁶ Как только он закончил заклинания, «торма» взмыли вверх, полетели по воздуху как птицы, смерчем ворвались в дома ослушников и произвели в них настоящее опустошение. Но жилища селян, покорно работавших на полях ламы, остались в целости и сохранности – «торма» пролетели мимо них. С тех пор никто не осмеливается ослушаться ламу.

О, как мне хотелось побеседовать с этим чародеем, запускающим в пространство пироги-мстители. Я умирала от желания с ним познакомиться. От Шортен Нйима до Транглунга было недалеко. Монашка говорила, туда можно добраться пешком за один день... Но этот однодневный переход пролегал по запретной территории. Я только что во второй раз нарушила ее границы. Стоит ли еще рисковать и показываться в деревне? Не подвергаю ли я себя опасности изгнания из Сиккима? О том, чтобы отправиться в настоящее путешествие по Тибету, не могло быть и речи. Я к нему была совсем не подготовлена, и так как речь шла о мимолетном знакомстве с колдуном, я рассудила: не стоит ставить из-за него под угрозу продолжение моих занятий тибетским языком в Гималаях. Одарив монахинь и попросив передать от меня подарок ламе из Транглунга, я отправилась в обратный путь. В будущем мое желание исполнилось. Через два года я познакомилась с ламой и несколько раз гостила у него в Транглунге.

Наступила осень. Снег завалил перевалы. Ночевать в палатке стало мучением. Я перешла границу в обратном направлении и с удовольствием остановилась на отдых в доме, где в камине так весело горит огонь. Дом этот был одним из бунгало, построенных британской администрацией для иностранных путешественников. Такие дома можно встретить на всех дорогах Индии и смежных в ней стран, находящихся под контролем англичан. Благодаря этим бунгало, стали возможны путешествия, прежде требовавшие снаряжения настоящих экспедиций. Бунгало Тхангу построено в красивом и очень пустынном месте, окруженном лесами, на высоте 3600 м над уровнем моря и на тридцать километров к югу от тибетской территории. Мне было там хорошо. Я задерживалась, не желая торопиться с возвращением в Гангток или Поданг. У тамошних лам мне уже нечему было учиться. В мирное время я, может быть, уехала бы в Китай или в Японию, но из-за войны, разразившейся в Европе в момент моего отъезда в Шортен Нйима, морские путешествия стали опасными: подводные лодки бороздили океан. Я раздумывала, где бы мне провести зиму, как вдруг через несколько дней по приезде в Тхангу, узнала, что гомтшен из Латшена сейчас живет в своем убежище на расстоянии полуденного перехода от бунгало. Я сейчас же решила его навестить. Экскурсия обещала быть интересной. Мне очень хотелось посмотреть, что это за пещера, именуемая гомтшеном «Ясный свет», и как он в ней живет.

Отправляясь в Шортен Нйима, я отослала свою лошадь и путешествовала на спине яка, рассчитывая нанять лошадь в Латшене на обратном пути в Гангток. Видя меня в затруднении, сторож бунгало предложил собственную лошадь. «У нее верная поступь, уверял он, – и она легко взберется по нехоженой, очень крутой тропе, ведущей к пещере гомтшена». Я согласилась и на следующий день сидела на маленькой лошади рыжей масти. Лошадям полагаются удила и уздечка, но у яков их не бывает. Когда на них ездят верхом, руки остаются свободными. Я к этому уже привыкла и, погрузившись в свои мысли, стала надевать перчатки. Но я села на лошадь первый раз и совсем не знала ее норова. Мне следовало держать уздечку, о чем я совершенно забыла. Между тем, лошадка оказалась норовистой. Пока я предавалась мечтам, она вдруг уперлась передними копытами в землю и подкинула зад к облакам. Результат не замедлил сказаться. Взлетев на воздух, я приземлилась на обочине тропы, к счастью поросшей густой травой, и от сильного удара потеряла сознание. Придя в себя, я почувствовала резкую боль в пояснице и не в силах была выпрямиться. Рыжая лошаценка после своего антраша замерла на месте, смиренная, точно

---

¹⁶ Пироги из теста конической или пирамидальной формы, употребляемые в мистических и магических обрядах. – *Прим. авт.*

ягненок. Повернув голову в мою сторону, она с интересом наблюдала, как столпившиеся вокруг меня люди несли меня обратно в дом. Мои упреки глубоко огорчили сторожа бунгало.

– Никогда, – сокрушался он, – за этой лошастью не замечали ничего плохого. Уверю вас, она совсем не норовистая. Разве посмел бы я предложить ее вам, если бы не был в ней уверен? Я езжу на ней уже несколько лет. Вы сами увидите, я сейчас дам ей немного поразмяться.

Я видела через окно коварную лошадь. Она стояла неподвижно все в той же позе – настоящее воплощение кротости. Хозяин подошел к ней, что-то ей сказал, вставил ногу в стремя, и взлетел... но совсем не в седло, как собирался, а в воздух, куда его послало новое сальто смирной лошадки. Ему не так повезло, как мне. Бедняга упал прямо на камни. Все бросились к нему. Он сильно расшиб голову и обливался кровью, но кости были целы.

– Никогда, никогда эта лошадь ничего подобного не выкидывала, повторял он вперемежку со стонами, пока его уносили в дом.

– Поразительно, – подумала я, беспомощно распростершись на постели. Пока я размышляла о диковинных выходках смиренного животного, явился мой повар.

– О, преподобная госпожа, – обратился он ко мне, – тут что-то не так. Я расспросил слугу сторожа: это правда – его лошадь всегда была очень спокойной. Должно быть, во всем виноват гомтшен. Вокруг него кишат демоны... Не ездите к нему... С вами случится несчастье. Возвращайтесь в Гангток. Если вы не можете ехать верхом, я отыщу для вас носилки.

Пришел другой слуга. Он зажег ароматические палочки и светильники на алтаре. Ионгден,¹⁷ которому было тогда только пятнадцать лет, забился в угол и заливался горькими слезами. Этот спектакль придавал мне вид умирающей. Я рассмеялась:

– Перестаньте, – сказала я, – я еще не умерла. Демоны тут ни при чем. Гомтшен не злой человек, почему же вы его боитесь? Пообедаем пораньше, а потом все ляжем спать. Завтра увидим, что нам делать.

Два дня спустя, гомтшен, узнавший о моем приключении, прислал мне для путешествия к нему черную кобылу.

Переход был совершен без происшествий. Козьими тропами, петлявшими по заросшим лесом откосам, мы въехали на красивую поляну у подножья почти отвесного обнаженного склона, увенчанного изрезанным гребнем почти черных скал. Немного ниже кромки гребня развевались флажки, указывающие местоположение пещер отшельника.

Лама спустился навстречу до половины склона, чтобы приветствовать меня в своих владениях и затем проводил – но не к себе, а в другую обитель, расположенную по извилистой тропинке примерно на километр ниже его собственной. Он приказал принести большой котелок чая, приправленного маслом, и разжечь на земле в центре комнаты костер. Но слово «комната» может дать неправильное представление о предложенном мне помещении. Необходимо дать разъяснения. Речь идет не о доме, не о хижине, но о небольшой пещере, закрытой стеной из каменной кладки. В этой стене вместо окон было проделано два отверстия, каждое 20 см. Несколько досок, грубо обтесанных топором и связанных друг с другом полосками мягкой коры, служили дверью. Ничем не защищенные «окна» зияли в пустоту.

Стемнело почти сразу после нашего прибытия в обитель. Мои мальчики приготовили мне постель, расстелив одеяла прямо на голом камне, и гомтшен увел их на ночлег в хижину, по его словам примыкающую к его жилищу. Оставшись одна, я вышла из пещеры. Ночь была безлунной. Во мраке только белесая масса ледника в конце долины проступала из непроглядной тьмы, да устремлялись в звездное небо черные пики над головой. Внизу раскинулась крошечная тьма, из недр ее доносился рокот далекого потока.

---

¹⁷ Тибетский мальчик, лама, приемный сын автора. – *Прим. ред.*

Тропинка, такая узкая, что на ней едва умещались ноги, вилась по самому краю обрыва над пропастью. Я не отважилась отойти от пещеры в темноте. Пришлось отложить знакомство с окрестностями до завтра. Я вернулась и легла. Не успела я завернуться в одеяло, как пламя моего фонаря вспыхнуло и погасло. Слуги забыли наполнить резервуар керосином. Я не нашла спичек под рукой и, не привыкнув еще к конфигурации своего доисторического логова, не смела двинуться, боясь расшибиться об острые камни. Пронизывающий ветер дул в «окно» и дверные щели. Звезда смотрела на меня через амбразуру напротив моего ложа.

«О, если бы я мог умереть в этом уединении Я был бы доволен своей участью»¹⁸ сказала звезда, цитируя по-тибетски стихи Милареспа, и ее торжественный голос стал низким от звучащего в нем сомнения.

На следующее утро я поднялась к жилищу гомтшена. Это тоже была пещера, но больших размеров и лучше моей приспособленная для жилья. Все пространство под скальным сводом отгораживала стена, сложенная из выветренных камней с вделанной в нее прочной дверью. Первое помещение было кухней. Естественная арка в глубине служила входом в небольшой грот – нечто вроде коридорчика превращенного гомтшеном в комнату. Туда вела деревянная ступенька, так как уровень пола грота был выше пола кухни. Арку закрывала тяжелая разноцветная портьера. Эта задняя комната совершенно не вентилировалась. Единственная трещина в скале, пропускавшая прежде со светом и воздух, была заделана оконной рамой. Обстановка состояла из деревянных ларей, нагроможденных друг на друга за занавеской, висевшей над ложем, сооруженным из нескольких разложенных на земле больших твердых подушек. Перед ложем стояли два низеньких, сдвинутых вместе столика, вернее, просто поставленные на ножки доски, покрытые резьбой и раскрашенные. В глубине грота на маленьком алтаре виднелись обычные статуэтки и приношения. Каменные стены были сплошь завешаны картинками без рам, наподобие японских кимоно. Одна из таких картин маскировала шкаф, где ламы тантрических сект держат пленного демона. Впрочем, во время моего первого визита мне его не показывали. Снаружи две лачуги, пристроенные к скале, служили складом для припасов.

Как видите, жилище гомтшена не было лишено некоторого комфорта.

Это орлиное гнездо возвышалось над романтическим и безлюдным ландшафтом. Обо всей округе ходила недобрая молва. Туземцы считали примыкавшую к жилищу ламы местность логовом злых духов. Рассказывали, что когда-то давно, некоторые из селян – дровосеки или бредущие за стадом пастухи – отваживались иногда заходить в эти края. У них бывали фантастические встречи, порой кончавшиеся трагически. Тибетские отшельники любят выбирать такие места для жилья. С одной стороны, они считают их подходящей ареной для духовных подвигов, а с другой, полагают (по крайней мере, тибетцы им это приписывают), что здесь они смогут применить на деле свои магические знания во благо людям и животным – либо обращая демонов в праведную веру, либо не позволяя им сеять зло.

Прошло уже семнадцать лет с тех пор, как лама, именуемый туземцами Джоо гомтшеном (владыка гомтшенов), впервые обосновался в этой пещере. Монахи из монастыря Латшен постепенно приспособляли ее для жилья, пока она не превратилась в только что описанную мною резиденцию. Сначала отшельник жил в строгом заточении. Селяне и пастухи, снабжавшие его пищей, оставляли свои подношения у двери и удалялись, не повидав его. К тому же, приют его был недоступен в течение трех или четырех месяцев в году из-за снежных заносов, делавших непроходимыми все ведущие к нему долины.

С возрастом гомтшен стал держать у себя для услуг юношу, а к тому времени, как я сама поселилась в пещере под его жилищем, вызвал к себе свою сожительницу. Лама

---

¹⁸ Цитата из стихотворения, сложенного отшельником Милареспа (XI век), удалившимся от мира в пещеру. Это стихотворение очень популярно в Тибете. Вот его значение: Если я сумею жить в уединении до смерти и не буду испытывать искушения вернуться в мир, я смогу думать, что достиг духовной цели, к которой стремился. – *Прим. авт.*

принадлежал к секте «Красных колпаков» и не был обязан соблюдать безбрачие.

Я прожила в своей пещере неделю, и каждый день навещала гомтшена. Беседы с ним были не лишены интереса, но для меня было важно наблюдать повседневную жизнь тибетского отшельника. Немногим европейцам довелось жить в тибетских монастырях, но никто из них никогда не селился возле овечьих диковинными легендами анахоретов. К последнему соображению, вполне достаточному для меня, чтобы обосноваться поблизости от гомтшена, присоединилось горячее желание самой провести опыт созерцательной жизни по ламаистским методам. О одно мое желание ничего не решало: необходимо было получить согласие ламы. Если он мне его не даст, будет совершенно бесполезно жить по соседству с ним. Он запретит у себя, и мне останется только созерцать каменную стену, зная, что за ней «что-то происходит». А я хотела совсем другого.

В форме, соответствующей обычаям Востока, я обратилась к ламе с просьбой приобщить меня к исповедуемой им самим истине. Лама не преминул возразить, выдвинув в качестве довода несовершенство своих знаний. Он заявил, что не стоит мне задерживаться в этом негостеприимном крае для бесед с невеждой, тогда как я уже имела возможность подолгу общаться с учеными ламами. Я горячо настаивала, и он, наконец, согласился принять меня в ученики, но не сразу, а после прохождения испытательного срока. А когда я стала благодарить, он перебил меня:

– Подождите, я ставлю одно условие. Вы должны обещать не возвращаться в Гангток и не делать никаких экскурсий на юг¹⁹ без моего позволения.

Приключение становилось все интереснее, его своеобразие меня восхищало.

– Обещаю, – ответила я решительно.

К моей пещере пристроили (по образцу обители ламы) лачугу, сколоченную из грубо обтесанных топором досок. Горцы в этой местности не умеют обращаться с пилой и, по крайней мере, в то время, не собирались этому учиться. На расстоянии нескольких сотен метров от пещеры соорудили другую лачугу, состоящую из отдельной комнаты для Ионгдена и помещения для слуг. Расширяя пределы своей обители, я руководствовалась не только любовью к комфорту. Для меня было бы трудно самой ходить в гору за водой и топливом и затем подниматься с тяжелой ношей к пещере. Ионгден же недавно окончил школу-интернат и также как и я, мало был приспособлен к тяжелому физическому труду. Чтобы не отрываться от занятий, нам необходима была помощь. Предстоящая зимовка требовала больших запасов провизии и защищенного от непогоды места для ее хранения. Сейчас эти трудности не показались бы мне такими страшными, но тогда я выступала в роли отшельницы впервые, а мой сын еще не успел приобрести опыта путешественника-исследователя.

Дни шли, наступила зима. Она одела весь ландшафт девственным снежным покровом, и, как мы и предвидели, закрыла подступы к долинам, ведущим к подножию нашей горы.

Гомтшен затворился на долгий срок в своей пещере. Я сделала то же самое. Моя единственная ежедневная трапеза ставилась за занавеской у входа в мою келью. Мальчик, приносящий еду и потом забирающий пустые блюда, меня не видел и молча удалялся. Такой уклад жизни совпадал с уставом монахов ордена св. Бруно, но у нас не было развлечений, доставляемых посещением богослужений.

Как-то в поисках пищи ко мне забрел медведь. После первых проявлений удивления и недоверия он успокоился и стал приходить постоянно и ждать уже привычного угощения.

Наконец, в начале апреля один из мальчиков заметил внизу в проталине движущуюся точку и закричал: «Человек!» – голосом, каким древние мореплаватели

---

¹⁹ «Ехать на юг» – значит приблизиться к маршруту туристов и к Гангтоку и Калимпонгу, где живут иностранцы. – *Прим. авт.*

кричали: «Земля!». Блокада была снята, и мы получили письма, написанные в Европе пять месяцев назад.

... В трехстах метрах ниже моей пещеры – сказочный мир цветущих рододендронов. Мглистая гималайская весна. Восхождения на исполинские обнаженные вершины. Долгие переходы по пустынным долинам с вкрапленными в них небольшими кристально чистыми озерами.

Одиночество снова, постоянно. Ум и чувства обостряются в процессе такой жизни, совершенно созерцательной, жизни непрерывных наблюдений и размышлений. Не то становишься прозорливой, не то – и это вернее – исцеляешься от прежней слепоты.

Несколько километров к северу от Гималаев, через вершины которых не в силах перевалить гонимые индийскими муссонами тучи, сияет солнце, и над высокими тибетскими плоскогорьями раскинулось синее небо. Но здесь лето холодное, дождливое и очень короткое. Уже с сентября нас окружают непроходимые снега, и снова начинается зимний плен.

Чему я научилась за эти годы уединения? Трудно точно определить. А между тем, я приобрела много знаний. В тайны тибетского языка меня посвящали грамматики, словари и беседы с гомтшеном. Помимо занятий языком, я читала с учителем жития тибетских мистиков. Часто он прерывал чтение, чтобы рассказать о фактах, аналогичных описываемым в книге происшествиям, пережитых им самим. Лама рассказывал, каких людей он когда-то часто посещал, передавал содержание своих с ними бесед, приводил в качестве примеров их поступки. Вместе с ним я проникала в хижины отшельников и во дворцы богатых лам. Мы с ним путешествовали и встречали по пути удивительных людей. Так я познавала настоящий Тибет – обычаи и мысли населяющих его народов. Драгоценные сведения, не раз выручавшие меня в дальнейшем.

Никогда не тешила я себя мыслью, что мое убежище может стать последней для меня в жизни тихой гаванью. Слишком много внешних интересов боролись с желанием остаться здесь и навсегда сбросить с плеч обременявший меня нелепый груз идей, забот, повседневных обязанностей. Я сознавала, что выработанная во мне личность отшельника была только одной гранью моего существа, эпизодом в жизни путешественницы, самое большое – подготовкой к освобождению в будущем. Часто с сокрушенным сердцем, почти с ужасом смотрела я, как сбегавшая вниз тропинка, петляя, исчезала в горах. Она вела в мир, лежащий за далекими горными вершинами, к его лихорадочной суете, тревогам, страданиям. И сердце сжималось неизъяснимой болью при мысли, что недалек день, когда придется ступить на нее, возвращаясь в эту геенну.

Кроме других, более важных соображений, невозможность задерживать слуг в пустыне, тоже заставляла меня помышлять об отъезде. Но, прежде чем снова расстаться с Тибетом, мне хотелось посетить один из двух его главных религиозных центров, расположенных неподалеку от моего убежища – Жигатзе.

Совсем близко от того города находится знаменитый монастырь Трашилхумпо, резиденция великого ламы, именуемого иностранцами Траши-ламой. Тибетцы называют его «Тсанг Пентшен римпотше», т. е. «драгоценный ученый провинции Тсанг». Его считают воплощением Эвагмеда, мистического Будды «бесконечного света» и одновременно воплощением Субхути, одного из главных учеников исторического Будды. С точки зрения духовной иерархии, ранг Траши-ламы равен рангу Далай-ламы, но в этом мире часто приходится высокой духовной сущности уступать первенство преходящему мирскому существу и, фактически, власть принадлежит абсолютному монарху Тибета – Далай-ламе.

Я откладывала поездку к Жигатзе до моего окончательного отъезда из Гималаев, так как опасалась ее возможных последствий. Мои предчувствия, впрочем, полностью оправдались.

Покинув свою обитель, мы, прежде всего, отправились в монастырь Шортен Нйима, где уже останавливались на пути в Тибет. Отсюда я уехала в Жигатзе в сопровождении только Ионгдена и одного исполняющего при нас обязанности слуги-монаха.

Мы все трое ехали верхом и по тибетской моде везли скудный багаж в больших кожаных мешках, перекинутых по обе стороны седла. Две небольшие палатки и дорожные припасы были навьючены на мула. От монастыря до Жигатзе можно легко доехать за четыре дня. Но я старалась ехать очень медленно, чтобы получше рассмотреть все по дороге и, главное, «вобрать» в себя умом и чувствами как можно больше Тибета. Наконец-то я проникну в самое его сердце, но, несомненно, никогда его больше не увижу.

После первого моего посещения монастыря Шортен Нйима я имела случай познакомиться с одним из сыновей ламы-чародея из Транглунга, посылавшего летающие пироги на свою непокорную паству, и получила приглашение посетить его, если обстоятельства заведут меня в их края. Обстоятельства не преминули возникнуть. Транглунг – также как Шортен Нйима – не расположен непосредственно на пути от моего горного приюта до Жигатзе. Но мне хотелось побродить, воспользовавшись, как мне казалось, единственной возможностью побывать в запретной стране. Мы прибыли в Транглунг к вечеру. Деревня эта ничем не напоминала тибетские селения Гималаев. Странно было встретить такое полное отличие на таком близком расстоянии: местные высокие каменные дома и деревянные хижины и шалаши из ветвей сиккимских крестьян, а также климат, почва, лица жителей – все было другое. Наконец-то я была в настоящем Тибете.

Мы застали колдуна в молельне – большой комнате без окон, скудно освещенной через отверстие в крыше. Вокруг него теснилось несколько клиентов, между которыми он распределял свои колдовские чары. Эти последние имели довольно неожиданную форму маленьких глиняных свинных головок, выкрашенных в розовый цвет и обвязанных шерстинками. Селяне с глубоким вниманием слушали нескончаемые объяснения способов употребления вручаемых им предметов. Когда клиенты, наконец, удалились, хозяин дома с любезной улыбкой предложил мне чаю. Завязалась длительная беседа. Я горела желанием расспросить колдуна о чуде с «летающими пирогами», но задать вопрос прямо означало бы преступить правила вежливости. Приходилось ловить удобный случай, но его не представилось ни в тот вечер, ни на следующий день. Зато меня посветили в домашнюю драму. Со мной даже советовались – высшая степень уважения, какое только может оказать настоящий колдун своему гостю – как найти выход из создавшегося положения.

Подобно многим семьям в провинциях Ю и Тсанг, под крышей моего хозяина придерживались системы полиандрии (многомужества). В день бракосочетания его старшего сына имена младших его сыновей тоже были записаны в брачный контракт, и новобрачная, таким образом, обрела их всех в качестве законных супругов. Как случается почти всегда, некоторые из мужей во время заключения брачного контракта были еще малолетками и, естественно, их согласия на брак никто не спрашивал. Тем не менее, они оказывались связанными законными брачными узами. У колдуна было четыре сына. Мне ничего не сообщили о том, как относится к сотрудничеству со своим старшим братом второй сын – должно быть, тут все было благополучно. В данный момент он путешествовал, и его не было дома, так же как и третьего брата, моего знакомого.

Именно этот третий брат и возмутил спокойствие отчего дома. Он был гораздо моложе своих братьев, ему было только двадцать пять лет, и он отказывался выполнять супружеские обязанности по отношению к коллективной жене. По несчастью, третий муж был для этой дамы соблазнительнее двух первых. Он пленял ее не только физической красотой, хотя наружность у него была довольно приятной, но и своим положением в обществе, красноречием, деловитостью и, несомненно, еще другими незаметными для меня качествами. Два старших сына колдуна были мирянами, богатыми и владельческими крестьянами, но лишеными авторитета, какими в Тибете пользуются только представители духовного сословия. Строптивный третий муж был ламой, даже больше – он был «налджорпа», посвященный в оккультные тайны. Он носил пятигранный головной убор, украшенный изображениями пяти тантрических мистиков и белую юбку, принадлежность «респа», специалистов по «тумо», умеющих согреваться без огня при самой низкой температуре. Именно эта выдающаяся личность ее и отвергла.

Коллективная жена не могла примириться с потерей такого мужа и снести бесчестие его презрения. Все это усугублялось тем, что он ухаживал за молодой девушкой из соседнего селения и собирался на ней жениться. Подобный союз разрешался, но, по обычаю, брак, нарушающий единство семьи, вел вступающего в него к потере всех прав на отцовское наследство. На молодого человека ложилась обязанность создать новый семейный очаг и зарабатывать на содержание семьи. Свободолюбивого налджорпа это не смущало, так как он рассчитывал на свое ремесло колдуна. Но если сын выделится и устроится, не станет ли он опасным конкурентом отцу? Хотя мой хозяин в этом и не признавался, мне было ясно, что именно это его и удручало. Он мог потерпеть большие убытки из-за упряма, не желавшего удовлетворять сорокалетнюю женщину, здоровую, сильную и, несомненно, не уродливую. О последнем я не могла с уверенностью судить, так как лицо прекрасной дамы покрывал толстый слой жира и сажи, превращавший ее в настоящую негритянку.

– Что делать? Что делать? – стонала старушка, мать семейства.

Я не знала, что ей посоветовать. У меня не хватало опыта. Конечно, на Западе встречаются дамы, имеющие по несколько мужей, из-за чего создаются запутанные ситуации. Но обычно такие случаи не служат предметом семейного обсуждения. Во время моих скитаний мне приходилось давать советы только многоженцам, благополучие семейного очага которых было нарушено. Я осторожно высказала предположение: поскольку многожество в Тибете тоже разрешено законом, то, может быть, молодой лама согласится остаться в семье, если ему позволят ввести в дом свою избранницу. На мое счастье, бывшее на мне священное одеяние отшельника удержало в границах супругу нескольких мужей. Она чуть было на меня не набросилась.

– О, преподобная госпожа, – воскликнула, рыдая, старушка, вы не знаете, что моя невестка хотела послать к молодой девушке служанок, чтобы избить ее и изуродовать. И как только смогла она это придумать! Такие знатные люди, как мы, и такие поступки!.. Мы будем навсегда опозорены.

Тут помочь я ничем не могла. Заявив, что наступил час моей вечерней медитации, я попросила проводить меня в Лхакханг, молельню ламы, любезно предоставленную мне на ночь.

Когда я поднималась, мне на глаза попался младший сын, восемнадцатилетний парень, муж номер четыре. Он сидел в темном уголке и смотрел на свою благоверную с легкой, и, как мне показалось, злорадной улыбкой.

– Подожди, моя старушка, – говорила эта улыбка, – не думай, что так легко отделалась. Ты еще у меня получишь.

Мы ехали не спеша от деревни к деревне, ночевали у селян, не разбивая лагеря. Я не старалась скрывать свое происхождение, как это делала в дальнейшем во время путешествия в Лхасу, но, по-видимому, никто не принимал меня за иностранку, или же не придавал этому обстоятельству никакого значения. Мы проезжали мимо гомпа Патур, показавшимся мне огромным по сравнению с монастырями в Сиккиме. Однажды мы получили приглашение от одного из монастырских чиновников, устроившего в несколько мрачном покое для нас и нескольких служителей культа великолепное угощение. За исключением архитектуры тяжеловесных, в несколько этажей зданий, мы ничего нового не увидели. Несмотря на это, мне было ясно: весь ламаизм в Сиккиме лишь бледное отражение тибетского. Прежде я смутно представляла себе, будто по эту сторону Гималаев страна совсем не тронута цивилизацией, но теперь начинала понимать, что напротив, именно здесь мы имеем дело с вполне просвещенным народом.

Река Тши-Тшу непомерно разлилась от дождей и талых снегов, и ее трудно было перейти вброд, несмотря на помощь троих туземцев, переправивших на другой берег одного за другим всех наших животных. За Кумой, прельстившись рассказами одного из слуг, я надеялась устроить у горячих источников баню и разбить чудесный лагерь на теплой земле. Но мы так и не добрались до этого рая: внезапно налетевший шквал заставил нас поспешно покинуть лагерь. Сперва нас избил град, потом пошел снег, такой густой, что очень скоро мы

уже проваливались в него по щиколотки. Ближний ручей вышел из берегов и затопил лагерь, и вместо вождельного отдыха в тепле, мне пришлось провести эту ночь, стоя на крошечном островке, оставшимся относительно сухим среди моря грязи, залившего мою палатку. Несколько дней спустя, на повороте дороги, проезжая мимо валявшегося в пыли пьяницы, я подняла глаза и была потрясена неожиданно открывшимся видением. В уже голубеющем свете угасающего дня высилась белая громада монастыря Трашилхумпо, увенчанная золотыми крышами, на которых догорали последние отблески заходящего солнца.

Наконец-то желание мое исполнилось!

Мне пришла в голову не совсем обычная мысль. Вместо того чтобы искать пристанища на одном из постоянных дворов города, я послала слуг к ламе, ведавшему приемом монахов-посетителей или учеников – уроженцев провинции Кхам. Какой интерес представляла для него незнакомая путешественница-иностранка, и на каких основаниях могла она претендовать на его любезность? Я не спрашивала себя об этом, повинувшись непосредственному побуждению. На первый взгляд оно казалось неразумным, но, тем не менее, принесло блестящие результаты. Сановник послал ученика зарезервировать для меня две комнаты в единственном доме, расположенном подле монастыря, где я и водворилась.

На следующий день я начала официально хлопотать об аудиенции у Траши-ламы. Мне пришлось сообщить подробности, удостоверившие мою личность, и я легко вышла из положения, заявив, моя страна называется Пари (Париж). Какой Пари? На юге Лхасы существует местность Пари. Я объяснила: мой Пари находится немного дальше на Западе, но туда можно было бы добраться по суше. Таким образом, я не пилинг (иностранка). Тут я немного лукавила, что мне позволяла семантика слова «пилинг», буквально означающего: «кто-нибудь с другого материка или острова, т. е. из местности, отделенной разрывом земли, заполненным океаном».

Я слишком долго жила в окрестностях Жигатзе, чтобы меня там не знали, а мое отшельничество создало мне определенную репутацию «гомтшенма» (отшельница). Мне без промедления предоставили аудиенцию, а мать Траши-ламы пригласила меня к себе в гости.

Осмотрев монастырь во всех подробностях и желая отплатить за радушный прием, я устроила чай для нескольких тысяч живущих там монахов.

За давностью лет и из-за приобретенной мной потом привычки посещать ламаистские монастыри и жить в них, мои впечатления потускнели, но в бытность мою в Трашилхумпо все меня поражало. Везде – в храмах, покоях, дворцах сановников – царила варварская роскошь, о которой не могут дать представления никакие описания. Всюду были россыпи золота, серебра, бирюзы, нефрита – на алтарях, гробницах, дверных орнаментах, на предметах культа или же просто на вещах домашнего обихода у богатых лам. Не могу сказать, будто это великолепие меня восхитило. Я находила его варварским и вместе с тем ребяческим – творением могущественных исполинов с душой младенца. Первое впечатление могло бы оказаться даже отрицательным. Но в душе моей жило видение безмятежных пустынных просторов, и я знала, что эти пустыни служат убежищем для аскетов-мыслителей, отрешившихся от пошлости, почитаемой родом людским за величие.

Траши-лама был со мной очаровательно любезен, оказывая мне при встречах все новые знаки внимания. Он-то хорошо знал, где находится мой Пари и произносил слово «Франс» с самым чистым французским акцентом. Проявляемый мной большой интерес к изучению ламаизма и ко всему, имеющему отношение к Тибету, ему очень нравился, и он намеревался облегчить мои затруднения. «Почему бы вам не остаться в Жигатзе?» – спрашивал он.

Ах! Почему!.. Желания было больше чем достаточно, но я знала, что не вполне во власти Траши-ламы было разрешить мое пребывание в Жигатзе. Все же он предложил мне поселиться, где я сама захочу. Я могла жить в женском монастыре с его матерью, или он прикажет построить для меня уединенную обитель; мне будет дозволено брать уроки у лучших грамматистов, у самых известных ученых и посещать наставников-анахоретов в горах.

Может быть, если бы я тогда уже отрешилась от всех привязанностей, как после путешествия в Лхасу, я сумела бы – в Жигатзе или где-нибудь в более укромном месте – воспользоваться даруемым мне покровительством. Но предложение Траши-ламы застало меня врасплох. Часть моего багажа – записей, фотографий (почему-то это все считается таким необходимым!) – хранилось у друзей в Калькутте, другая часть оставалась в моем горном убежище. Я еще не была достаточно свободной, чтобы от них отказаться. Затем возникал отвратительный вопрос о деньгах. Я захватила с собой лишь немного, сколько требовалось для путешествия, а получить в Тибете деньги, оставленные в Индии, тогда казалось невозможным.

Ах! Сколько мне еще оставалось познать и какое нравственное перерождение предстояло пройти, прежде чем превратиться в то, чем я с радостью стала через несколько лет: бродягой на дорогах Тибета.

Я виделась с воспитателем Траши-ламы, учителем словесности и учителем, приобщившим его к мистическим истинам. Затем состоялось знакомство с мистиком-созерцателем, духовным руководителем Траши-ламы, пользующимся всеобщим глубоким уважением, и, если верить рассказам, закончившим впоследствии свой жизненный путь чудесным образом.

Когда я была в Жигатзе, там заканчивали постройку храма, воздвигаемого Траши-ламой грядущему Будде – Майтрейе, воплощению совершенной доброты. Я видела гигантскую статую в огромном зале, окруженном галереями, позволяющими верующим обходить статую со всех сторон – сначала внизу, на уровне ног, затем, последовательно, по галереям второго, третьего, четвертого этажей – на уровне пояса, плеч и головы. Во время моего посещения около двадцати золотых дел мастеров обрабатывали камень, украшающие гигантского Майтрейю, переделывая для этой цели драгоценности дары дам-аристократок из Тсанга с матерью Траши-ламы во главе. Я провела в различных дворцах Траши-ламы чудесные дни, беседовала с людьми самых разнообразных знаний и характеров. Но, главное, я все время пребывала в состоянии блаженной безмятежности, омрачаемой только мыслью о неизбежном отъезде.

Наконец злополучный день наступил. Великий монастырь скрылся из вида на том же повороте дороги, за которым незадолго до этого предстал моим взорам. Я увозила книги, записи, подарки и облачения дипломированного ламы – нечто аналогичное докторскому диплому «гонорис кауза» университета Трашилхумпо, преподнесенные мне Траши-ламой.

Мы направились в Нартан осмотреть самую большую ламаистскую печатню. Количество находящихся там гравировальных досок для печати неимоверно. Эти доски, сложенные на стеллажах, заполняют огромное здание. Рабочие-печатники с руками, вымазанными чернилами до локтей, работают сидя на земле. В других помещениях монахи режут бумагу по особому для каждого произведения формату. Весь рабочий процесс проходит спокойно, не спеша, впережку с разговорами и продолжительными дегустациями заправленного маслом чая. Какой контраст с лихорадочной суетой наших типографий. Но типография, хотя и монастырская, все же мирское предприятие, а меня занимало в Тибете совсем другое.

Я побывала в обители гомтшена, оказавшего мне честь пригласить меня. Жилище анахорета находилось в бесплодной и унылой местности на северном склоне горы над озером Мо-тетонг. Очень просторной пещере постепенно приросшие к ней пристройки придавали вид маленькой крепости. Теперешний обитатель пещеры унаследовал ее от своего учителя, когда-то, в свою очередь, заступившего вместо собственного духовного отца. Благодаря преемственности трех поколений лам-магов, в этой обители скопилось достаточно предметов комфорта – подношений местных жителей – чтобы сделать жизнь отшельника достаточно приятной. Я рассуждаю, разумеется, с точки зрения тибетца, привыкающего с юного возраста жить возле какого-либо анахорета.

Мой гостеприимный хозяин за пределами пещеры никогда ничего не видел. Его учитель прожил в ней более тридцати лет. Он сам замуровался в ней на следующий день

после смерти своего наставника. Под словом «замуровался» нужно понимать следующее: в пещеру-крепость можно было попадать только через единственную дверь. Сам лама никогда к этой двери не приближался. Две нижние комнаты, устроенные под скалой, выходили на внутренний двор, огороженный со стороны обрыва сложенной из выветренных камней стеной, совершенно заслоняющей обзор. Наверх в личное помещение ламы вела приставная лестница с люком. Его комната тоже выходила на огороженную стенами небольшую террасу, где затворник мог немного размяться или посидеть на солнышке, оставаясь невидимым снаружи и сам ничего не видя, кроме неба над головой. Лама вел такой образ жизни вот уже пятнадцать лет. К затворничеству – не слишком строгому, так как он позволял себе принимать посетителей, – отшельник для умерщвления плоти добавил правило никогда не ложиться спать, т. е. он проводил ночь в «гамтис» (четырёхугольный ящик) и дремал в нем, сидя, скрестив ноги.

После нескольких интересных бесед с гомтшеном мы с ним расстались. К этому времени я уже получила через сиккимских крестьян письмо от английского резидента, предписывавшего мне покинуть Тибет. Этому предписанию я тогда не подчинилась, желая закончить свое путешествие, как я его задумала. Но теперь мои странствия близились к концу. Я предвидела последствия длительного пребывания на запретной территории, и теперь сама собиралась покинуть Гималаи. Новое письмо, извещавшее о моем изгнании из Сиккима, нагнало меня уже на пути в Индию.

Глава 3

Знаменитый тибетский монастырь ~+. – Монастырская жизнь. – Высшее образование у ламаистов. – Волшебное дерево. – «Живые Будды».

Спускаясь по горным дорогам из Жигатзе, я снова пересекла Гималаи. С сожалением расставалась я с очарованной страной, где несколько лет вела такое фантастически- пленительное существование. Я понимала, что из этого преддверия Тибета мне едва ли удалось хотя бы мельком заглянуть в его «святая святых» со всеми его своеобразными учениями и удивительными событиями, тщательно скрывааемыми от непосвященных мистическими общинами необъятной Страны Снегов. Во время моего пребывания в Жигатзе мне открылся схоластический Тибет с огромными библиотеками, монастырскими университетами, учеными. Сколько еще остается узнать, а я уезжаю!

Жизнь в Бирме. Уединение в горах Сагэна у «Каматангов» (монахов-созерцателей) – самой суровой из всех буддистских сект.

Пребывание в Японии среди глубокой тишины Тофокю-жи, монастыря секты Зен. В этом монастыре в течение многих столетий сосредоточена вся духовная аристократия страны.

Пребывание в Корее, в Панья-ан (монастырь мудрости) – уединенном, затерянном среди лесов убежище, где несколько пустынных-мыслителей ведут тихое, суровое и незаметное существование. Когда я туда явилась с просьбой принять меня на время в их общину, проливные дожди совсем размыли дорогу. Я застала монахов Панья-ан за ремонтом повреждений. Молодой монах, сопровождавший меня с поручением рекомендовать меня от лица своего настоятеля, остановился перед одним из работавших, покрытым, как и все, с ног до головы грязью, монахе и, склонившись перед ним в глубоком поклоне, сказал несколько слов. «Землекоп» облокотился на лопату, с секунду внимательно меня рассматривал, затем кивнул в знак согласия головой и снова принялся копать, не обращая больше на меня ни малейшего внимания.

– Это настоятель, – объяснил проводник, – он соглашается вас принять.

На следующий день мне отвели пустую келью. Расстеленное на полу одеяло служило мне ложем, а чемодан – столом. Ионгден разделял с одним послушником, своим сверстником, помещение, так же скупо меблированное, как и моя келья.

Распорядок дня был следующим: восемь часов медитации, разделенных на 4

периода, восемь часов занятий и физической работы, восемь часов на принятие пищи, сон и развлечения. Развлекался каждый по собственному вкусу и разумению. Каждое утро около трех часов один из монахов обходил монастырь, стуком деревянной колотушки пробуждая других монахов ото сна, и все отправлялись в зал собраний, где рассаживались лицом к стене для двухчасовой медитации. Суровость монастырского устава выражалась и в скудной пище: рис и немного вареных овощей. Часто последние отсутствовали и вся трапеза состояла из одного риса. Молчание уставом не предусматривалось, как у траппистов, но монахи только изредка обменивались отрывистыми фразами. Они не испытывали необходимости в разговорах и не расточали энергии на внешнее проявление чувств. Мысли их были сосредоточены на глубоких истинах, а взор обращен на созерцание внутренней сущности, как на изображениях Будды.

Затем следует жизнь в Пекине, так далеко от квартала для иностранцев, что визит к ним составляет настоящее путешествие. Потом я жила в монастыре Пей-линг-сзе, бывшем императорском дворце.

И вот я снова отправляюсь в неодолимо влекущий меня край. Уже много лет мечтаю я о монастыре Кум-Бум, совсем не рассчитывая туда попасть. Но теперь это путешествие решено. Нужно пересечь весь Китай до его западной границы. Я присоединяюсь к каравану, состоящему из двух лам-тюльку,²⁰ возвращающихся на родину со своими свитами, китайского купца из далекой провинции Кан-су и нескольких безвестных путешественников, желающих совершить переход по беспокойной стране под защитой большого каравана.

Чрезвычайно красочное путешествие, мои спутники уже сами по себе представляют обширный, полный сюрпризов, материал для наблюдений. В один прекрасный день огромный начальник каравана приглашает на постоянный двор, где мы отдыхаем, китайских гетер. Малютки в шароварах из светло-зеленого атласа и розовых курточках входят в помещение, занимаемое гигантом-ламой, словно семейство мальчиков-с-пальчиков к свирепому людоеду-великану. Лама женатый человек, «нгагпа», то есть, принадлежит к секте весьма свободомыслящих магов, имеющих весьма отдаленное отношение к духовному сословию. При открытых дверях происходит оглушительная ожесточенная торговля. Условия, предлагаемые этим дикарем, одновременно циничные и наивные, переводит на китайский язык невозмутимый толмач – секретарь ламы. Сделка заключена за пять пиастров, и одна из крошек-куколок остается на ночь у простака-великана, отпускающего ее только в десять часов утра.

В другой раз тот же лама затевает ссору с китайским офицером. На постоянный двор врываются вооруженные солдаты, прибежавшие с соседнего поста. Лама зовет своих слуг. Слуги хватаются за ружья. Хозяин гостиницы падает мне в ноги, умоляя вмешаться и не допустить кровопролития. С помощью говорящего по-тибетски попутчика-купца убеждаю солдат, что ниже их достоинства обращать внимание на дикарей из «страны трав». Потом внушаю воинственному ламе: человеку его звания не пристало связываться с простыми солдатами. Мир восстановлен.

Мне приходится познакомиться с гражданской войной и с разбоем. В качестве добровольной сестры милосердия пытаюсь ухаживать за лишенными всякой помощи ранеными. Однажды утром моим взорам предстал букет из отрубленных голов, подвешенных над дверью нашей харчевни. Этот букет служит источником вдохновения для моего невозмутимого сына, излагающего по этому поводу некоторые философские соображения о смерти. Продвигаться дальше по дороге немислимо. Всюду на пути идут сражения. Надеюсь избежать неприятных встреч, направившись в сторону Тунгшоу. На следующий день после нашего прибытия Тунгшоу подвергается осаде. Наблюдаю штурм города, взобравшись на приставную лестницу, и смотрю, как осажденные на земляных

---

²⁰ Которых иностранцы ошибочно называют «живые Будды». – Прим. авт.

укреплениях забрасывают нападающих градом камней. Мне кажется, будто я вижу одну из очень старых картин, изображающих войну давно минувших времен. Нам удастся бежать во время грозы, когда «армия» спасается от дождя в укрытиях; после этого следует ночной переход. Река. Переправившись через нее, мы будем в безопасности; вызываем к перевозчику на пароме. В ответ в нас стреляют с противоположного берега.

Забавное воспоминание о чае у губернатора Шаньси. Город окружен неприятелем. Чай подают солдаты с револьверами за поясом, с ружьями за спиной, готовые отразить ожидаемую с минуты на минуту атаку. Несмотря ни на что, гости беседуют спокойно, с обходительной и внешне безмятежной учтивостью, отличающей старинное китайское воспитание. Мы обсуждаем философские проблемы. Один из чиновников превосходно говорит по-французски и служит мне переводчиком. Каковы бы ни были чувства, волнующие в данный момент губернатора и его приближенных, на их лицах они не отражаются. Это беседа ученых. Обмениваясь изысканными мыслями, они бесстрастно наслаждаются изящной игрой ума. Как тонка, как восхитительна, несмотря на все свои недостатки, китайская раса!

В конце концов, мне удастся уйти из зоны военных действий. Я в Амдо и занимаю на территории монастыря Кум-Бум маленький домик при дворце ламы Пегиай... Моя тибетская жизнь возобновляется.

* * *

Хвала тебе, о Будда!
На языке богов,
На языке нагов, демонов и людей,
На языке всех существ вселенной
Я возвещаю истину!

Стоя на террасе, крыше общей молельни, несколько юношей, каждый с раковинообразной трубой, возглашают эту священную формулу и одинаковым движением все сразу подносят к губам инструменты. Раздается необычный воющий звук. Трубные переливы последовательно вздымаются и снова низвергаются, как волны морского прибоя, разбрызгиваясь и долго бурля над спящим монастырем. Еще ночь. Безмолвный гомпа множеством своих низеньких выступающих из мрака домиков похож на некрополь, а силуэты музыкантов, облаченных в ламаистские тоги, на фоне звездного неба напоминают посланцев иных миров, сошедших с небес, чтобы пробудить мертвецов от вечного сна. Прерывные звуки замирают. В окнах дворцов монастырских сановников начинают мелькать огоньки. Из скромных жилищ младшего духовенства доносится хор голосов. Хлопают и скрипят двери, шум поспешных шагов гулко раздается на всех улицах монастырского города: ламы идут на утреннюю службу. Когда они появляются перед колоннадой молельни, небо бледнеет, занимается день. Монахи снимают войлочную обувь, оставляя ее снаружи беспорядочно разбросанной, и торопливо prostираются ниц на самом пороге большого входа, или же на паперти, если они еще не монахи, а только послушники. Затем все спешат на свои места.

В Кум-Бум и других больших монастырях часто собирается несколько тысяч монахов. Зловонная, растерзанная толпа. Среди лохмотьев и рубищ странно выделяются роскошные одеяния великих лам из золотой парчи и украшенные драгоценными камнями плащи избранных руководителей гомпа. Масса стягов, подвешенных к потолку в галереях и прикрепленных к высоким опорным столбам, являют собравшимся великое множество изображений Будды и богов, а на покрывающих стены фресках, среди когорт других героев, красуются святые и демоны в угрожающих или благодушных позах. В глубине огромного помещения за несколькими рядами алтарных светильников мягко мерцают позолоченные

статуи великих, давно преставившихся лам и усыпанные драгоценностями ковчеги из серебра и золота, хранящие их мумии или кремационный пепел. Устремив свои требовательные или повелительные взоры на монахов, подавляя их своим количеством, все эти существа, скульптурные, живописные или представленные материально собственными останками, удивительным образом расширяют рамки конгрегации: кажется, будто прародители и божества смешиваются с толпой монахов. Мистическая атмосфера окутывает людей и предметы, застилает дымкой тривиальные детали, идеализируя лица и позы. Собрание это являет собой зрелище, оставляющее неизгладимое впечатление даже у тех, кому хорошо известен низкий уровень умственного и духовного развития большинства присутствующих монахов. Все сидят по-восточному, скрестив ноги – сановники на тронах разной высоты, зависящей от ранга их обладателей, а вся масса низшего духовенства на длинных, покрытых коврами скамьях почти ровень с полом.

Священные песнопения начинаются с глубокой низкой ноты в очень медленном темпе. Колокольчики, жалобные голоса гианлингов, оглушительные раскаты огромных труб, тамбурины всех размеров – от гигантских до крошечных, отмечают ритм хора и время от времени сопровождают пение.

Для послушников-детей отведены места на концах скамеек возле дверей. Мальчики едва осмеливаются дышать. Они знают, что стокий «четимпа» мгновенно подметит малейший шепот или игривый жест. Им внушает ужас бич, висящий у него под рукой на столбе возле его высокого трона. Это орудие воздействия предназначается не только для мальчиков: вся монашеская братия за исключением сановников и старцев рискует при случае с ним познакомиться. Мне довелось несколько раз быть свидетельницей бичеваний. Одно из них имело место в гомпа секты «Сакьяпа».

В тот раз в молельне собралось около тысячи монахов, и, как обычно, звуки песнопений и музыки наполняли огромный зал своей суровой гармонией. Вдруг трое участников хора возымели неосторожность жестами сообщить что-то друг другу. Без сомнения, за спинами сидящих перед ними монахов, они были уверены в своей безопасности, думая, что главный надзиратель не сможет заметить взгляды и легкие движения рук, которыми они объяснялись. Но, должно быть, боги-покровители ламаистских молелен наделяют своих служителей сверхъестественной прозорливостью. Надзиратель видел все и сейчас же поднялся с места. Это был Кхампа колоссального роста с темной кожей. Стоя на ступенях своего трона, он казался бронзовой статуей. Величественным жестом сняв со столба бич, он, внушающей ужас поступью с грозным взглядом карающего небожителя, большими шагами пересек зал. Остановившись перед преступниками, он одним рывком поднял их за загривок одного за другим. Не было ни малейшей возможности избежать наказания. Покорившись своей участи, монахи пробрались через ряды собратьев и распростерлись ничком в проходе, прижав лоб к полу. Несколько звонких ударов бича легло на спину каждого провинившегося, и рослый блюститель порядка все с той же свирепой величавостью вернулся на свое место. Только нарушения правил поведения наказываются незамедлительно при всем честном народе. Кара за тяжелые проступки или за проступки, совершенные за пределами молельни, воздается в специальном месте и только после судебного дознания и решения, вынесенного монастырскими судебными органами.

Священнодействие длится очень долго и прерывается интермедией, вызывающей оживленное одобрение всех монахов: подают чай. Еще кипящий, приправленный по тибетскому вкусу маслом и солью, чай приносят в больших деревянных чанах. Дежурные по раздаче несколько раз проходят по рядам, наполняя протягиваемые им чаши. Отправляясь на ассамблею, каждый монах должен запасть собственной чашей, которая обычно хранится под курткой. На ассамблеях не разрешают пользоваться чашами из фарфора или серебра. Монахи должны пить из простых деревянных чашек. В этом правиле можно усмотреть далекий отзвук обета бедности, бывшего обязательным для всех монахов при древнем буддизме. Но плутоватые монахи-ламы ловко обходят неудобные им правила устава. Чаши самых богатых лам, несомненно деревянные, но сделаны из редкостных древесных пород

или из наростов на некоторых деревьях с прожилками, образующими красивый рисунок. Такие чашки стоят порой до 70 рупий (700 франков). В определенные дни к обычному чаю добавляют несколько горстей тсампы²¹ и маленький кусочек масла. Иногда масло заменяется супом. В некоторых случаях даровое угощение состоит из чая, супа и кусочка вареного мяса. В это время происходит раздача денег. При этом монголы по щедрости намного превосходят тибетцев. Я бывала свидетельницей, как некоторые из них за одно посещение оставляли в Кум-Буме свыше десяти тысяч китайских долларов (китайский доллар был в то время почти что равен американскому).

Члены братии особенно популярных монастырей часто получают приглашения на подобные банкеты, устраиваемые богатыми паломниками-мирянами или зажиточными ламами. Во время таких пиршеств переполненные кухни уже не вмещают гор тсампы и зашиваемых в бараньи желудки кусков масла. Их приходится складывать за дверями. Иногда больше сотни баранов попадает в гигантские котлы, где мог бы вариться суп для целой армии великанов-Гаргантюа.

В Кум-Буме и других монастырях, мне, как женщине, запрещали принимать непосредственное участие в этих вечерах. Но, когда я хотела, мне всегда присылали полную миску самого лакомого блюда. Таким образом, я познакомилась с одним монгольским блюдом, состоящим из баранины, риса, китайских фиников, масла, сыра, кислого молока, жженого сахара, имбиря и различных пряностей, причем все варилось вместе в одном котле. И ламаистские шеф-повара потчевали меня не только этим образчиком своего искусства.

И так изо дня в день, когда неумолимо брезжит пронизывающий зимний рассвет, и на заре теплого летнего утра – круглый год, совершается эта своеобразная заутреня в бесчисленных гомпа, разбросанных помимо Тибета по огромной территории Азии. Каждое утро мальчуганы, наряду со взрослыми, погружаются в странную духовную атмосферу, создаваемую смесью мистицизма, прожорливости и возбуждаемой денежными подачками алчности. Такое начало дня проливает свет на характер всего уклада монастырской жизни ламаистов. Тут снова соприкасаются разношерстные стремления, проявляющие свою истинную сущность во время ассамблеи: изощренная философия, торгашество, высокая духовность, неистовая погоня за грубыми плотскими наслаждениями. Все эти элементы переплетаются здесь так тесно, что напрасны были бы усилия выделить какой-нибудь из них в чистом виде. Послушники, воспитываемые среди самых противоположных влияний, поддаются тому или иному из них, в зависимости от врожденных склонностей и наставлений учителя.

Религиозное воспитание в Тибете готовит небольшой избранный круг ученых, великое множество неповоротливых бездельников, любезных и веселых жизнелюбцев и живописных фанфаронов, небольшое число мистиков, живущих в непрерывной медитации в уединенных убежищах в пустынях. Однако большинство представителей тибетского духовенства нельзя с уверенностью причислить к той или иной категории. В каждом из них таятся, по крайней мере, потенциально, все указанные свойства. Такую множественность личностей в одном человеке, по-видимому, нельзя считать отличительной чертой одних только тибетских лам, но в последних эта многоликость развита в потрясающей степени. По этой причине их поведение и речи бывают для стороннего наблюдателя неистощимым источником сюрпризов.

Ламаистский вариант буддизма значительно отличается от буддизма Цейлона, Бирмы, Сиамы и даже от буддизма, исповедуемого в Китае и Японии. Характер местности, избираемой тибетцами для постройки убежищ для братии, до некоторой степени созвучен своеобразному толкованию буддийской доктрины в Тибете. Тибетские монастыри, расположенные на горных вершинах, открытых всем ветрам вселенной, имеют

---

²¹ Мука из поджаренной ржи. Основная пища тибетцев; имеет такое же значение, как хлеб в Европе. – *Прим. авт.*

воинственный облик. Кажется, будто они бросают вызов невидимым врагам во все четыре конца света. В то же время, гомпа, уютящиеся в пустынных высокогорных долинах внушают тревожное представление о таинственных зловещих лабораториях, оккультизме и черной магии. Такая двойственность в какой-то мере соответствует реальности. Хотя уже давно мысли большинства монахов всех рангов направлены на занятие торговлей или на другие тривиальные заботы, монастыри в эпоху своего возникновения создавались не для людей с таким прозаическим мировоззрением. Покорение дорогой ценой доступного восприятию человека потустороннего мира, приобретение опыта чистого разума, занятия магией, подчинение оккультных сил – вот цели, для достижения которых воздвигались среди облаков эти крепости и возникали загадочные, затерянные в горных лабиринтах селения.

В наши дни приходится, тем не менее, искать магов и мистиков за пределами монастыря. Спасаясь от насыщенной мирскими интересами монастырской атмосферы, они переселились в далекие, трудно доступные места. Розыски приютов уединений некоторых отшельников по сложности не уступают исследованиям настоящих научных экспедиций. И все же, за немногими исключениями, все анахореты начинают свой путь в качестве обычных послушников в одной из монашеских общин.

Мальчиков, предназначенных родителями для духовной карьеры, уже в возрасте восьми лет отводят в какой-нибудь монастырь и отдают на попечение монаха, связанного с семьей родственными узами или состоящего в дружеских отношениях с его отцом. Обычно опекун ребенка становится первым, а очень часто и последним его учителем. Богатые родители, имеющие средства оплачивать уроки ученого монаха, часто помещают ребенка к одному из них в качестве пансионера, или, по крайней мере, договариваются, чтобы мальчик регулярно брал у него уроки. Иногда учеников, особенно мальчиков знатного происхождения, принимают в дом какого-нибудь сановника культа, и тот более или менее добросовестно руководит их занятиями. Молодых послушников содержат родители, посылающие опекунам припасы: главным образом масло, чай, мясо. Помимо основных продуктов питания, состоятельные тибетцы присылают своим сыновьям лакомства: сыр, сушеное мясо, сушеные фрукты, сахар, пироги на патоке и т. д. Подобные драгоценные подарки натурой имеют большое значение в жизни маленьких монахов. Счастливчик, получивший посылку, может производить различные обмены и покупать услуги своих бедных, но чревоугодливых товарищей за горсть твердых как камень абрикосов или несколько крошечных кусочков сушеной баранины. Детям бедняков платить за учение нечем, и они идут в «гейюги» (добродетельные слуги), т. е. оплачивают уроки работой у опекуна в качестве слуги. Само собой разумеется, занятия в последних случаях имеют место редко и бывают непродолжительными. Учитель часто совсем или почти совсем неграмотный, в состоянии научить поступивших к нему в учение мальчиков только повторениям наизусть отрывков священных текстов, которые он к тому же потрясающим образом искажает и смысла которых совсем не понимает. Многие гейюги совсем ничему не учатся. Это происходит не потому, что черная работа поглощает все их силы и время, но по естественному в ребяческом возрасте равнодушию к наукам. Учиться их никто не заставляет, и мальчики проводят все свободное время в играх с такими же неимущими товарищами.

Как только послушника приняли в монастырь, он, сколько бы ему ни было лет, начинает получать положенную часть монастырских доходов²² и добротных даяний благочестивых прихожан.

Если с возрастом у мальчика пробуждается склонность к науке, ему не

---

²² Доходы от урожаев монастырских угодий и от скотоводства реализуются светскими арендаторами. Три государственных монастыря Сера, Галден и Деюннг, расположенные вблизи Лхасы, и еще несколько монастырей получают, кроме того, ежегодную субсидию от правительства. Наконец, все монастыри занимаются торговлей через финансируемых ими посредников-купцов или же непосредственно через чиновников-монахов, выборных членов монастырской братии. Этим монахам поручается управление всем монастырским хозяйством. – *Прим. авт.*

возбраняется поступить в одну из четырех высших школ, существующих при каждом крупном тибетском монастыре. Послушникам небольших монастырей, где нет школ, нетрудно получить разрешение пойти учиться в другое место. Программа монастырского образования ламаистов следующая: философия и метафизика – преподается в школе Тсен Гнид; ритуал (богослужение), магия и астрология – в школе Гиюд; медицина в школе Мен; священное писание и монастырский устав – в школе До. Грамматике, арифметике и другим наукам обучают частные преподаватели вне школы.

В определенные дни студенты-философы проводят публичные диспуты. Ученый спор сопровождается ритуальными жестами, оживляющими его самым забавным образом. Существуют своеобразные способы, задавая вопросы вращать на руке свои длинные четки, хлопая в ладоши и притоптывать ногой. Есть и другие, тоже скрупулезно соблюдаемые оттенки движений, например, подпрыгивать, задавая вопросы или отвечая оппоненту. Таким образом, несмотря на то, что тирады противников чаще всего заимствованы из трудов классиков и делают честь главным образом памяти цитирующего их философа, все-таки жесты и антраша полемизирующих сторон создают иллюзию горячей дискуссии. Во время торжественных соревнований в красноречии монах, объявленный победителем, совершает триумфальный круг верхом на плечах побежденного противника.

Из сказанного не следует делать, однако, вывод, будто все представители ламаистской философской школы простые начетчики. Среди них встречаются выдающиеся ученые и тонкие мыслители. Хотя они и могут часами цитировать выдержки из бесчисленных произведений, но в то же время, умеют обсуждать смысл их и излагать выводы собственных размышлений.

Школа магии почти повсеместно самое богатое из монастырских схоластических заведений, а ее ученые «гиюд-па» пользуются глубоким уважением. На них возлагается обязанность охранять свой гомпа, отводить от него бедствия и обеспечивать благоденствие. Представители двух больших школ «гиюд» в Лхасе исполняют аналогичные обязанности по отношению ко всему государству и его владыке, Далай-ламе. В функции «гиюд-па» входит также поклонение и служение туземным богам и демонам. Благосклонность или нейтралитет последних покупают взамен обязательства постоянно им служить и удовлетворять все их потребности. Наконец, опять-таки «гиюд-па» должен своим магическим искусством удерживать в заточении свирепые и злокозненные создания, если с ними невозможно столкнуться никакими другими средствами.

Хотя за неимением другого слова в нашем языке нам приходится именовать гомпа монастырями, трудно найти какое-нибудь сходство между гомпа и христианскими монастырями, за исключением соблюдаемого монахами обета безбрачия и общей монастырской собственности. В отношении обета безбрачия следует оговориться: только одна реформированная секта гелугпа – в просторечии секта «желтых колпаков» – предписывает безбрачие всем своим монахам. В сектах «красных колпаков» безбрачие обязательно только для гелонгов, т. е. для монахов, получивших высшую степень посвящения. Женатые ламы имеют для себя и своих семей жилище за пределами монастыря. Кроме того, им отводят помещение и в монастыре, где они живут во время религиозных праздников или же, когда испытывают потребность уединиться на некоторое время для медитации, или совершения религиозных обрядов. Женщинам запрещается сожительствовать со своими мужьями в монастыре.

Назначение ламаистских монастырей – давать приют людям, преследующим цели духовного порядка. Эти цели весьма неопределенные, неодинаковы и необязательны для всех обитателей монастыря. Чайния каждого монаха – низменные или высокие – составляют его тайну; ему предоставлена полная свобода добиваться осуществления своих целей какими ему будет угодно средствами. Единственные действующие в гомпа общие правила относятся к порядку и внешней благопристойности, обязательными как в монастыре, так и за пределами его, а также к регулярному посещению собраний. Последние обособлены от священнодействий, когда каждый из участников рассчитывает извлечь какую-нибудь выгоду

духовного или материального порядка. Тут обитатели гомпа просто сходятся в зале ассамблей прослушать объяснения от лица властей предержащих о распорядке дня, а затем все читают или наизусть повторяют отрывки священных текстов. Считается, что подобные декламации имеют силу предотвращать бедствия, эпидемии; привлекать благоденствие. Поэтому такое чтение предписывается совершенно официально, как способствующее процветанию страны, ее монарха и благотворителей монастыря. Что касается ритуальных церемоний, то они тоже отправляются в целях, совершенно чуждых личным интересам священнослужителей. Тибетцы верят даже, что священнодействующий не может извлечь из отправляемого им обряда ни малейшей выгоды, и самые ловкие из «гиюд-па», желая обеспечить благотворное действие церемонии лично для себя, прибегают к помощи товарища.

Поскольку совершение магических обрядов, наоборот, преследует личные цели, медитации и мистические упражнения совершаются в индивидуальном порядке. За исключением духовного руководителя никто не смеет вмешиваться. Тем более, никто не имеет права требовать от монаха-ламаиста отчета о его религиозных или философских воззрениях. Он может исповедовать какое угодно учение, даже быть абсолютно неверующим – это его сугубо личное дело.

В тибетских монастырях нет ни храмов, ни часовен. Монастырские «лхакланги» (дома богов) просто считаются частными жилищами богов или исторических героев. Всякий желающий может нанести визит вежливости скульптурным изображениям божественных особ. Он зажигает перед ними светильники или сжигает в их честь благовония. Затем, отдав троекратный поклон, удаляется. Во время таких мимолетных аудиенций посетители часто спрашивают себе милостей. Однако некоторые ограничиваются только выражениями почтения совершенно бескорыстно и ни о чем не просят. Перед изображением Будды вообще никогда ни о чем не просят, потому что Будда переселился за пределы мира желаний, вернее, за пределы всех миров. Но все же посетители дают обеты, выражают свои чаяния, принимают решения. Например, гость мысленно произносит: «Ах, хорошо было бы в этой жизни или в дальнейших моих существованиях иметь много денег, чтобы раздавать щедрую милостыню и сделать многих счастливыми». Или же: «О, если бы я мог вполне постигнуть учение Будды и жить по его законам и заповедям!». Тех, кто, вознеся ритуальным жестом маленький зажженный светильник перед статуей Будды, жаждет только духовного просветления, гораздо больше, чем думают. Пусть они часто не делают никаких усилий, чтобы достичь его, все же мистический идеал спасения через познание продолжает жить среди тибетцев.

Полная духовная свобода, предоставленная монахам-ламаистам, сочетается почти с такой же материальной самостоятельностью. Члены монастырской братии не живут общиной. Каждый живет отдельно в своем доме или отведенном для него помещении и на собственные средства. Добровольная бедность, обязательная когда-то для последователей древнего буддизма, уставом не предписывается. Я уверена даже, что лама, давший обет бедности, встретил бы всеобщее порицание. Одни только отшельники могут позволить себе подобную эксцентричность. И все-таки, идеал полного отречения в том смысле, как его понимает Индия (и может быть одна только Индия), не совсем чужд и тибетцам: они вполне сознают его величие и всегда готовы отдать ему должное.²³ Предания о «сыновьях из хороших семейств», променявших богатство и роскошь на жизнь нищего-подвижника, и более конкретно – историю Будды, бежавшего с трона махараджи, – всегда находят благоговейных и неподдельно восхищенных слушателей. Но такие истории о делах давно минувших дней кажутся им сказаниями о мире ином, не имеющем ни малейшего отношения к миру, в котором живут их высокочтимые пышные ламы.

---

²³ Анахорет и поэт Милареспа (XI век), самый популярный тибетский святой, служит тому примером. – *Прим. авт.*

Можно получить посвящение в тот или иной монашеский сан, не поступая в монастырь, но такие случаи бывают редко и только тогда, когда возраст кандидата в отшельники позволяет ему избрать свой путь самостоятельно.

Прием в монастырь не дает права на даровое жилище. Каждому монаху приходится покупать или строить себе дом, если только он не унаследовал жилища от своего родственника или учителя. Монахи, не имеющие средств стать домовладельцами, снимают одну или две комнаты в доме более зажиточного товарища. Небогатые ученики и старые бедные монахи чаще всего живут из милости в больших домах богатых лам. Самые неимущие, нуждающиеся не только в кровле, но и в хлебе насущном, нанимаются в услужение к великим ламам или выпрашивают для себя место в конторах или у выборных чиновников гомпа. Их благосостояние зависит от их собственных талантов. Одни могут выполнять обязанности редакторов, конторщиков, помощников счетоводов; другие работают поварами и конюхами. Счастливым, попавшим в управляющие к какому-нибудь тюльку, часто удается составить большое состояние. Ученые монахи из бедняков зарабатывают на жизнь преподаванием. Имеющие талант художника пишут картины на религиозные сюжеты. Занятие это вполне почтенное и немногие монастырские школы изящных искусств привлекают множество учеников. Положение монахов, живущих у зажиточных лам или богачей-мирян, тоже считается выгодным. И, наконец, свободная профессия прорицателей и астрологов, – составление гороскопов, отправление религиозных обрядов в частных домах – постоянные источники доходов для трапа, добывающего средства к существованию собственным трудом.

Ламы-эскулапы делают завидную карьеру, если их искусство доказано исцелением от тяжелых недугов знатных особ. Впрочем, профессия доктора достаточно прибыльная даже при самых незначительных успехах на медицинском поприще.

Однако, коммерция кажется многим монахам самой привлекательной из всех профессий. Большинство послушников, войдя в возраст и не испытывая никаких склонностей к монашеству и к науке, пытаются счастье в торговле. Если завести собственное дело им не по средствам, они нанимаются к купцам в качестве секретарей, кассиров, агентов и даже простых слуг. Некоторые торговые сделки разрешается заключать в монастырях. Но трапа, ведущим действительно крупные торговые операции, администрация монастыря по их просьбе предоставляет отпуск, даже на несколько лет, так что они могут сопровождать свои караваны и открывать торговые конторы, где им заблагорассудится.

Все монастыри ведут крупную торговлю, продавая или обменивая продукцию своих владений. К барышам присоединяется доход от больших «сборов добродетельных подаяний», именуемых «карттик». Одни сборы производятся через правильные промежутки времени, другие же эпизодически. Небольшие монастыри просто командируют кого-нибудь из монахов для взимания подаяния с жителей окрестных селений. Но в крупных монастырях «карттик» приобретает размеры настоящих экспедиций. Группы трапа, часто под предводительством сановников-монахов, идут из Тибета до самой Монголии, находясь в пути долгие месяцы и возвращаются подобно победоносной рати древних времен, подгоняя перед собой тысячные табуны лошадей и гурты домашнего скота, навьюченного разнообразными приношениями верующих.

Существует оригинальный обычай взаимнообразно доверять какому-нибудь монастырскому чиновнику некоторую сумму денег или партию товаров на определенное время, часто на три года. Чиновник должен пустить вверенный ему капитал в оборот таким образом, чтобы прибыль позволила ему покрыть различные заранее обусловленные затраты: например, он должен будет поставлять масло для заправки светильников какого-нибудь храма или устроить определенное число трапез для братии гомпа, или же ему придется взять на себя расходы по ремонту монастырских зданий, приему гостей, содержанию лошадей или что-нибудь другое, а по истечении срока займа он обязан вернуть капитал сполна. Ссуду, полученную скоропортящимися товарами, он должен возратить таким же количеством однотипных товаров. Если удача ему улыбнулась и прибыль превышает сумму обязательных

по договору расходов, его счастье: остаток идет в его пользу. Но если ему не повезло, он обязан возместить недостающую сумму из собственных средств, так как основной капитал, переходя из рук в руки, должен в любом случае оставаться неизменным.

Управление большим монастырем так же сложно, как большим городом. Помимо населяющей гомпа многотысячной монашеской братии, монастырь распространяет свое покровительство на полчища арендаторов-полурабов, но зато он властен также творить над ними суд и расправу. На избираемых монастырским советом чиновников возложено вершение всех мирских дел. Они справляются с ними с помощью штата конторщиков и небольшого отряда полицейских.

Об этим стражах порядка, «добдобах», нужно сказать несколько слов особо. Их вербуют среди неграмотных наглых силачей с умственными способностями солдафонов, попавших в монастырь по воле родительской еще мальчишками, между тем как самым подходящим для них местом была бы казарма. Отважные бессознательно звериной отвагой, эти хвастливые бездельники вечно затевают какие-нибудь склоки или скверные проделки. Их форменным самовольно присвоенным мундиром считают обильно покрывающую их грязь. Доблестные витязи эти никогда не моются, по их мнению, чистых храбрецов не бывает, и грязь – отличительный признак героев. Но этого мало, они натирают себе кожу жирной сажей, налипающей на дно кастрюль, до тех пор, пока не превратятся в настоящих негров. Добдоб часто разгуливает в лохмотьях, но это результат его собственных ухищрений: он сам кромсает монашеское одеяние, стремясь придать еще больше свирепости своему и без того ужасному облику. Когда ему приходится надеть новое платье, он, прежде всего, стремиться получше его запачкать, этого требует традиция. Как бы дорого ни стоила ткань одежды, добдоб разминает в своих грязных руках масло и намазывает его густым слоем на обновку. Высшая степень элегантности для этих джентльменов состоит в том, чтобы регулярной пропиткой жиром довести свою одежду до такого состояния, при котором она приобретает темный бархатистый налет и стоит не сгибаясь, как железные доспехи.

Чудесное дерево Тсонг-Кхапа

Монастырь Кум-Бум обязан своим названием и своей славой одному волшебному дереву. Я заимствую обстоятельное повествование об этом из летописей Кум-Бум.

В 1555 г. в Амдо, на северо-востоке Тибета, где высится теперь монастырь Кум-Бум, родился реформатор Тсонг-Кхапа основатель секты Гелуг-па. Вскоре после его рождения лама Дубтшен Карма Дорджи предсказал младенцу необыкновенную судьбу и рекомендовал содержать место его появления на свет в безупречной чистоте. Немного позже здесь выросло дерево. Следует напомнить, что даже теперь почти во всех домах Амдо полы глинобитные, а туземцы спят на подушках или коврах, расстеленных прямо на земле. Это обстоятельство делает понятным предание о зарождении дерева из крови, потерянной роженицей во время родов и разрезания пуповины. Сперва на листьях молодого деревца не было заметно никакого рисунка, но чудесное происхождение сделало его в некоторой степени предметом поклонения. Один монах построил себе по соседству с ним хижину и этим заложил начало большому и богатому монастырю.

С тех пор прошло много лет. Тсонг-Кхапа начал уже проводить свои реформы. Его мать давно не видела сына и, соскучившись, послала ему письмо, призывая вернуться на родину. Тсонг-Кхапа был в это время в центральном Тибете. В процессе мистической медитации ему стало ясно, что ехать в Амдо не нужно, и он ограничился письмом к матери. Вместе с письмом он передал посланцу две копии своего портрета – один для матери, другой для сестры, – а также изображение Гиалва Сенге (обычно его именуют Жампейон, его санскритское имя – Манджусри), покровителя наук, ученых и красноречия; и несколько изображений Демтшога (его наименование на санскрите – Самбара), божества тантрического пантеона. В тот момент, когда гонец передавал подарки семье великого реформатора,

последний, применив на расстоянии свою магическую силу, заставил божественные изображения появиться на листьях чудесного дерева. Писание (откуда я и почерпнула эти сведения) гласит: отпечатки были настолько совершенны, что даже самый искусный художник не сумел бы сделать лучше. Помимо изображений на листьях, на ветвях и коре проступили другие отпечатки и «шесть писаний» то есть, шестисложная формула «ом мани падме хум». Вот это чудо и дало название монастырю: «Кум-Бум» означает «сто тысяч образов».

В описании своего путешествия Юк и Габе утверждают, будто видели слова «ом мани падме хум» на листьях и стволе дерева. Они утверждают, что на молодых листочках и под корой, там, где кору приподнимали, буквы проступали еще неотчетливо. Возникает вопрос, что за дерево видели эти путешественники? Согласно летописи, после чудесного появления изображений святых, дерево закутали в кусок шелка (ризу) и затем построили вокруг него храм. Был ли этот храм возведен под открытым небом, т. е. без крыши? Выражение «шортен», употребляемое в тексте, опровергает такое предположение, так как словом «шортен» обозначают ковчег – закрытую гробницу с остроконечной крышей. Всякое растение, лишенное света и воздуха, должно погибнуть, а поскольку, как гласит летопись, шортен был сооружен вокруг дерева в шестнадцатом веке, господа Юк и Габе могли в лучшем случае созерцать его жалкие остатки. Их описание свидетельствует, однако, что речь идет о дереве в период вегетации. В летописях упоминается также, что чудесное дерево оставалось неизменным зимой и летом, и количество его листьев было постоянным.

С другой стороны, мы читаем также, будто одно время внутри шортена стали раздаваться странные звуки. Настоятель монастыря вошел в шортен, сам вычистил пространство вокруг дерева и, обнаружив возле него небольшое количество жидкости, собрал ее и выпил. Вполне очевидно, здесь имеется в виду закрытое помещение, куда обычно нет доступа. Между тем, чудо сохранения листвы зимой (дерево принадлежит к виду, теряющему листья ранней осенью) может относиться только к живому растению, хотя оно должно было бы умереть. В этих противоречиях трудно разобраться.

В настоящее время в центре многоглавого храма с позолоченными крышами возвышается шортен-ковчег 12–15 метров высотой. Говорят, в нем и заключен оригинал священного дерева. Но когда я жила в Кум-Буме, знающие люди утверждали, что ковчег этот воздвигнут сравнительно недавно. Перед храмом из побега своего знаменитого предка растет деревце. Оно окружено балюстрадой, и поклонение в значительной степени распространяется и на него. Другой, более крепкий отпрыск чудесного родоначальника, растет в садике перед храмом Будды. Когда листья этих деревьев облетают, их собирают и раздают паломникам. Может быть, Юк и Габе пишут об одном из этих деревьев? Путешественники, посещающие Кум-Бум, обычно ничего не знают об истории и даже о существовании заключенного в ковчег дерева. От некоторых проживающих в Кансу иностранцев (Кансу – китайская провинция, на границе которой расположен монастырь Кум-Бум) я слышала, будто они действительно читали «ом мани падме хум» на листьях двух этих деревьев.

Во всяком случае, паломники-ламаисты и монахи монастыря (около 3000 человек) не видят в этих деревьях ничего исключительного и относятся к видениям иностранцев с явно насмешливым недоверием. Но отношение современников расходится с утверждениями летописей, будто несколько веков назад все жители Амдо видели запечатленные на волшебном дереве чудесные знаки.

«Живые Будды»

Помимо избираемых чиновников, представляющих в монастыре власть предрержащих и управляющих его доходами, тибетское духовенство имеет свою монашескую аристократию. Представителей ее тибетцы именуют «ламами-тюльку», а иностранцы очень неудачно

называют «живыми Буддами». В этих «тюльку» заключается самая примечательная черта ламаизма, резко отличающая его от всех других буддистских сект. Кроме того, существование в тибетском обществе монашеской знати, противостоящей знати светской и довлеющей над ней, тоже явление совсем особенное. Западные писатели никогда не могли дать правильного определения «тюльку», и можно сказать с уверенностью, что они не имеют ни малейшего представления об их действительной сущности.

Хотя реальность воплощений божеств или других могущественных личностей признается в Тибете с незапамятных времен, аристократическое сословие тюльку в нынешней своей форме получило развитие после 1650 года. В ту пору один монгольский князь только что провозгласил пятого Великого Ламу секты Гелуг-па по имени Лобзанг Гиатсо владыкой Тибета. Новый монарх получил признание китайского императора. Однако оказываемые ему почести не удовлетворяли честолюбивого ламу, и он присвоил себе более высокое звание, выдав себя за эманацию Ченрезигса, высокого представителя махаянистского пантеона. В то же время он назначил своего заменившего ему отца учителя великим ламой монастыря Трашилхумпо, объявив его тюльку Евпамеда, мистического Будды, духовного наставника Ченрезигса. Пример владетельного ламы в большой степени способствовал созданию множества тюльку. Вскоре все имеющие вес монастыри уже считали делом чести иметь во главе гомпа какую-нибудь перевоплотившуюся знаменитость. Всего сказанного о происхождении двух самых именитых линий тюльку достаточно, чтобы понять, как часто ошибаются иностранцы, считая их воплощениями исторического Будды.

Теперь посмотрим, как понимают сущность тюльку сами ламаисты. Согласно народным верованиям, тюльку – это перевоплощение какого-нибудь святого или умершего ученого; или перевоплощение существа нечеловеческой природы – божества, демона и т. д. Первая категория тюльку самая многочисленная. Вторая насчитывает несколько редких воплощений мифических персонажей, например, Далай-ламы, Траши-ламы, женщины-ламы Дорджи Пхагмо и воплощений низшего ранга, тюльку некоторых туземных божеств, например, Пекара. Тюльку последнего выполняют функции официальных оракулов. Тюльку божеств, демонов и колдуний появляются главным образом в качестве персонажей легенд. Тем не менее, и в наши дни некоторые мужчины и женщины слышат за тюльку в своей округе. Большую их часть составляют «нгаг-па» – маги или колдуны, не входящие в состав официального духовенства. Женщины – воплощения колдуний «Кандхома» могут быть и монахинями и замужними женщинами. Кое-где встречаются светские тюльку, как например, король Линга, считающийся перевоплощением приемного сына знаменитого героя Гезара из Линга.

Последнему классу светских тюльку, в противоположность двум первым, нет места в среде монашеской аристократии. Можно предположить, что он зародился вне ламаизма в лоне древней религии Тибета.

Хотя буддизм не признает бессмертной перевоплощающейся души и считает эту теорию самым гибельным из заблуждений, преобладающее большинство буддистов вернулось к древнему верованию индусов в «жива» («я»), периодически меняющего изношенное тело на новое, подобно тому, как мы сбрасывает старое платье, чтобы надеть новое («Багхават гита»). Когда тюльку считают перевоплощением божества или сосуществующего с ним мифического существа, теория меняющей свою телесную оболочку личности («я») уже не может объяснить сущность этого явления. Но тибетцы в своей массе в такие тонкости не углубляются, и в быту все тюльку, даже тюльку существ сверхчеловеческой природы, считаются перевоплощением своих предшественников.

Предка родовой ветви тюльку именуют «Ку конг ма». Он обычно принадлежит к монашескому сословию, но это не обязательно. Среди исключений можно привести отца и мать реформатора Тсонг Кхапа. Оба обитали в монастыре Кум-Бум. Ламу, почитаемого за воплощение отца Тсонг Кхапы, зовут Агхиа Тсанг. Он является главой и номинальным владыкой монастыря. Когда я жила в Кум-Бум, ламе Агхиа Тсангу было десять лет. Мать реформатора перевоплотилась в ребенка мужского пола, получающего сан ламы

Чангса-Тсанг. В подобных случаях, за немногими исключениями, только мирян принимают в среду духовенства.

Существуют монахини-тюльку святых или богинь. Если они не ведут жизни отшельниц, обычно бывают настоятельницами не женских, а мужских монастырей. Впрочем, этот сак обязывает их только восседать на настоятельском троне во время священнодействия в торжественные дни. Они живут со своими служанками – монахинями и мирянками, – в частных дворцах. Действительное управление монастырем, кто бы ни был его номинальный повелитель, доверяют избираемым монахами чиновникам.

Часто бывает очень забавно наблюдать, как умственное развитие или святость в процессе последовательных перевоплощений странным образом улетучивается. Совсем не редкость встретить совершенного идиота, воплощающего выдающегося мыслителя, или же видеть, как законченного материалиста с эпикурейскими наклонностями почитают за воплощение прославленного своим аскетизмом мистика.

В перевоплощении тюльку нет ничего странного для тех, кто верит в периодическое перевоплощение «это». Согласно этому верованию, все мы тюльку. Личность («я»), воплощенная в настоящей нашей оболочке, существовала в прошлом в других формах. Единственная особенность тюльку состоит в том, что их считают перевоплощением замечательных людей, которые иногда помнят свои прошлые жизни и в некоторых случаях могут выбирать и заранее указывать своих будущих родителей и место своего будущего рождения.

Некоторые ламы видят большое различие между перевоплощением обычного смертного и перевоплощением людей духовно просвещенных. Они говорят: тех, кто не занимается духовным развитием, кто живет подобно животным, бессознательно подчиняясь своим инстинктам, можно уподобить человеку, бредущему наугад, не придерживаясь никакого определенного направления. Например, он замечает на востоке озеро, и жажда направляет его шаги к нему. Приблизившись к озеру, он ощущает запах дыма, вызывающего у него представление о доме или стойбище.²⁴ Было бы приятно, – думает странник, – выпить вместо воды чаю и получить приют на ночь. Даже не дойдя до берега озера, он поворачивает на север, откуда доносится запах дыма. Еще не видно никакого жилья ни дома, ни палатки, – как вдруг перед ним возникают угрожающие призраки. Перепуганный странник со всех ног бежит в противоположную сторону, на юг. Наконец, ему кажется, что чудовища далеко, бояться нечего, и он останавливается. Мимо проходят другие подобные ему скитальцы. Они восхваляют красоты какого-то благословенного края, земли изобилия и радости, куда они направляются. Наш путешественник приходит в восторг, присоединяется к ним и идет на запад. Но по дороге из-за новых приключений снова изменяет направление, так и не побывав в земле обетованной. Всю свою жизнь бросаясь из стороны в сторону, этот безумец никогда ни к чему не приходит. Смерть настигает его в пути во время бессмысленных скитаний. Антагонистические силы, порожденные его беспорядочной деятельностью, рассеиваются. Поскольку сосредоточенной энергии, необходимой для продолжения того же потока, не было создано, то о формировании тюльку не может быть и речи.²⁵

Наоборот, человека, получившего озарение, можно сравнить с путешественником, твердо знающим, куда и зачем он идет. Ему хорошо известно географическое положение места его назначения и ведущие туда дороги. Поглощенный стоящей перед ним задачей, он слеп и глух к возникающим на пути миражам и соблазнам. Ничего не может отклонить его

---

²⁴ Лама, рассказывавший эту притчу, сказал «запах огня». Тибетцы, путешествующие по горам или пустыням трав севера, обладают способностью на большом расстоянии ощущать запах горящего костра, даже если он горит без дыма. – *Прим. авт.*

²⁵ Эта энергия, часто встречающаяся у тибетских писателей, именуется ими «Шуге» или «Тсал». – *Прим. авт.*

от поставленной цели. Этот человек направляет силы, порожденные концентрацией его мыслей и его физической деятельностью, в одно русло. По дороге смерть может уничтожить его тело, но духовная энергия, для которой это тело было одновременно и создателем и орудием, останется сосредоточенной. Упорно стремясь все в том же направлении, она обеспечит себе новое материальное орудие, новую форму, т. е. тюльку.

Здесь мы встречаем различные точки зрения. Некоторые ламы верят, что проникающая энергия, остающаяся после смерти создавшего или питавшего ее, если он был уже тюльку ряда последовательных перевоплощений, притягивает и группирует созвучные ей элементы, превращаясь, таким образом, в ядро нового существа. Другие придерживаются мнения, что пучок освобожденных бесплотных сил сливается с каким-нибудь живым существом, чьи физические и духовные наклонности, приобретенные в ряде предыдущих жизней, обеспечивают гармоническое соединение.

Само собой разумеется, против этих теорий можно выдвинуть различные возражения, но цель моей книги не обсуждение, а изложение взглядов и верований, встречающихся среди мистиков Тибета. Могу добавить: любая из приведенных теорий подкрепляется множеством старинных тибетских сказаний. Герои этих легенд волевым усилием предопределяют характер своего возрождения и карьеру своего следующего воплощения.

Невзирая на все сказанное о роли сознательной и настойчивой целенаправленности для продолжения линии перевоплощений тюльку, не следует делать опрометчивого вывода, будто формирование новой личности происходит произвольно. Вера в предопределение (детерминизм) слишком глубоко укоренилась в сознании тибетцев, включая самых примитивных степных пастухов, чтобы они могли допустить подобную возможность. Буквально термин «тюльку» означает: «форма, созданная магией». По мнению тибетских ученых и мистиков, мы должны считать тюльку только призраками, оккультными эманациями, марионетками, изготовляемыми магом в собственных целях. Для уточнения последней точки зрения я привожу здесь объяснение, полученное от Далай-ламы.

В первой главе этой книги я уже рассказывала, как в 1912 году во время пребывания Далай-ламы в Гималаях, я задавала ему различные вопросы об учениях ламаистов. Он отвечал сперва устно, затем, во избежание неточностей, попросил меня составить список вопросов, мне еще не ясных. Ответы я получила на этот раз в письменном виде. Привожу цитату из рукописи Далай-ламы.

«Один бодхисатва²⁶ представляет собой основу, дающую начало бесчисленным магическим формам. Сила, рождаемая совершенной концентрацией его мысли, позволит ему в миллиардах миров одновременно делать видимым подобный себе призрак. Он может создавать не только человеческие формы, но и любые другие, даже неодушевленные предметы, например, дома, изгороди, леса, дороги, мосты и проч. Он умеет повелевать атмосферными явлениями и даже изготовлять напиток бессмертия, утоляющий любую жажду». – Это выражение, – объяснил Далай-лама, – следует понимать как в буквальном, так и в переносном смысле. Практически его способность создавать магические формы неистощима, – заключил Далай-лама.

Теория, поддерживаемая самым высоким авторитетом официального ламаизма, совпадает с учением, изложенным в трудах махаянистских философов. В них перечислены десять видов магических созданий, осуществляемых бодхисатвами. Способом создания магических форм каким-нибудь бодхисатвой может воспользоваться любое другое существо человеческой, божественной или демонической природы. Единственное различие заключается в степени могущества, зависящего исключительно от силы концентрации духа и от «качества» самого духа.

---

²⁶ Существа, степень духовного развития которых следует непосредственно после степени духовного совершенства Будды. – *Прим. авт.*

Тюльку какой-либо легендарной личности обычно сосуществует со своим мифическим создателем, причем очень часто каждому из них поклоняются отдельно, как существующим независимо друг от друга. Это доказывает еще раз, что тибетцы не верят в полное воплощение божественной или какой-нибудь другой личности в своем тюльку. Так, Далай-лама – тюльку Ченрезигса – живет в Лхасе, а предполагаемая резиденция самого Ченрезигса находится в Нанкай Потала – на острове вблизи китайского побережья. Евпамед, чьим тюльку является Трашилама, пребывает в райских кущах запада – Нуб Деватшене. Люди светские тоже могут сосуществовать со своими магическими предками. Примеры этого приводятся в тибетских легендах о короле Сронг-Бстан Гампо, военачальнике Гезаре из Линга и других персонажах.

Когда Траши-лама бежал из Жигатзе, он, как говорят, оставил вместо себя призрачного двойника, похожего на него как две капли воды решительно во всем – и поведением, и манерой себя держать, вводя в заблуждение всех. Когда лама перешел границу и оказался в безопасности, призрак исчез.

Упомянутые выше лица сами по себе тоже тюльку, но ламаисты считают, что это обстоятельство не служит помехой в создании ими магических форм, возникающих одна от другой. Существует специальная система наименований для обозначения эманации второй и третьей степеней. Кроме того, ничто не препятствует дальнейшему развитию этой цепи.

Случается, дух умершего переходит на несколько тюльку, существующих параллельно и официально признаваемых. С другой стороны, некоторые ламы слынут за тюльку нескольких личностей одновременно. Так, Траши-лама не только тюльку Евпамеда, но и Субхути, ученика исторического Будды. Таким же образом, Далай-лама воплощает и мифического Ченрезигса, и Гедюндупа, ученика и преемника реформатора Тсонг Кхапы. Прежде чем перейти к другой теме, интересно будет вспомнить, что древнехристианская секта доцетов считала Иисуса тюльку. Члены этой секты утверждали, что распятый Иисус был не материальным человеком, а призраком, созданным для этой цели высшим духовным существом. Некоторые буддисты придерживаются той же точки зрения в отношении Будды. Они верят, что обитатель рая Тушита не покидал своего жилища в небесах, но создал фантом, явившийся в Индии и ставший Гаутамой, историческим Буддой.

Вопреки разнообразным, более или менее хитроумным теориям, имеющим хождение в среде ученых-философов, тюльку вообще принято считать за подлинное перевоплощение их предшественников, и формальности, сопровождающие официальное признание какого-нибудь тюльку, соблюдаются соответственно. Довольно часто случается, что лама-тюльку предсказывает на смертном одре место своего следующего рождения. Иногда он сообщает подробности о будущих родителях, их жилище и т. д. Обыкновенно только два года спустя после смерти ламы-тюльку его главный управляющий и другие слуги принимаются за розыски своего перевоплотившегося господина. Если покойный лама предсказал место своего возрождения, или же оставил распоряжения относительно предстоящих поисков, то следопыты черпают вдохновение именно в этих указаниях. Если же наводящих сведений нет, они совещаются с ламой-звездочетом и прорицателем, указывающим обычно, в весьма туманных выражениях, место, где следует искать ребенка, и признаки, по которым его можно будет узнать. Когда речь идет о высокопоставленном тюльку, испрашивают совета одного из государственных оракулов, а при розысках перевоплотившихся Далай-ламы и Траши-ламы эта консультация является обязательной. Иногда ребенка очень быстро удается найти по приметам, соответствующим описанию прорицателя. Но, случается, проходят годы, а поиски остаются безуспешными. Для благочестивых прихожан ламы это большое горе. Еще более удручены монахи. Лишенный своего высокочтимого главы, монастырь больше не привлекает толп набожных благотворителей, и угощения и дары становятся редким удовольствием. Но пока безутешные прихожане и трапа горюют, жуликоватый управляющий покойного ламы втайне ликует, так как благодаря отсутствию законного хозяина он бесконтрольно распоряжается его имуществом и быстро богатеет.

Напав на след более или менее подходящего мальчика, снова совещаются с ламой-прорицателем. Если тот одобряет предполагаемого кандидата, то последнего подвергают следующему испытанию: несколько личных вещей покойного ламы перемешивают с подобными предметами, и ребенок должен отобрать вещи ламы, как бы узнавая предметы, принадлежавшие ему в прошлой жизни. Иногда на освобожденный со смертью тюльку престол претендуют сразу несколько мальчиков. У всех детей одинаково убедительные приметы, все они узнают без единой ошибки вещи покойного ламы. Бывает также, что ламы-звездочеты и прорицатели расходятся во мнениях и указывают на разных наследников. Такие недоразумения чаще всего имеют место, когда речь идет о преемнике одного из великих тюльку, владык знаменитых монастырей и обширных поместий. Кроме главы монастыря, большие гомпа иногда насчитывают среди своих монахов свыше сотни тюльку. Последние помимо роскошного жилища в монастыре – их официальной резиденции – часто имеют жилища и в других монастырях, а, кроме того, владения во многих местах Тибета или Монголии.

Множество семей мечтают посадить одного из своих сыновей на трон усопшего ламы. Родителям юного тюльку часто разрешают жить в монастыре, пока он еще нуждается в материнском уходе и заботах. Со временем им предоставляют комфортабельные жилища на монастырских угодьях, но за пределами монастыря, и снабжают в изобилии всем необходимым для беззаботного и приятного существования. Если в монастыре нет жилища, специально предназначенного для родителей великого тюльку или же дело касается тюльку, не являющегося главой гомпа, отец и мать ребенка-избранника остаются на родине и получают богатое содержание до конца своих дней. Близкое родство даже с самым незначительным из тюльку всегда достаточно выгодно, чтобы возбудить алчность в сердце какого угодно тибетца. Поэтому вокруг права наследования тюльку плетутся многочисленные интриги, а среди воинственного населения Кхама и северной границы разгоревшиеся страсти часто бывают причиной кровопролитных столкновений. Из конца в конец по всему Тибету разносятся бесчисленные легенды о маленьких тюльку, доказывающих подлинность своего происхождения рассказами о прежней жизни. В этих рассказах мы находим обычную для Тибета смесь комического, суеверия, хитрости с действительно ошеломляющими фактами. Я могла бы сообщить десятки подобных историй, но предпочитаю ограничиться двумя событиями, так как мне довелось принимать в них некоторое участие лично.

Рядом с дворцом ламы-тюльку Пегиай, у которого я жила в Кум-Буме, находилось жилище другого тюльку по имени Агнай-Тсанг (не следует его путать с великим Агхиа Тсангом, главой Кум-Бума, о котором говорилось выше). После смерти последнего Агнай-Тсанга прошло уже семь лет, а его воплощения все еще не удавалось найти. Не думаю, что это обстоятельство слишком удручало его домоправителя. Он бесконтрольно распоряжался всем имуществом покойного ламы, причем его собственное состояние, по-видимому, переживало период приятного процветания. Во время очередной коммерческой поездки интендант ламы завернул отдохнуть и утолить жажду на одну из ферм. Пока хозяйка готовила чай, он достал из-за пазухи табакерку из нефрита и уже собирался угоститься понюшкой, как вдруг игравший до этого в углу кухни мальчуган помешал ему, положив ручонку на табакерку и спросив с укором:

– Почему у тебя моя табакерка?

Управляющий остолбенел. Драгоценная табакерка действительно ему не принадлежала. Это была табакерка покойного Агнай-Тсанга. Может быть, он и не собирался совсем ее присвоить, но все-таки она была у него в кармане и он постоянно ею пользовался. Он стоял в смущении, дрожа перед устремленным на него суровым угрожающим взглядом мальчика: лицо малыша вдруг изменилось, утратив все ребяческие черты.

– Сейчас же отдай, – приказал он, – это моя табакерка. Преисполненный раскаяния, перепуганный монах рухнул к ногам своего перевоплощенного повелителя. Через несколько дней я наблюдала, как мальчика с чрезвычайной пышностью препровождали в

принадлежавшее ему жилище. На нем было одеяние из золотой парчи, а ехал он на великолепном пони черной масти, которого управляющий вел под уздцы. Когда шествие вошло за дворцовую ограду, мальчик сделал следующее замечание:

– Почему, – спросил он, – мы поворачиваем налево? Во второй двор нужно ехать через ворота направо.

И действительно, после смерти ламы по какой-то причине ворота справа заложили и проделали взамен другие слева. Это новое доказательство подлинности избранника повергло монахов в восхищение. Юного ламу провели в его личные покои, где был сервирован чай. Мальчик, сидя на большой груде подушек, посмотрел на стоявшую перед ним нефритовую чашку с блюдцем из позолоченного серебра и украшенную бирюзой крышку.

– Дайте мне большую фарфоровую чашку, – приказал он и подробно описал чашку из китайского фарфора, не забыв и украшавший ее рисунок. Никто такой чашки не видел. Управляющий и монахи старались почтительно убедить молодого ламу, что в доме подобной чашки нет. Как раз в этот момент, пользуясь дружескими отношениями с управляющим, я вошла в зал. Я уже слышала о приключении с табакеркой и мне хотелось поближе посмотреть на моего необыкновенного маленького соседа. По тибетскому обычаю я поднесла новому ламе шелковый шарф и несколько других подарков. Он принял их, мило улыбаясь, но с озабоченным видом, продолжая думать о своей чашке.

– Ищите лучше и найдете, – уверял он.

И вдруг словно мгновенная вспышка озарила его память, и он добавил несколько подробностей о сундуке, выкрашенном в такой-то цвет, который находится на таком-то месте, в такой-то комнате, где хранятся вещи, употребляемые только изредка. Монахи вкратце объяснили мне, о чем шла речь, и желая посмотреть, что же будет дальше, я осталась в комнате тюльку. Не прошло и получаса, как чашку вместе с блюдечком и крышкой обнаружили в коробке на дне описанного мальчиком сундука.

– Я и не подозревал о существовании такой чашки, – уверял меня потом управляющий. – Должно быть, сам лама или мой предшественник положили ее в этот сундук. В нем больше ничего ценного не было, и туда уже несколько лет никто не заглядывал.

Другой тюльку объявился при еще более фантастических обстоятельствах. Это событие произошло на бедном постоялом дворе в маленькой деревушке недалеко от Анси (в Гоби). Тропы, ведущие из Монголии в Тибет, пересекают здесь очень длинный путь из Пекина в Россию. Поэтому меня не удивило, но раздосадовало, когда, прибыв на закате солнца на постоялый двор, мы обнаружили, что он занят монгольским караваном. Путники, очевидно, были взволнованы каким-то чрезвычайным происшествием, однако при виде монашеских одеяний на мне и Ионгдене, вообще свойственная монголам учтивость стала особенно подчеркнутой. Они потеснились, освободив для нас и наших слуг одну комнату и нашли место для лошадей в конюшне. Пока мы с сыном медлили, рассматривая лежащих во дворе верблюдов, дверь одной из комнат открылась и показался высокий молодой человек приятной наружности, одетый в бедное тибетское платье. Он остановился на пороге и спросил, не тибетцы ли мы. Мы ответили утвердительно. Тогда за молодым человеком показался пожилой лама. По богатому одеянию мы узнали в нем начальника каравана. Он тоже заговорил с нами по-тибетски. Как всегда бывает при подобных встречах, произошел обмен вопросами и ответами откуда и куда мы держим путь. Лама сообщил, что они предполагали идти в Лхасу через Сутшу зимним путем, но теперь, поскольку путешествие стало бесполезным, он возвращается в Монголию. Занятые во дворе слуги выразили одобрение словам ламы глубокомысленным покачиванием головы. Я недоумевала, что заставило этих людей изменить планы? Но так как лама вернулся к себе, было бы невежливым следовать за ним и просить разъяснений. Позже вечером монголы, уже получившие исчерпывающие сведения о нашем караване от слуг, пригласили нас выпить с ними чаю, и я узнала все.

Красивый молодой человек был родом из отдаленной провинции Нгари на юго-западе Тибета. Он казался немного одержимым. По крайней мере, такое впечатление он произвел бы на европейца, но... мы были в Азии. С самого раннего детства Мигьюра – так его звали – преследовала странная уверенность, что он находится не там, где ему следует быть. Он чувствовал себя чужестранцем в своей деревне, чужим в своей семье... Во сне он видел пейзажи, каких в Нгари не существовало: песчаные пустыни, круглый войлочный шатер, небольшой монастырь на холме. Даже в состоянии бодрствования ему являлись все те же заветные образы, заслоняя окружавшие его реальные предметы, постоянно создавая вокруг него миражи. Мальчику еще не было и четырнадцати лет, когда, повинуясь непреодолимому желанию увидеть свои сны наяву, он убежал из дома. С тех пор он вел жизнь бродяги, нанимаясь время от времени по дороге в батраки, чтобы заработать на кусок хлеба, но чаще всего нищенствовал, не в силах справиться с возбуждением и осесть где-нибудь в определенном месте. Сейчас он возвращался из Арика, расположенного на севере пустыни трав. Он брел все вперед, как всегда без определенной цели, и опередив нас на несколько часов, дошел до постоялого двора, где расположился на отдых караван. Юноша заметил во дворе верблюдов. Сам не зная зачем, он переступил порог и очутился перед старым ламой, и тогда – словно молния прорезала тьму – воспоминание осветило в его памяти давно минувшие события. Он увидел этого самого ламу молодым человеком – своим учеником, а себя в образе престарелого ламы. Оба ехали по этой же дороге, возвращаясь из длительного паломничества по святым местам Тибета домой, в свой монастырь на холме. Все это он напомнил начальнику каравана, приводя мельчайшие подробности их жизни в далеком монастыре и множество других деталей.

Целью путешествия было намерение просить Далай-ламу указать им способ разыскать тюльку, главу их монастыря. Престол его пустовал уже свыше двадцати лет, несмотря на все старания найти перевоплотившегося ламу. Эти наивные люди готовы были верить, что всеведущий Далай-лама, зная об их намерении и по великой своей благости, устроил им встречу с возрожденным ламой. Бродягу из Нгари немедленно подвергли обычному испытанию. Он выдержал его с честью, сразу, точно и уверенно вынув из мешка с перемешанными в нем предметами принадлежавшие покойнику-ламе вещи. Монголы не испытывали ни малейшего сомнения в подлинности их вновь обретенного тюльку.

На следующий день мы видели, как большие верблюды возвращавшегося вспять каравана медленно важной поступью дошли до горизонта и растворились в пустыне Гоби. Новый тюльку уходил вместе с караваном навстречу своей удивительной судьбе.

Глава 4

Сношения со злыми духами, – Зловещий пир. – Пожиратели «дыхания жизни». – Заколдованный кинжал. – Чудотворный труп. – Танцующий мертвец. – Я неожиданно выступаю в роли колдуна и навожу ужас на вора-вольнодумца

Тибет – страна демонов. Если судить по народным поверьям и легендам, то придется сделать вывод, что численность злых духов намного превышает население страны. Эти зловредные создания, принимая тысячи различных личин, обитают на деревьях, скалах, в долинах, озерах, источниках. Они охотятся за людьми и животными, похищая у них «дыхание жизни», чтобы насытиться им. Демоны слоняются по полям и лесам, и путник всегда рискует столкнуться с кем-нибудь из них лицом к лицу. Подобный порядок вещей вынуждает тибетцев постоянно вступать в сношения со злыми духами. В функции официального ламаизма входит подчинение демонов, перевоспитание их в покорных слуг, а в случае непокорности обезвреживание или уничтожение. В этом с официальным духовенством конкурируют колдуны. Но обычно они стремятся поработить одного или нескольких демонов для недобрых дел. Если у колдуна не хватает умения и знаний, чтобы заставить демонов повиноваться, они заискивают перед ними, стремясь лестью вкрасься в доверие духов и добиться от них помощи.

Помимо совершаемых ламами магических обрядов, изучаемых в монастырских школах «гиюд», и черной магии колдунов тибетские мистики поощряют особый способ сношения со злыми духами, требующий некоторой духовной подготовки. Он заключается в том, что ученик ищет встречи с демонами с намерением предложить им подаяние или померяться с ними силами. Несмотря на нелепые, даже отвратительные для европейцев формы, эти обряды преследуют полезные или возвышенные цели, например, избавиться от страха, вызвать чувство любви к ближнему, стремление отрешиться от своего «Я» и, в конце концов, прийти к духовному озарению.

* * *

Самая фантастическая из ритуальных церемоний, именуемая «тшед» (от глагола «отрезать, уничтожать») представляет собой подобие заупокойной мистерии, исполняемой одним актером. Постановка спектакля рассчитана на устрашение лицедействующих новичков так искусно, что некоторые из них во время совершения церемонии внезапно сходят с ума и даже падают замертво.

Часто до посвящения (без посвящения обряд не действителен) ученика предварительно подвергают разнообразным испытаниям. Наставник варьирует их в соответствии с характером и умственным развитием испытуемого. Нередко молодые монахи, непреложно верующие в существование сонмов злых духов, отправляются к какому-нибудь мистик-ламе и, не испытывая и тени сомнения в истинности его учения, в наивном своем благочестии, просят руководить ими на стезе духовного совершенствования. В педагогическую систему учителей-мистиков не входит длительное наставление о заблуждениях и истине. Они применяют наглядный метод, предоставляя ученикам возможность черпать знания из наблюдений и личного опыта, чтобы развить в них способность мыслить самостоятельно. Чтобы отучить доверчивого и трусливого ученика бояться демонов, ламы прибегают к приемам, на первый взгляд смехотворным, но на самом деле – принимая во внимание уровень развития подопечных – варварски жестоким. Одного знакомого мне молодого человека учитель-лама из Амдо послал в темную лощину в пустыне, о которой в народе бродила нехорошая молва. Юноша должен был привязать себя к скале и ночью вызывать и дразнить самых свирепых и кровожадных демонов. Тибетские художники изображают их в виде чудовищ, сосущих мозг из черепов и копающихся в человеческих внутренностях. Какой бы ужас юноша ни испытывал, он должен был бороться с искушением отвязать себя и спастись бегством: учитель приказал ему не двигаться с места, пока не взойдет солнце. Подобный метод принят в качестве классического. Многие молодые монахи в Тибете вступают на путь духовного совершенствования, начиная именно с этого искуса. Иногда ученик, выполняя приказание, остается привязанным три дня и три ночи, бывает и дольше, борясь со сном, находясь во власти порождаемых голодом и усталостью галлюцинаций.

Во время моего тайного путешествия в Лхасу старый лама из Тсаронга рассказывал Ионгдену о трагическом конце одного такого упражнения. Разумеется, смиренно сидящая в уголке незаметная мамаша, какую я в то время изображала, не упустила ни одного слова из его рассказа.

В юности этот лама со своим младшим братом по имени Лоде ушел из монастыря, последовав за чужеземцем-аскетом, на некоторое время уединившимся на известной как место паломничества горе Пхагри недалеко от Дайюля. Анахорет велел младшему брату привязать себя за шею к дереву на месте, по слухам облюбованном Тхагс-Янгом – демоном, являющемся обычно в образе тигра и обладающим всеми кровожадными инстинктами этого зверя. Привязанный к дереву, как жертва к алтарю, бедняга должен был внушать себе, будто он корова, приведенная сюда в качестве приношения Тхагс-Янгу. Чтобы сосредоточиться на этой мысли и лучше войти в роль, юноше было приказано время от времени мычать.

Предполагалось, что при достаточно сильной концентрации воли, он впадет в транс и, утратив сознание своей личности, действительно почувствует себя коровой, которой угрожает опасность хищных зверей.

Упражнение было рассчитано на три дня и три ночи. Прошло четыре дня. Ученик не вернулся. На утро пятого дня отшельник сказал старшему брату: «Сегодня ночью я видел странный сон. Пойди и приведи своего брата». Монах отправился туда, где был его брат. Его глазам представилось ужасное зрелище: с дерева еще свешивалась на веревке часть растерзанного, наполовину съеденного тела Лоде, а по траве и окружающему кустарнику валялись кровавые объедки. Потрясенный юноша собрал все, что осталось от брата в подол своей монашеской тоги и поспешил к учителю. Добежав до хижины, служившей приютом анахорету и ученикам, монах в ней никого не нашел. Лама ушел, захватив с собой все свое имущество: две священные книги, несколько предметов культа и дорожный посох с трезубцем на конце.

– Я почувствовал, что схожу с ума, – рассказывал старик. – Необъяснимое исчезновение ламы испугало меня больше, чем ужасная гибель брата. Что видел во сне наш учитель? Знал ли он о печальной участи своего ученика? Почему он ушел?...

Причины, побудившие ламу уйти, были мне столь же непонятны, как и этому монаху. Но все-таки можно было предположить: когда ученик не пришел в срок, лама испугался, не случилось ли с ним беды, имевшей место в действительности. Может быть, лама и на самом деле получил одно из тех таинственных предупреждений, какие порой приносят нам сновидения, и предусмотрительно скрылся, опасаясь гнева родителей своей жертвы. Смерть юноши объяснялась совсем просто. В этой местности водится много пантер. Случается забрести и леопарду. Я сама видела леопарда в лесу за несколько дней до того, как мне довелось услышать этот рассказ. Монах стал добычей одного из них, привлеченного, очевидно, его мычанием, прежде чем успел отвязаться и попытаться спастись. Однако, по мнению рассказчика и окружающих его слушателей, дело обстояло не так просто. Они были уверены, что демон в образе тигра завладел опрометчиво предложенной жертвой. «Молодой послушник, говорили они, – очевидно, не знал магических формул и жестов, защищающих от демонов. Вина его наставника именно в том, что он приказал юноше вызвать демона-тигра, не вооружив его предварительно необходимыми посвящением и знаниями». Но, оскорбленный в своем чувстве привязанности к учителю, брат несчастного хранил в глубине души подозрение еще более ужасное: он поведал о нем шепотом и дрожа всем телом.

– Кто знает, – сказал он, – не был ли этот чужеземный лама сам демоном-тигром, принявшим на время человеческий облик, чтобы завлечь жертву? Он не мог завладеть ею в образе человека, но ночью, пока я спал, он снова превратился в свирепого зверя и насытился.

Воцарилось тяжелое молчание. Должно быть, старику часто случалось рассказывать об ужасном приключении своей далекой молодости, но интерес слушателей от этого не ослабевал. Разве это происшествие не было до сих пор злободневным? Разве Тхагс-Янг и его сородичи не продолжают слоняться вокруг жилищ человека, подстерегая людей и животных, не умеющих защитить себя от их козней? По большой кухне, слабо освещенной пламенем очага, пронеслось дуновение страха. Одна из женщин невольно подняла глаза на расклеенные по стенкам листы бумаги с магическими, ограждающими от злой силы знаками, будто желая убедиться, не месте ли они. Старик пошел в соседнюю комнату посмотреть, горит ли на алтаре вечерний жертвенный светильник, и наполнился ли благоуханием зажигаемых им ароматических палочек.

Можно подумать, что трагические происшествия во время такого рода обрядов частое явление, но на самом деле они представляют собой исключения. Невольно напрашивается мысль, что ученик, посещавший в течение некоторого времени по ночам бесовские логова и вызывающий демонов, предлагая им на съедение собственное тело, в конце концов, начинает сомневаться в реальности созданий, ничем своего существования не проявляющих.

Я спрашивала об этом многих лам.

– Такие сомнения, – сказал один из них, геше (доктор философии) из Дирги (город в провинции Кхам на востоке Тибета), – иногда действительно возникают. Их следует рассматривать как одну из целей, преследуемых учителями мистиками. Но если ученик обретает неверие прежде, чем оно может быть ему полезно, то часть упражнений, рассчитанная на воспитание в нем бесстрашия, останется без результата. Наставник-мистик, – прибавил он, – не примет в ученики человека, исповедующего вульгарное неверие. Оно противоречит истине. Ученик должен понять, что боги и демоны существуют и могут приносить добро и зло только тем, кто в них верит, им поклоняется и боится. Очень немногие впадают в неверие на первой стадии духовного совершенствования. Большинство учеников действительно видят страшные образы.

Не беру на себя смелость оспаривать это мнение, ибо многочисленные примеры служат доказательством его обоснованности. Ночной мрак и характер местности, специально выбираемой для сношений с демонами, уже сами по себе могут породить галлюцинации. Но все ли явления, наблюдаемые совершающими обряд учениками, следует отнести к галлюцинациям? Тибетцы утверждают, что не все.

Мне представилась возможность беседовать с отшельником из Га (восточный Тибет) Кушогом Вантшееном о случаях скоростижной смерти во время заклипания духов. Этот лама не обнаруживал ни малейшей склонности к суеверию и, думая найти в нем единомышленника, я сказала:

– Все они умерли от страха. Их видения просто объективизация собственных мыслей. Демоны не могут победить того, кто в них не верит.

К моему величайшему изумлению анахорет ответил необычным для него тоном:

– По вашему мнению, достаточно не верить в существование тигров, и ни один тигр никогда вас не тронет?

Он продолжал: «Объективизация умственных представлений очень таинственный процесс, безразлично, происходит он сознательно или бессознательно. Какова участь этих созданий? Может быть, подобно младенцам, рожденным от нашей плоти, они – дети нашего духа – уходят из-под контроля, и с течением времени, или же сразу начинают жить самостоятельной жизнью? Не следует ли также предположить, раз мы можем порождать их, что есть на свете и другие существа, обладающие такой же способностью? Если подобные магические создания („тюльпа“) существуют, то нет ничего необычного в том, что мы приходим с ними в соприкосновение – либо по воле их создателей, либо потому, что собственные наши мысли и действия создают условия, позволяющие им заявлять о своем присутствии и проявлять активность. Возьмем для сравнения реку и представим себе, что вы живете на некотором расстоянии от берега. Рыба никогда не приблизится к вашему жилищу. Но проведите от реки до вашего участка канал, а в его конце выройте пруд. Тогда вы увидите, что вместе с водой из реки в пруд попадет и рыба. Остерегайтесь создавать такие каналы необдуманно. Немногие имеют представление о том, что таится в недрах вселенной, куда они опрометчиво заглядывают».

Затем, уже менее серьезным тоном, он закончил: «Необходимо уметь защищаться от тигров, созданных вами же, или порожденных другими».

Теории такого рода и определяют выбор местности, подходящей для совершения таинства «тшед». Отдается предпочтение кладбищам или пустыням с диким, легко возбуждающим ужас ландшафтом, когда с ними к тому же связаны страшные предания или трагические происшествия, имевшие место в действительности. Такое предпочтение объясняется тем, что эффективность обряда зависит не только от чувств, пробуждаемых в душе священнодействующего мрачными словами заклипаний или же страшным ландшафтом, на фоне которого он их произносит. Нужно, прежде всего, расшевелить таинственные силы и сознательные существа, привлекаемые в такие места совершенными здесь злодеяниями или настойчивой концентрацией мысли многих людей. Как следствие, во время отправления обряда «тшед» – драмы, исполняемой одним актером, этот актер, в

результате ли процесса объективизации, самовнушения или же, как верят тибетцы, благодаря вторжению на сцену существ из оккультного мира, вдруг оказывается в окружении коллег, порой начинающих играть в спектакле непредусмотренные режиссером роли. Последнее обстоятельство приветствуется, потому что, усложняя упражнение, делает его тем самым особенно полезным. Но нервы некоторых неискушенных адептов не выдерживают слишком интенсивной нагрузки, и вот тогда-то (я уже об этом говорила) постигает их безумие или внезапная смерть.

Тот, кому предстоит совершать обряд «тшед», должен, прежде всего, как и подобает всякому лицедею, выучить свою роль наизусть. Затем ему нужно тренироваться в ритмическом танце, вырисовывая ногами на земле геометрические фигуры; научиться вертеться на одной ноге в обе стороны; постукивать по земле пяткой в такт и подпрыгивать. Наконец, он должен уметь манипулировать особым способом различными предметами культа и играть на тамбурине и на трубе из бедренной человеческой кости. Это не так-то просто, и во времена моего ученичества мне самой не раз приходилось попытаться до полного изнеможения. Руководящий репетициями наставник-лама отдаленно напоминает балетмейстера. Но его окружают не сияющие улыбки балерин в розовых трико; перед ним пляшут исхудавшие от самоистязания и лишений молодые подвижники, в рубище, с пылающими испугами и диким упорством глазами на воспаленных грязных лицах. Они готовятся к чревату опасности испытанию, и их неотступно терзает мысль об ужасном ужине, когда тело их будет служить угощением для изголодавшихся демонов. Нет ничего удивительного, что при таком положении вещей эта забавная репетиция становится зловещей.

Полное описание таинства «тшед» заняло бы здесь слишком много места: оно содержит длинные подготовительные заклинания. Произнося их, священнодействующий «попирает ногами» все виды человеческих страстей и распинает свое самолюбие. Но главная часть обряда состоит в пиршестве. Вкратце весь сценарий его можно изобразить следующим образом: священнодействующий трубит в канглинг,²⁷ приглашая демонов на пир. Он воображает²⁸ божество женского пола, олицетворяющее собственную его волю. Этот образ его воли устремляется из его головы, через макушку с саблей в руке. Одним быстрым взмахом она отрубает ему голову, затем, в то время как со всех сторон в ожидании лакомства и угощения слетаются стаи вампиров, она отсекает от тела руки и ноги, сдирает с туловища кожу и вспарывает живот. Из живота вываливаются внутренности, ручьями течет кровь, а омерзительные гости раздирают, грызут и смачно чавкают. Между тем священнодействующий монах сам натравливает их на добычу следующими ритуальными заклинаниями: «На протяжении беспредельного ряда веков, в процессе повторяющихся существований, я заимствовал у бесчисленных существ за счет их благоденствия и их жизней мою пищу, мою одежду и всевозможные блага, чтобы содержать свое тело в добром здравии, в радости и защищать его от смерти. Нынче я плачу долги, предлагая на истребление свое тело, которое я так любил, холил и лелеял. Я отдаю свою плоть алчущим, кровь – жаждущим, свою кожу – тем, кто наг, кости свои – на костер для тех, кто страдает от холода. Я отдаю свое счастье несчастным, свое дыхание жизни – умирающим... Бесчестье да падет на мою голову, если я устражусь принести эту жертву. Позор всем, кто не осмелится принять ее».

Это действие трагедии именуется «красное пиршество». За ним следует «черное пиршество». Мистическое значение последнего открывается только ученикам, удостоенным

---

²⁷ Труба, сделанная из человеческой бедренной кости. – *Прим. авт.*

²⁸ Доводит концентрацию мысли до объективизации субъективных представлений. Концентрация мысли может достигать такой степени, что воображаемые факты и местность полностью заслоняют реальные образы. – *Прим. авт.*

высшей степени посвящения.

Видения дьявольского красного шабаша рассеиваются, хохот и визг вампиров смолкает. Мрачную оргию сменяет абсолютное одиночество. Глубокое молчание и непроглядная тьма окутывают подвижника. Состояние дикого возбуждения постепенно стихает.

Теперь монах должен представить себе, будто от него осталась маленькая кучка обуглившихся останков, плавающая на поверхности озера грязи – грязи от нечистых помыслов и дурных дел, запятнавших его духовную сущность на протяжении неисчислимого ряда существований, начало которых затеряно во тьме времен.

Нужно, чтобы он понял, что идея самопожертвования, охватившая его, – только иллюзия, родившаяся из слепой гордыни, не имеющая под собой почвы. В действительности, он ничего не может дать, потому что он сам ничто.

Молчаливый отказ аскета, отрицающего горделивое опьянение идеей самопожертвования, кладет конец ритуалу.

Некоторые ламы отправляются в путь, чтобы совершить «тшед» у 108 озер, 108 кладбищ, 108 лесов и т. д. Целые годы посвящают они этому обряду не только в Тибете, но и в Непале, в некоторых районах Индии и Китая.

Другие же удаляются от людей, для ежедневного совершения «тшеда» в течение более или менее долгого времени, меняя каждый раз место, которое паломник выбирает, бросая камень из пращи. Прежде чем раскрутить веревку, он кружится на месте с закрытыми глазами до потери ориентации. Он смотрит только, куда упадет камень, выпущенный из пращи.

Некоторые ламы пользуются пращой, чтобы обозначить направление, куда идти. Например, бросая камень на рассвете, они будут брести весь день в направлении падения камня, по горам, пока хватит сил. В сумерках они остановятся и совершат «тшед» на следующую ночь.

Этот ритуал имеет притягательную силу, которую невозможно описать, особенно, если не знаешь той атмосферы, в которой он был задуман.

Как и другие, я была странно очарована суровыми символами ночного Тибета.

Впервые отправившись в одиночку в это странное паломничество, я остановилась у прозрачного озера, заключенного между каменистыми берегами. Пустынный пейзаж дышал равнодушием, он не давал ощущения ни страха, ни безопасности, ни радости, ни грусти. Казалось, будто все потонуло в пучине бесконечного безразличия.

Пока я размышляла о необычайной психологии народа, придумавшего «тшед» и другие странные обычаи, вечерняя мгла спустилась на ясное зеркало озера. Сказочная процессия освещенных луной облаков поплыла вдоль близких вершин, наступая, окружая меня туманными призраками. Один из них устремился вперед по внезапно брошенной на темную воду сияющей дорожке, словно по ковру. Прозрачный гигант с двумя звездами вместо глаз махнул мне длинной, выступающей из широкого рукава рукой. Зовет ли он меня? Гонит ли? Я колебалась... Тогда он приблизился – такой настоящий, такой живой, что, желая рассеять иллюзию, я невольно закрыла глаза. Я почувствовала, что меня окутывают складки мягкого плаща, что мою плоть пронизывает летучая его ткань, замораживая кровь в жилах...

Какие только видения не грезятся детям этой зачарованной пустыни, выросшим в суеверии послушникам, когда духовные отцы оставляют их в ночи, один-на-один с болезненно возбужденным воображением от ужасов совершаемого обряда. Сколько раз среди завываний бури, проносящейся по высоким плоскогорьям, слышали они отвечающие на их призывы голоса, и дрожали от страха, одинокие в своих маленьких палатках, за тридевять земель от человека.

Я прекрасно представляла себе ужас, испытываемый учениками, отправляющими обряд «тшед». Однако все, что о нем рассказывали, казалось мне сильно преувеличенным. Я недоверчиво улыбалась, слушая описания несчастий. Но по мере того, как мое пребывание в

Тибете затягивалось, мне стали известны факты, заставившие меня изменить мнение. Вот один из них.

В то время наш лагерь был разбит в огромной поросшей травами пустыне, именуемой в Тибете Чанг-Тханг. Неподалеку стояли три черные палатки пастухов, перегонявших летом свои стада на высокогорные пастбища. Случайность – удобное слово для обозначения неведомых для нас причин – привела меня к ним, когда я как-то бродила в поисках масла. «Докпа» (пастухи) оказались славными людьми. Они, по-видимому, ничего не имели против соседства женщины-ламы (жетсюн кушог), к тому же платившей за все покупки «белыми деньгами».²⁹

Они предложили пасти наших лошадей и мулов вместе со своим скотом, что избавляло моих слуг от многих обязанностей. Я решила дать слугам и животным неделю отдыха.

Через два часа по прибытии я уже получила исчерпывающие сведения об этой местности. Впрочем, рассказывать о ней почти нечего. Во все четыре стороны света под сияющим небом раскинулась необъятная травяная степь. Все же в этой пустыне существовало нечто, достойное внимания. Один лама, живший постоянно где-то севернее, среди монгольских племен, расположился на лето в пещере недалеко от нашего лагеря. Ему прислуживали двое трапа, его ученики. Их работа обычно ограничивалась приготовлением чая, и большую часть своего времени они посвящали религиозным упражнениям. По ночам монахи бродили по пустыне и до пастухов доносились звуки «дамари» (тамбурина) и «канглинга», сопровождающие ночные священнодействия в ближних горах.

Их учитель, Рабджомс Гиатсо, с самого своего прихода, т. е. уже три месяца не выходил из пещеры. Из этих сведений можно было заключить, что учитель совершает дубтхаб или какие-нибудь другие магические обряды. На рассвете следующего дня я решила посетить пещеру. Мне хотелось придти туда, пока трапа были еще заняты в своей палатке утренними молитвами. Я надеялась обмануть их бдительность и застать ламу врасплох. Должна сознаться, мои действия нарушали правила тибетского этикета, обязательного по отношению к ламам. Но я не знала привычек Рабджомса Гиатсо и боялась, что он откажется меня принять, если ему доложат о моем приходе.

Докпа объяснили мне дорогу очень хорошо. Я сразу нашла пещеру на середине горного склона, переходившего в долину, пересеченную мирно журчащим ручейком. Небольшая стена, сложенная из камней, пучков травы, глины и завеса из шкур яков скрывали доисторическое жилище ламы и его самого от нескромных взглядов случайных прохожих.

Моя стратегия не имела успеха. На горе, на полпути к пещере, мне преградил дорогу скелетообразный субъект с всклоченной шевелюрой, облаченный в лохмотья, когда-то бывшие одеянием отшельника. Мне с трудом удалось убедить его попросить учителя аудиенции для меня. Он принес вежливый, но отрицательный ответ: Рабджомс Гиатсо сейчас не может меня видеть, но если я приду через две недели, он охотно меня примет. Стоит ли ради беседы с ламой оставаться здесь дольше, чем я предполагала? Не желая брать на себя никаких обязательств, я попросила только передать, что, может быть, еще вернусь, но пока в этом не уверена.

Два раза в день один из трапа проходил мимо нас к пастухам за молоком. Юноша, не пустивший меня к ламе, возбуждал интерес и жалость своим болезненным видом. Если бы узнать, чем он болен, можно было бы полечить его каким-нибудь лекарством из моей аптечки. Однажды я подстерегла его и стала расспрашивать. Услышав слово «лекарство», молодой монах стал уверять меня, что он совершенно здоров. Но как только речь зашла о его необычной худобе, его широко раскрытые глаза безумца наполнились невыразимым ужасом.

---

²⁹ Тибетское выражение, обозначающее, что речь идет не об обмене товара на товар, а о плате серебром в монетах или в слитках. – *Прим. авт.*

Невозможно было добиться от бедняги ничего путного. Я велела слугам заставить разговориться его товарища, но тот упорно избегал всяких расспросов. В противоположность обыкновенно болтливым тибетцам эти двое были удивительно сдержаны. После моих попыток они, отправляясь к пастухам, стали делать большой крюк и обходить мой лагерь стороной. Очевидно, они не хотели, чтобы кто-нибудь вмешивался в их дела, хотя бы и с самыми лучшими намерениями, и я перестала о них думать.

Мы жили в этой местности уже семь дней, когда в другом стойбище докпа, осевших километра на два ближе к центру равнины умер один из пастухов. Желание присутствовать на сельской погребальной церемонии заставило меня отложить отъезд.

Два всадника во весь опор поскакали в «банаг гомпа» (на диалекте пастухов Северного Тибета означает монастырь не из каменных построек, а из палаток – «палаточный монастырь»), расположенный в двух днях езды от их стойбища, чтобы привезти оттуда для совершения заупокойных обрядов двух монахов.

Только служители культа из монастыря, с которым мирянин связал себя либо в качестве духовного сына, либо благотворителя, правомочны оказать помощь при погребении. В ожидании их прибытия ученики Рабджомса Гиатсо попеременно читали нараспев возле покойника тексты из религиозных книг. Друзья усопшего стекались со всех сторон, по тибетскому обычаю захватив с собой мелкие подарки для утешения осиротевшей семьи покойного. Затем вернулись всадники, эскортируя двух монахов и нескольких мирян.

Теперь трапа под аккомпанемент барабанов, цимбал и колокольчиков оглушительным речитативом затаили бесконечные гнусавые песнопения. Началось священнодействие с перерывами для принятия пищи. Монахи и миряне жадно накидывались на угощение, ели и пили рядом со смердящим трупом. Через восемь дней все обряды были должным образом закончены. Труп отнесли на горную вершину и, расчленив на части, оставили на добычу хищным птицам в качестве последней милостыни.

Следуя древнему обычаю налджорпа (я носила облачение налджорпа), с наступлением вечера я закуталась в свой «зен» (монашеская тога) и направилась к месту успокоения бранных останков с намерением провести там ночь в одиночестве, предаваясь медитации. Я медленно взбиралась по крутой тропинке. Почти полная луна волшебным светом заливала степь, раскинувшуюся от подошвы горы до далеких хребтов, выступавших аспидно-черными зубцами вершин на бескрайнем светлом небе. Ночные прогулки по этим просторам исполнены очарования: так бы и шла всю ночь. Но цель моего путешествия – место погребения – было меньше чем в часе ходьбы от моей палатки. Я уже почти дошла, когда вдруг странный крик, хриплый и в то же время пронзительный, разорвал безмятежное безмолвие спящей пустыни. Звук повторялся снова и снова, потом его сменил ритмический звук тамбурина. Этот язык был мне понятен. Кто-то, без сомнения один из учеников Рабджомса, опередил меня и совершал возле растерзанного трупа обряд «тшед».

Рельеф местности позволил мне незаметно добраться до горной расселины и притаиться там во мраке. Из своего укрытия я хорошо видела колдующего монаха. Это был тот самый изможденный трапа, отказавшийся от моего лечения. На свою обычную одежду он накинул монашескую тогу и, несмотря на то, что она была не в лучшем состоянии, чем остальное его рубище, складки ее придавали высокому тонкому силуэту молодого человека необычайно внушительное достоинство. Когда я приблизилась, он читал «мантра Пражнапарамита»:

«О, мудрость, которая ушла, ушла,
Ушла в неведомое и в неведомое
неведомого!»

Затем донг-донг – монотонный низкий звук тамбурина стал реже и незаметно замер. Монах, казалось, погрузился в медитацию. Через мгновение он встал, плотнее закутался в складки своего зена и высоко поднял канглинг в левой руке. Тамбурина зазвенел

воинственное стаккато, а юноша вызывающе выпрямился, как бы давая отпор невидимому противнику.

– Я, налджорпа, не знающий страха, попираю ногами свое «Я», демонов и богов! – воскликнул он.

Затем, еще повысив голос, приглашая святых усопших лам, «йидамов» и «кхадома» присоединиться к нему, он начал ритуальный танец. Каждое восклицание «я попираю ногами» он действительно сопровождал топанием и ритуальными выкриками «тсем шее тсем». Его вопли все усиливались и стали оглушительными. Юноша снова поправил складки волочившейся по земле тоги, отложил в сторону тамбурин и свою зловещую трубу и, схватив в одну руку камень, а в другую колышек, монотонно бормоча нараспев, начал укреплять палатку. Палатка эта, маленькая, из тонкой ткани, вероятно, бывшей когда-то очень давно белой, в лунном сиянии казалась сероватой. Вырезанные из серой материи священные слогги «Ом-А-Хум» украшали с трех сторон ее полы, образующие стенки, а крышу обрамляли оборки, окрашенные в пять мистических цветов. Все это выпцвело, полиняло и имело убогий вид.

Скелетообразный монах был возбужден. Его взор блуждал от разорванных перед ним кусков трупа к видимой части горизонта, где обманчивый свет луны видоизменил и растворил все очертания, превратив ландшафт в неверное тусклое сияние. Как будто в нерешительности, он несколько раз со вздохом провел рукой по лбу; наконец, по-видимому, собравшись с духом, он схватил нервным движением свой канглинг и извлек из него, все ускоряя темп, ряд громких звуков отчаянный призыв на все четыре стороны света. После этого он влез в палатку.

Что мне было делать? Вторая часть обряда должна была совершаться в палатке. Мне уже ничего не будет видно. До меня доносилось только невнятное бормотание священных текстов, прерываемое жалобными стонами. Лучше было уйти.

Стараясь не шуметь, я выскочила из своего убежища. Вдруг раздалось глухое рычание, и мимо меня промелькнул какой-то зверь. Я потревожила волка. Его до сих пор отпугивал поднятый налджорпа шум. Но когда воцарилась тишина, волк отважился подойти ближе к предназначенному для него и его собратьев угощению. Я уже спускалась по горному склону, когда меня остановил вопль:

«– Я плачу долги. Насыщайтесь плотью моей, – завывал трапа. – Идите сюда, голодные демоны. На этом пиру плоть моя превратится в самые лакомые для вас яства. Вот плодородные нивы, зеленые леса, цветущие сады, пища чистая и кровавая; вот одежда, целебные лекарства... Берите, вкушайте». (Слова ритуальных заклинаний).³⁰

Молодой фанатик яростно затрубил в свой канглинг, потом дико закричал и вскочил на ноги так порывисто, что ударился головой в крышу палатки, которая немедленно на него обрушилась.

Некоторое время он возился в палатке – ему удалось вылезти; с лицом, искаженным гримасой, как у сумасшедшего, он дико кричал и жестикулировал, как будто все его тело болело.

Теперь я поняла, что такое обряд «тшед» для тех, кто подпадает под гипноз его ритуала. Не было ни малейшего сомнения, что несчастный действительно переживал все муки человека, раздираемого на части и пожираемого заживо страшными чудовищами. Дико озираясь по сторонам, трапа обращался к невидимым существам. Казалось, что его обступают целые толпы пришельцев из иных миров, и он созерцает страшные нездешние видения.

Зрелище было не лишено интереса, но я не могла наблюдать его хладнокровно. Несчастный безумец убивал сам себя. Вот в чем заключалась причина его недуга, почему он там упорно отказывался от моих бесполезных для него лекарств. Мне очень хотелось

---

³⁰ Это – дословно слова литургии. – *Прим. авт.*

избавить юношу от терзавшего его кошмара, но я колебалась, зная, что всякое вмешательство означает нарушение установленного правила: начавший обряд «тшед» должен совершать его самостоятельно. Пока я пребывала в нерешительности, до меня опять донеслось рычание волка. Зверь стоял перед нами на вершине утеса и, застыв на месте и оцетинившись, вперил взгляд в сокрушенную палатку, будто и он видел там что-то страшное.

Молодой монах продолжал корчиться как бесноватый и издавать вопли мученика. Я больше не могла выдерживать и бросилась к нему. Но, едва я попала в поле его зрения, как он принялся призывать меня неистовыми жестами.

– О, приди, алчущий, – кричал он, – пожирай тело мое, пей кровь мою!..

Он принял меня за демона!.. Как мне не было его жаль, я чуть не расхохоталась.

– Успокойтесь, – сказала я ему, – здесь нет никаких злых демонов. Перед вами преподобная женщина-лама. Вы меня знаете.

Он, очевидно, ничего не слышал, и продолжал предлагать мне себя на ужин.

Мне пришло в голову, что в лунном сиянии моя тога придает мне сходство с призраком. Скинув ее с плеч на землю, я тихо заговорила: Посмотрите на меня, теперь вы меня узнаете?

Напрасно. Несчастный мальчик бредил. Он простирает руки к моей недвижной тоге, взывая к ней, как к запоздавшему на пир демону.

Не нужно было вмешиваться. Я только еще больше взволновала этого несчастного. Пока я размышляла, что предпринять дальше, направлявшийся ко мне неверными шагами трапа, споткнувшись о колышек палатки, тяжело рухнул на землю и замер. Очевидно, он был в глубоком обмороке. Я следила издали, не поднимается ли он, но подойти к нему не решалась, чтобы не напугать его еще больше. Наконец, он зашевелился, и я сочла за лучшее удалиться.

Я решила рассказать ламе, что происходит с его учеником. Вероятно, юноша вообще подвержен припадкам, и не исключено, Рабджомс Гиатсо знает об этом. Но сегодня ночью его болезненное состояние, по-видимому, особенно обострилось. Может быть, учитель пошлет за ним другого трапа и избавит его от мучений. Я поспешила спуститься с горы вниз. Еще долго до меня доносились звуки канглинга, изредка сопровождаемые воем волка. Шум становился все глуше, пока окончательно не замер, и я снова с наслаждением погрузилась в безмятежную тишину пустыни. Крошечная звездочка в темной горной расселине – слабый свет маленького алтарного светильника – служила мне маяком. Я обошла палатку, где, по всей вероятности, уже спал второй ученик ламы, и быстро поднялась к пещере.

Рабджомс Гиатсо был погружен в медитацию. Когда я приподняла завесу у входа и заговорила с ним, он, не меняя позы, только поднял глаза на меня. Несколькими словами я рассказала ему, в каком состоянии я оставила его ученика.

Лама слабо улыбнулся:

– По-видимому, вы знакомы с обрядом «тшед», Жетсюнма,³¹ не правда ли, – спросил он спокойно.

– Да, я сама совершала этот обряд.

Он молчал.

Я подождала немного и, видя, что лама совсем забыл о моем существовании, снова попыталась воззвать к его состраданию.

– Римпотше (драгоценный; очень почтительное обращение), я серьезно предупреждаю вас. Я обладаю познаниями в медицине и знаю, что от испытываемого ужаса ваш ученик может серьезно заболеть или даже сойти с ума. Мне показалось, что он на самом

---

³¹ Высокочтимая, чрезвычайно почтительное обращение к женщине, занимающей высокий сан в религиозном ордене ламаистов. – *Прим. авт.*

деле чувствует, будто его пожирают заживо.

– Конечно, он чувствует это, – все так же невозмутимо ответил лама, – и не подозревает, что он пожирает сам себя. Может быть, когда-нибудь он это поймет...

Я было собралась возразить, что прежде чем бедняга что-нибудь поймет, он, вероятно, предоставит возможность другим совершить обряд «тшед» над собственным трупом. Но лама угадал мою мысль и, не дав мне вымолвить и слова, снова заговорил, слегка возвысив голос:

– Из ваших слов можно заключить, что вы избрали «прямой путь» (путь мистиков). Разве ваш духовный наставник не говорил о подстерегающих вас на этом пути опасностях, и разве не по доброй воле подверглись вы тройному риску: болезни, безумию и смерти? Трудно, – продолжал лама, – совершенно избавиться от иллюзий, рассеять мираж воображаемого мира и отрешиться от верований в химеры. Знание истины (буквально, лицемерие истины) драгоценная жемчужина, и за нее приходится дорого платить. Существует множество путей достигнуть «тхарпа» (высшее освобождение, духовное просветление). Может быть, ваш способ менее примитивен и жесток, чем путь того, кого вы жалеете, но я уверен, и ваш путь не сладок. В противном случае он ничего не стоит. Теперь идите в свою палатку. Если захотите меня видеть, можете придти днем.

Было бесполезно настаивать. Высказанные ламой мысли выражают мировоззрение почти всех тибетских мистиков. Я молча поклонилась и отправилась в свой лагерь.

Днем я опять навестила Рабджомса Гиатсо, и в течение нескольких дней мы подолгу с ним беседовали. Ламу едва ли можно было назвать ученым, но во многих вопросах его суждения отличались глубиной, и я считаю свою встречу с ним большой удачей для себя.

Разумеется, не следует принимать на веру все страшные рассказы налджорпа об обряде «тшед». Тем не менее, ощущения пожираемого заживо у совершающих обряд молодых монахов и случаи их гибели далеко не редкость. Помимо только что рассказанного, мне известно еще два или три таких же случая, когда, совсем как Рабджомс Гиатсо, духовные наставники несчастных учеников-налджорпа отказывались открыть им глаза на субъективный характер их ощущений и таким образом избавить их от страданий. Кроме того, как я уже говорила, многие учителя-ламы сами убеждены, что далеко не все эти ужасные переживания вполне субъективны.

По преданию, автором драматической инсценировки «тшед» и его ритуальных текстов был некий лама Падма Ригдзин, глава секты «великое завершение» (Дзогтшен), живший около двух столетий тому назад.

В 1922 году мне довелось побывать у его преемника, вернее у того самого Падма Ригдзина, в соответствии с тибетскими верованиями много раз умиравшего и рождавшегося вновь, всегда занимая престол настоятеля в гомпа Дзогтшен. Монастырь помещался на окраине северной пустыни среди дикой унылой местности. Такой ландшафт, вполне естественно, должен придавать воображению монахов мрачное направление.

Однако мой любезный хозяин Падма Ригдзин не имел ни малейшей склонности к меланхолии. В его уме своеобразно сочетались интересы коммерсанта с ребяческими вкусами. Он долго расспрашивал меня об Индокитае и Бирме, осведомляясь о статьях импорта и экспорта в этих странах. Ему хотелось главным образом узнать, можно ли выписать оттуда павлинов для пополнения своей небольшой зоологической коллекции.

Но вдали от роскошных покоев великого ламы в маленьких уединенных домиках ютились монахи, и их сосредоточенные лица и таинственные повадки вполне гармонировали с окружающим пейзажем. В специально построенных для этой цели обителях подвизались анахореты, соблюдавшие самые суровые правила затворничества. Они не имели никакого сношения с внешним миром. Некоторые из них стремились развить в себе сверхчеловеческие психические способности, другие пребывали в состоянии мистического созерцания, по символу веры их секты приводившее спасающихся к духовному озарению. С незапамятных времен монастырь Дзогтшен славится как центр обучения эзотерическим тайным методам духовного совершенствования.

Те, кто постиг скрытый смысл «тшед», могут обходиться без инсценировки обряда. Он сводится для них к безмолвной медитации. В процессе ее они должны мысленно переживать все перипетии трагедии. Вскоре и это упражнение, в свою очередь, становится бесполезным. И все-таки воспоминания ли о далеком времени ученичества, или другие только им известные соображения, побуждают некоторых из гомтшенов иногда собираться и совершать обряд «тшед» коллективно. Тогда священнодействие превращается в своеобразное мистическое торжество – отправляющие обряд ламы празднуют свое духовное освобождение.

Мне выпала редкая удача видеть, как некоторые из этих подвижников Кхампа – высокого роста, в живописных маленьких юбочках из простой ткани, которую носят «респа»,³² с заплетенными в косу волосами до пят – плясали под звездами на вершине нашего мира и затем погружались в состояние глубокой медитации. Так и заставало их восходящее солнце – сидящими в позе Будды, оцепенело выпрямившись, со скрещенными ногами, опущенными долу глазами, точно каменные изваяния.

Это было незабываемое зрелище.

Пожиратели «дыхания жизни»

В начале этой главы я упоминала о демонах – охотниках за «дыханием жизни». В Тибете о них можно услышать очень много.

По тибетским верованиям, некоторые из этих дьявольских созданий ведут кочевой образ жизни и, постоянно подстерегая добычу, сами похищают «дыхание» живых существ. Но есть и другие, обитающие постоянно в определенной местности. Эти оседлые демоны довольствуются последними вздохами умирающих, доставляемыми им по их заказу. Обязанности посыльных исполняют определенные лица, бессознательно действуя в состоянии транса.

Ограничиваются ли они этой пассивной ролью? Не добывают ли «последнее дыхание» насильственно, раньше рокового часа? Никто не знает этого, и никто не может с уверенностью распознать тех, кто занимается этим ремеслом. Сами «разносчики дыхания» обычно и не подозревают, какие дела совершают они в бессознательном состоянии, отождествляясь со своим «двойником».

Одно известное содружество пожирателей дыхания – вернее, пожирательниц, так как речь идет о демонах женского пола поселилось в историческом монастыре Самье на берегу Брахмапутры, на юге Лхасы.

Я посетила их логово на обратном пути из Лхасы. Путешествие в этот монастырь само по себе полно впечатлений и прекрасно настраивает ум на восприятие фантастических рассказов.

Под самой Лхасой на левом берегу Иесру тсангпо (Брахмапутры) раскинулась Сахара в миниатюре. Белые дюны беспрерывно наступают на страну и отвоевывают все новые и новые территории. Преодолев преграду, создаваемую на их пути цепью гор, пески добрались до долины Кий Чу, и их тонкая пыль начинает скапливаться уже вдоль оград Норбулинга – загородного дворца Далай-ламы. За пределами живописного монастыря Дорджи Таг путник попадает в настоящую пустыню. Справа еще виднеются вдали несколько сиротливо прижавшихся к подошве гор одиноких ферм с полями, почти совсем погребенными под песками. Затем всякие признаки жилья и посевов исчезают. Насколько хватает глаз, расстилаются волнистые ослепительно белые песчаные просторы. Глубокое, без единого облачка, синее небо, пылающее солнце, слепящий отраженный свет – все создавало иллюзию, будто я снова в Джериде. Но если ландшафт напоминал африканскую

---

³² «Респа» – те, кто могут развивать внутреннее тепло, именуемое «тумо». – *Прим. авт.*

пустыню, то «вкус» воздуха был совсем иным: это был все тот же воздух великого Тибета, такой легкий, какой бывает только на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. Об этом крае ходят по стране бесчисленные легенды, от самых древних до сложенных в наши дни. Во многих местах демонстрируют следы когда-то совершенных здесь чудес. Одним из самых замечательных памятников считается гигантский утес, одиноко вознесенный над руслом речного потока. Рассказывают, будто несколько веков тому назад этот колосс улетел из Индии и направился по воздуху в Тибет. О цели его оригинального путешествия история умалчивает. Может быть, каменного великана поразила безмятежная красота широкой долины, синяя река, безоблачное лазоревое небо, и он остановился, восхищенный, погрузив в речной поток свое богатырское тело. Как бы там ни было, его странствиям пришел конец, и с тех пор он стоит одинокий, замерев в экстазе безмерного восторга, и бурный поток омывает его подножие.

Мы приехали в Самье вечером.

Ландшафт местности был более или менее однообразен скорбный и таинственный, как лицо умирающего.

В пустыне Гоби тоже на всем лежит печать немного бессильного отчаяния обреченных на неотвратимую гибель существ, и мне был знаком молящий о помощи взгляд жалких цветочков с венчиком, наполненным смертоносной пылью. Но в окрестностях Самье чудится, будто непосредственное действие природы усугубляется влиянием оккультных сил, и к вызываемому унылым пейзажем тоскливому чувству примешивается смутная тревога, почти ужас. Самье, наполовину поглощенный пустыней оазис, будто погружен в старчески-бесстрастные воспоминания о былом величии, или же в состоянии высшей степени отрешенности от всего мирского, невозмутимо взирает, как вздымаются вокруг грозящие захлестнуть его волны. Песок, точно саваном окутал окаймляющие монастырь высокие горы уже почти до самых вершин. К монастырскому порогу подступают все новые дюны. Унылые верхушки деревьев бывшей здесь когда-то подъездной аллеи едва пробиваются из затопившего их песчаного моря. Гомпа обнесен выбеленной известью стеной. Выше по склону лепятся на одинаковом расстоянии друг от друга многие тысячи миниатюрных шортонов. Еще выше за ними щетинятся шпильки других, белых или зеленых шортонов, и среди них блестят позолоченные кровли нескольких храмов. На закате солнца все выглядит восхитительным, странным и призрачным. Затерянный среди этой мертвенной пустыни гомпа красуется словно сказочный город, созданный чародеем.

Действительно, Самье создан волшебником и, если верить легенде, монастырь был построен чудесным образом. Это одно из самых знаменитых исторических мест Тибета. Именно здесь к началу восьмого века был сооружен первый буддистский монастырь «Страны Снегов».³³

Тибетские летописи рассказывают, как демоны воспротивились постройке, монастыря и каждую ночь разрушали все, что каменщики успевали построить за день. Прославленный маг Падмасамбхава не только помешал им разрушать храм, но и превратил их в покорных слуг, которые за несколько ночей закончили строительство.

Возможно, эта легенда отражает реальный факт, если под «демонами» рассматривать приверженцев старой религии «Бонпо», против которых боролся Падмасамбхава во время своего пребывания в Тибете. Скорее всего, он не победил их, а добился любовного соглашения.

Самье очень долго служил резиденцией могущественных лам. Основание секты «Желтых колпаков» и господствующее положение ее членов как представителей официального духовенства постепенно снизили значение монастыря. Между тем, другие ламаистские общины, принадлежащие, как и Самье, к секте «Красных колпаков», оказались более стойкими в борьбе со своими противниками. Очевидно, полный упадок знаменитого

---

³³ Название Тибета. – Прим. авт.

монастыря Падмасамбхавы был вызван еще и другими причинами. На некоторые из них проливает свет история, но многие склонны объяснять разорение монастыря Самье и непреодолимое наступление на него пустыни действием оккультных сил. Во всяком случае в настоящее время Самье почти совсем заброшен, и всех рассеянных по его территории монахов едва ли наберется человек тридцать. Многие дома, когда-то служившие жилищами монахов, теперь заселены мирянами-арендаторами и превратились в фермы. От большого числа построек остались одни развалины да кучи щебня. И все-таки среди этого запустения некоторые храмы до сих пор содержатся в полном порядке. Творение чародея, Самье проникнут духом своего создателя. Монастырь весь до самых закоулков дышит таинственностью, и когда ложатся вечерние тени, даже невинные идущие с пастбища домой животные, имеют нездешний коварный вид дьявольских оборотней. И на самом деле, монастырь служит приютом одному из величайших оккультистов и официальных оракулов Тибета – ламе Тше-Кионгу, поселившемуся в храме Угс-Кханг (жилище животворного духа). Так называется помещение, куда доставляются, как уверены тибетцы, последнее дыхание умирающих. Некоторые утверждают, что вообще все «последние вздохи», всех, переселяющихся из земной доли в лучший мир, устремляются в Самье. Более скромная версия ограничивает размеры этой глобальной процедуры «последними вздохами» расстающихся с жизнью в округе Самье, включая сюда и Лхасу.

Обязанность транспортировки вздохов от места успокоения покинутого ими тела до Самье возложена на особую категорию людей. Разумеется, человек тут действует бессознательно, во время сна или в трансе. Его материальное тело в этом не участвует и не покидает своего жилища. В состоянии бодрствования он ничего о своих странствиях не помнит. Если нашим читателям верования тибетцев покажутся очень нелепыми, я напому им, что и в европейских странах в наше время есть люди, считающие, будто они иногда по ночам странствуют в чужие края, точно так же, как «носильщики дыхания жизни». По утрам они ничего конкретно не могут вспомнить о своих путешествиях.

Разве суеверие не единая религия, объединяющая все народы всего земного шара?

Почему дыхание жизни доставляется именно в Самье, объясняют тем, что демоны-самки, именуемые Сингдонгмо (львиная маска), избрали Самье своей резиденцией. Они занимают покои в храме – обители ламы-прорицателя и туземного бога Пекара. Покои эти всегда заперты. В одной совершенно пустой комнате помещены колода мясника и ритуальный нож с кривым лезвием. При помощи этих двух инструментов Сингдонгмо крошит «дыхания». «Рубка дыхания», несомненно, чудо, и тибетцы по-своему доказывают его подлинность. Колода и нож остаются в запертом логове дьяволиц в течение года. Затем их убирают и заменяют новыми. Говорят, тут-то и можно удостовериться, что лезвие ножа изношено и зазубрено, а колода иссечена и выщерблена от постоянного употребления.

Угс-Кханг породил множество страшных, способных вызвать кошмары, рассказов. В них описывают терзания и борьбу пленных дыханий и случаи побега, когда «последние вздохи», не помня себя от ужаса, мчатся по всей стране, преследуемые голодными Сингдонгмо. Жители Самье уверяют, что порой по ночам из Угс-Кханга доносятся стенания, хохот, крики, и постукивание ножа о колоду. Впрочем, такое дьявольское соседство не мешает славным монахам-тибетцам и мирянам почивать в этом жутком монастыре безмятежным сном.

Во время моего пребывания в Угс-Кханге я не преминула как можно лучше осмотреть все, что только возможно увидеть. Перед входом в покои лежали кожаные мешки, символизирующие невидимую упаковку доставляемых последних дыханий умирающих. Дверь была заперта на несколько огромных висячих замков и опечатана печатью Далай-ламы. По установленным правилам, эту дверь открывают раз в год, чтобы лама Тше-Кионг сменил ритуальные принадлежности. По словам одного из сановников храма, это правило теперь соблюдается не так строго, и смена кухонных принадлежностей Сингдонгмо осуществляется реже.

Когда-то Тше-Кионгу при посещении этого дьявольского логова предоставлялось

право брать себе монаха в провожатые. Он лишился этой возможности в результате одного странного и трагического происшествия. Говорят, однажды лама Тше-Кионг, заменив ритуальные предметы, собирался уже покинуть апартаменты Сингдонгмо в сопровождении своего эконома, когда последний вдруг почувствовал, что кто-то ухватившись сзади за складки его тоги, тянет его обратно в комнату. «Кушог! Кушог! – закричал он в ужасе, обращаясь к ламе. – Кто-то держит мой зен!». Оба обернулись: в комнате никого не было. Лама снова направился к двери. Он уже переступил порог, и эконом собирался последовать его примеру, как вдруг упал как подкошенный. Он был мертв. С тех пор лама Тше-Кионг один должен подвергаться в Угс-Кханге опасностям. Полагают, что высокая степень посвящения в магические заклинания, тайной которых он владеет, должны ограждать его от опасностей.

«Одержимые отравители»

Тогда как Сингдонгмо удовлетворяются рубленным «дыханием жизни», некоторые из их злокозненных собратьев добывают свои жертвы с помощью одержимых отравителей, тоже действующих в бессознательном состоянии. Об этих отравителях по всему Тибету ходят бесчисленные легенды, приводя в трепет путешественников, пребывающих в постоянном страхе встречи с кем-нибудь из них. Своеобразная обязанность «наследственного хранителя яда» выпадает главным образом на долю женщин.

Что это за яд – никто толком не знает. Но во всяком случае, он не естественного происхождения – ни растительного, ни минерального. Возможно, по составу он напоминает таинственное приворотное зелье, но больше похоже на правду, что волшебный яд существует только в воображении тибетцев. Говорят, будто женщины хранят его под грудью в мешочке. Однако этого мешочка никто никогда не видел, даже если предполагаемая носительница отравы была совершенно раздета. Впрочем, уверяют, что яд этот для простых смертных невидим, и подобная таинственность только увеличивает внушаемый им ужас.

Неминуемо наступает время пустить яд в употребление. Его хранитель или хранительница не может уклониться от исполнения своей роли и действуют в состоянии транса. Если при этом под руку не попадается какой-нибудь прохожий, «одержимый» должен поднести отравленное зелье другу или родственнику. Таинственным шепотом рассказывают ужасные случаи об отравлении матерью своего единственного сына, о муже, подающем отравленную чашу чая любимой женщине, ставшей его женой только накануне. Если в роковой час поблизости никого не будет или же жертва откажется от отравленного напитка или пищи, то отравитель должен принять яд сам.

Я сама видела человека, бывшего – если верить его рассказу – героем странного приключения с ядом. Как-то он путешествовал по дороге и зашел на какую-то ферму попросить напиться. Хозяйка приготовила для него пиво, залив кипятком зерно, заквашенное в деревянном сосуде,³⁴ и затем поднялась к себе на верхний этаж. Оставшись один, путник с удивлением заметил, что пиво в деревянной чашке кипит ключом. Для тибетцев такое необычное явление служит признаком отравы. На огне стоял котелок с кипятком, откуда женщина брала воду, заваривая зерно. Гость зачерпнул из котла кухонным ковшом и вылил его содержимое в подозрительное пиво. Сейчас же наверху раздался стук от падения чего-то тяжелого. Оказалось, что упала мертвой угощавшая его женщина.

В Тибете яд служит для путешественников постоянным источником тревоги. Сколько раз меня серьезнейшим образом отчитывали очень почтенные люди, предупреждая об опасности, какой я себя подвергала, и заклинали быть осторожнее и внимательно осматривать предлагаемое угощение. Как утверждают, отравители оказывают особое

---

³⁴ Тибетцы в Гималаях пьют горячее пиво. – *Прим. авт.*

предпочтение лицам духовного звания, так как их дьявольские хозяева ставят им смерть какого-нибудь святого ламы в особую заслугу.

Специальные, сделанные из особого дерева чаши, считаются чувствительными к яду, обнаруживая его присутствие непроизвольным кипением налитой в них жидкости. Поэтому такие чаши ценятся на вес золота.

Иногда в хранении яда начинают подозревать какую-нибудь почтенную мать семейства. Никто не знает, где она его прячет, никто не пытается его отыскать и от него избавиться. Все убеждены: против этой напасти не существует никакого средства, никакой защиты. Все подстерегают малейшее движение несчастной женщины, сторонятся ее, и часто она сама начинает верить в существование своего яда.

Со смертью хранителя отравы опасность не устраняется. Этот неиссякаемый яд передается по наследству, и наследник не имеет никакой возможности от него отказаться. Волей неволей он вступает во владение ядом и вынужден стать отравителем в свою очередь.

Повторяю, одержимый применяет яд по назначению, всегда действуя бессознательно, как орудие чужой воли.

«Заколдованный» кинжал

Тибетцы верят, что не только живые существа восприимчивы к состоянию одержимости, но и неодушевленные предметы могут служить орудием злой воли. В дальнейшем читатели познакомятся с методами магов, внушающих, как они думают, вещам свою волю.

Не рекомендуется держать в домах мирян или не получивших посвящения монахов предметы, уже использованные для совершения магических обрядов, так как порабощенные с их помощью злые существа могут выместить свою обиду на беззащитных хозяевах. Этому народному поверью я обязана приобретением нескольких любопытных предметов. Не раз лица, получавшие такие вещи по наследству, навязывали их мне под видом подарков.

Но однажды удача выпала на мою долю при таких странных обстоятельствах, что об этом стоит рассказать. Во время одного путешествия нам повстречался небольшой караван лам. Остановившись для беседы с ними, как того требует обычай на этих дальних тропах, где путники встречаются очень редко, я узнала, что они везут «пурба» (заколдованный кинжал), бывший уже причиной многих бедствий. Ритуальный предмет принадлежал их главе, недавно преставившемуся ламе. Кинжал начал свои козни еще в монастыре – из троих прикоснувшихся к нему монахов, двое умерли, а третий упал с лошади и сломал себе ногу. Затем один из больших храмовых стягов, предназначенных для благословения верующих, укрепленный во дворе гомпа, вдруг сломался, что было очень плохим предзнаменованием. Перепуганные монахи, не осмеливаясь уничтожить «пурба», чтобы не накликать еще худших бед, заперли его в шкаф, где после этого стал раздаваться страшный шум. В конце концов, было решено отвезти злокозненный кинжал в маленькую уединенную пещеру, посвященную одному божеству. Однако кочующие в этой местности пастухи воспротивились. Они напомнили, что другой такой же «пурба» – никто не знал, где и когда это было – при подобных же обстоятельствах, перемещаясь без посторонней помощи по воздуху, убил и поранил множество людей и животных. Несчастные носильщики зловещего кинжала, тщательно завернутого в бумагу с напечатанными на ней заклинаниями и запрятанного в специальный ящик, выглядели очень удрученно. При взгляде на их скорбные лица у меня пропало желание посмеяться над ними. Кроме того, я хотела посмотреть на заколдованное оружие.

– Покажите мне «пурба», – сказала я, – может быть, я найду средство вам помочь.

Они боялись достать его из футляра. Наконец, после переговоров мне позволили вынуть его из ящика собственноручно. Это была старинная, очень редкая вещь. Только самые большие монастыри обладают такими «пурба». Во мне проснулась страсть

коллекционера.

Мне очень хотелось его иметь, но я знала – ламы не продадут его ни за что на свете. Нужно было что-нибудь придумать.

– Остановимся на ночлег вместе, – предложила я, – и пусть «пурба» останется пока у меня. Я подумаю, как вам помочь.

Я ничего не обещала, но перспектива хорошего ужина и возможность отвлечься от тревог в беседе с моими слугами их соблазнила. Когда стемнело, я удалилась в сторону от палаток, демонстративно захватив с собой кинжал, так как оставить его в лагере во время моего отсутствия, да еще без футляра, значило бы еще больше напугать доверчивых тибетцев. Решив, что отошла от лагеря уже достаточно далеко, я воткнула в землю оружие, явившееся причиной стольких волнений, и уселась на одеяло, раздумывая, как бы уговорить лам уступить его мне. Я просидела так несколько часов. Вдруг поблизости от магического кинжала мне почудился силуэт какого-то ламы. Я видела, как он приблизился, осторожно наклонился; из-под складок тоги, окутывающей нечеткий в темноте стан человека, медленно высвободилась рука и потянулась к кинжалу. С быстротой молнии вскочила я и, опередив вора, выхватила из земли оружие.

Значит не одна я хочу завладеть кинжалом! Среди мечтающих от него отделаться кто-то менее наивный, знает ему цену и желает продать его украдкой. Он думал, что я заснула и был уверен, что я ничего не замечу. А завтра утром исчезновение кинжала объяснили бы вмешательством оккультных сил, и родилась бы еще одна легенда. Даже жаль, что такой прекрасный план провалился. Но кинжал был у меня. Я так крепко его зажала, что мои возбужденные приключением нервы среагировали на ощущение впившихся в ладонь выпуклых узоров кожаной рукоятки, и мне почудилось, будто она слегка зашевелилась в моей руке!.. Но где же вор? Покрытая ночной мглой равнина была пустынна. Бродяга, должно быть, убежал, когда я наклонилась, чтобы вытащить кинжал из земли. Я поспешила в лагерь. Тот, кто в лагере отсутствует, или вернется после меня и есть вор. Я застала всех бодрствующими за чтением священных текстов, ограждающих от нечистой силы, и вызвала Ионгдена к себе в палатку.

– Кто из них отлучался? – спросила я.

– Никто, – ответил он, – они едва живые от страха. Я сердился на них – они ходят по своим надобностям возле самых палаток.

Ну, значит, мне померещилось. Впрочем, может быть, мне это будет на руку.

– Слушайте, – обратилась я к людям: Вот что сейчас произошло... И я откровенно рассказала ламам, что мне привиделось, и какие у меня возникли подозрения.

– Это наш великий лама, нет никакого сомнения, это был он, закричали они. – Он приходил за своим кинжалом, и, убил бы вас, если бы успел его схватить. О, Хетсюнма, ты на самом деле настоящая гомтшенма, хотя некоторые и называют тебя «пхилинг» (иностранка). Наш тсавай-лама (отец и духовный владыка) был могущественным магом, и все-таки ему не удалось отнять у тебя свой «пурба». Теперь оставь его себе. Он больше никому не причинит зла.

Они говорили возбужденно, все вместе, ужасаясь при мысли, что их колдун-лама, еще более страшный после своего переселения в мир теней, прошел так близко от них, и в то же время радуясь избавлению от заклятого кинжала.

Я разделяла их радость, но по другому поводу – теперь «пурба» принадлежал мне. Но порядочность не позволяла мне воспользоваться их растерянностью.

– Подумайте, – обратилась я к ламам, – может быть, я приняла за ламу какую-нибудь тень... может быть, я заснула, и мне все это приснилось...

Они ничего не хотели слышать. Лама приходил, и я его видела, ему не удалось схватить «пурба», и по праву более сильного я стала законной обладательницей кинжала... Сознаюсь, меня нетрудно было убедить.

«Чудотворный труп»

Определенный и довольно многочисленный класс тибетских мистиков предается заклинаниям и зловещим обрядам, отводя в них значительную роль трупам. Рядовой колдун видит в обрядах только средство добиться оккультного могущества. Но другие, более просвещенные, усматривают в них либо страшное наставление, преподанное в виде символов и притч, либо своеобразный метод духовного совершенствования. Нельзя сомневаться, к тому же, что во всех рассказах о колдунах вымысел занимает гораздо больше места, чем действительные события. Желаящие найти скрытую в легендах мысль должны толковать их в свете учения индуистского тантризма или доктрин Бонпо. Подобное исследование предмет сугубо специальный и обширный, и заниматься им в пределах данной книги не представляется возможным. Все-таки я хочу здесь отметить некоторые известные мне факты, отличающиеся особенным своеобразием.

Это имело место не так давно, мне рассказал о нем в Черку через несколько лет после смерти одного действующего лица человек, знавший его лично.

Лама Чогс Тсанг, о котором пойдет речь, был настоятелем монастыря Миниагпар лхаканг, расположенного неподалеку от Татшиенлу. Чогс Тсанг – автор ряда пророчеств, относящихся к событиям, назревающим в Тибете, в Китае и даже во всем мире. Чогс Тсанг слыл чудачком и очень любил выпить. Он долго жил при тибетском владыке княжества Татшиенлу, носившем титул «Гиалпо» (король). Однажды во время непринужденной беседы с королем, выпивая в обществе его величества, лама вдруг попросил отдать ему в жены сестру начальника королевской конюшни. Присутствовавший при этом королевский конюший отказал наотрез. Тогда Чогс Тсанг пришел в неопишемую ярость, швырнул изо всех сил об пол и вдребезги разбил драгоценную нефритовую чашу с вином, и заявил: «Во искупление своего отказа конюший умрет через два дня». Владыка не поверил. Его конюший был молод и находился в добром здравии. Ничто не предвещало его смерти. – Будет так, как я сказал, подтвердил лама. И действительно, через два дня молодой человек скончался. Скоро и родственники девушки перепугались и поспешили предложить ее руку разгневанному ламе, но тот отказался.

– Она могла мне понадобиться для цели, важной для очень многих, теперь эта причина отпала, а женщина мне не нужна!

Рассказанная история напоминает легенду о Дугпа Кунлегсе, приведенную мной в первой главе. Эта тема пользуется большой популярностью в Тибете.

Вот другой эпизод: как-то вечером лама Чогс Тсанг неожиданно позвал своего слугу. – Седлай лошадей, – приказал он, – мы уезжаем.

Слуга возразил: «Наступает ночь, и лучше было бы отложить поездку до утра». Но хозяин не дал ему договорить.

– Не рассуждай и делай, что приказано, – сказал он.

Господин и слуга поскакали в кромешной тьме и вскоре оказались недалеко от реки. Соскочив с лошадей, они направились к берегу. Ночь была темная, но одно место сияло на черной воде, словно освещенное лучами солнца, и в этом светлом пятне плыл, поднимаясь против течения, труп. Через несколько мгновений он подплыл совсем близко к Чогс Тсангу и его спутнику.

– Достань нож, отрежь от мертвеца кусок мяса и ешь, лаконично приказал лама. И добавил: в Индии у меня есть друг. Он каждый год в эту пору присылает мне угощение.

С этими словами лама начал есть мясо утопленника. Перепуганный слуга тоже отрезал кусочек от трупа, но, не в силах поднести его ко рту, спрятал в свой амбаг (карман, образуемый на груди складками широкой тибетской одежды, стянутой поясом). Затем путники отправились в обратный путь. На рассвете они вернулись в монастырь. Тогда лама сказал слуге:

– Я хотел разделить с тобой высокую милость и благие плоды мистической трапезы, но ты их недостоин. Вот почему ты не посмел съесть отрезанный тобой кусок, а

спрятал его в своей одежде.

Тут слуга, досадуя на свою трусость, сунул руку за пазуху с намерением достать и съесть свою порцию, но ничего там не нашел.

Мясо утопленника исчезло. Это совершенно неправдоподобное происшествие я хочу проиллюстрировать кое-какими откровениями. Меня посвятили в них, правда, несколько неохотно и сдержанно, некоторые анахореты секты «Дзогтшен». По их словам, есть на свете люди, достигающие очень высокой степени духовного совершенства. Они превращают субстанцию своего тела в другую, по своей природе более утонченную и обладающую свойствами, совершенно чуждыми нашей грубой плоти. При этом большинство из нас не ощущают этих изменений. Тот, кто проглотит кусочек такой преобразенной плоти, познает экстаз, приобщится к высшему знанию и приобретет сверхчеловеческие способности. Один из анахоретов добавил, что иногда люди опознают святого и тогда просят, чтобы он сообщил им о дне своей кончины и дал им таким образом возможность вкусить его драгоценного тела. Кто знает, всегда ли жаждущие этого натуралистического причастия достаточно терпеливы, чтобы дожидаться естественной смерти источника благодати, не толкнет ли их пылкое стремление к духовному совершенствованию на попытку приблизить торжественный момент? Один из моих собеседников говорил об этом почти как о чем-то само собой разумеющемся, с той, впрочем, оговоркой, что происходит это с согласия жертвы.

Танцующий мертвец

Другой мрачный обряд, описываемый колдунами «нгагпа», известен под названием «ро-ланг» – «труп, который встает». Из древних манускриптов явствует, что до распространения буддизма в Тибете жрецы «Бонпо» часто придерживались этого ритуала во время заупокойных церемоний. Во всяком случае, резкое движение, которое делает мертвец во время этого обряда, нельзя сравнить с отвратительными явлениями, описанными тибетскими оккультистами. Нужно сказать, что они совершенно чужды не только буддизму, но и официальному ламаизму.

Существует много разновидностей «ро-ланг»; их ни в коем случае нельзя смешивать с ритуальной церемонией «возрождения»; посредством последней дух какого-нибудь существа принудительно переходит в мертвеца и его «оживляет». Между тем, это уже не сам мертвец, который ожил, но дух другого в оболочке тела усопшего.

Один «нгагпа», по его уверениям сам совершавший обряд, запирается один на один с трупом в тесной комнате. Он должен оживить мертвеца, распростершись на нем, прижав рот ко рту и непрерывно повторяя одну и ту же формулу, ни на миг не отвлекаясь никакой посторонней мыслью. Через несколько мгновений труп начинает шевелиться. Он приподнимается и старается избавиться от колдуна. Тогда последний должен крепко обнять мертвеца и замереть, тесно прижавшись к нему. Труп шевелится все сильнее и сильнее. Он прыгает, делая немыслимые скачки, и обнимающий его человек скачет вместе с ним, не отрывая рта от его губ. В конце концов кончик языка трупа слегка высовывается. Это критический момент. Колдун должен вцепиться в этот язык зубами и вырвать его. Труп тотчас же снова окостеневает, а язык его тщательно высушивается и хранится колдуном в качестве его могущественного магического талисмана. «Нгагпа» удивительно ярко изобразил постепенное оживление трупа, первый вспыхнувший в остекленевших глазах взгляд, трепет тела, переходящий в такие резкие движения, что колдун уже не в состоянии справиться и должен собрать все силы, чтобы от него не оторваться. Он живописал прикосновение языка трупа к его губам, когда стало ясно роковой момент настал, и нужно победить во что бы то ни стало, если он не хочет стать жертвой мертвеца.

Не была ли эта фантастическая борьба только воображением, галлюцинацией? К ним тибетские мистики весьма предрасположены и намеренно создают для них

благоприятные условия. Я была преисполнена сомнений и пожелала видеть «язык». Чародей продемонстрировал нечто черноватое и заскорузлое, может быть, когда-то бывшее языком, но точно определить это было невозможно. Что бы это ни было, но множество тибетцев совершенно убеждено в реальности ритуальной процедуры «ро-ланг».

Я неожиданно выступаю в роли колдуна и навожу ужас на вора-вольнодумца.

Тибетские колдуны, к счастью, пользуются и менее отвратительными методами ворожбы. Мне самой не раз приходилось прибегать к ним либо из любезности к гостеприимным хозяевам, либо в личных целях. Приведу один из таких случаев. Я до сих пор вспоминаю о нем с улыбкой.

Происшествие это относится ко времени, когда нас задержали под Шобандо, не позволив продолжить путь на Салуэн, и мне пришлось повернуть вспять, пойти в направлении китайского Туркестана и снова пересечь всю обширную территорию по пустыни трав с юга на север. Мой маленький караван состоял из Ионгдена, трех слуг – Тсеринга, Иеше Уанду, Сенама – и китайского мусульманина-солдата, возвращающегося на родину с женой-тибеткой и маленьким сыном.

Однажды Ионгден, женщина и я занялись сбором трав и сильно отстали. Солнце уже садилось. Нужно было скорее догнать своих и выбрать место для ночлега. Мы сели на лошадей и поехали шагом, наслаждаясь безмятежным покоем предвечернего часа. Мы въехали в узкое ущелье, и вдруг я заметила слева в ложбине троих неизвестных с ружьями через плечо. Незнакомцы безмолвно скрылись за ближайшим холмом. Было совершенно ясно, с кем мы встретились. В этой местности тибетцы никогда не пропускают ни одного путника без вежливого приветствия «Огие, огие, огие» («вы потрудились») и не задав ему вопросов, откуда он идет и куда направляется. Эти молчаливые субъекты, притаившиеся недалеко от проезжей тропы, выжидали удобного момента, чтобы напасть на нас. Делая вид, будто они меня нисколько не интересуют и удостоверившись, что спрятанный под моим широким одеянием револьвер у меня под рукой, я придержала лошадь и, когда жена солдата поравнялась со мной, прошептала:

– Вы их видели?

– Да, это разбойники, – ответила женщина тихо, но совершенно спокойно. Истинную дочь Тибета подобная встреча не могла вывести из равновесия. Притворившись заинтересованной каким-то растением на скале, я подозвала Ионгдена им полюбоваться и спросила:

– Вы видели людей слева от вас?

– Нет.

– Трое вооруженных людей, вероятно, воры. Женщина тоже их видела. Держите револьвер наготове. Мы доедем шагом до поворота тропы, и как только скроемся из вида, пустим лошадей во весь опор. Нужно поскорее нагнать наших. Может быть, разбойников не трое, а целая шайка.

На этот раз я говорила по-английски и не боялась, что меня услышат – тибетцы не могли меня понять. У нас были хорошие лошади, мы скакали быстро. Но... Что случилось? Вдали перед нами раздался выстрел. Мы подняли коней. В высокой траве на берегу речки показался лагерь. Все выглядело очень мирно. Не сходя с лошади, я прежде всего спросила:

– Вы не встретили по дороге троих мужчин?

Никто никого не видел.

– Что это был за выстрел? Мои люди смутились.

– Это я стрелял, убил зайца, – признался солдат, у нас вышло все мясо, а моя жена совсем ослабла.

Я строго запрещала слугам охотиться, но к солдату это никакого отношения не имело. Прервав его объяснения, я перешла к главному:

– Мы видели троих человек. Они, конечно, воры. Сегодня ночью нужно будет принять особые меры предосторожности. У этих бандитов могут быть сообщники в окрестностях...

– О, вот двое из них, – воскликнул Тсеринг, указывая на два силуэта на гребне горы, у подошвы которой приютился наш лагерь.

Я взяла бинокль. Именно этих людей мы видели в лощине. Где же третий? Уж не пошел ли он за остальными негодяями, пока его приятели рассматривают нас со своего наблюдательного пункта?

– Не обращайтесь на них внимания, – распорядилась я. – Мы обсудим план действий за чаем. Только сложите наше оружие на видном месте, но так, будто вы делаете это ненамеренно. Надо дать им понять, что у нас есть чем защищаться.

Чай готов. Один из слуг зачерпывает из котла ковшиком и кропит чаем в направлении шести сторон света,³⁵ восклицая: «Пейте, о боги!». Затем он наполняет наши деревянные чаши, и, расположившись вокруг костра, мы обсуждаем, что нам предпринять. Снять лагерь и перейти в другое место – бесполезно. В этих бескрайних пустынных просторах нельзя укрыться. Если за нашим караваном гонится шайка разбойников, они все равно разыщут нас завтра, послезавтра, через неделю. Следуя за медлительными вьючными яками, мы сможем добраться до ближайших китайских деревень не раньше, чем через месяц. Слуги предложили обследовать окрестности, нет ли поблизости других злоумышленников. Этот план мне не понравился. Разбойники могли воспользоваться отсутствием людей и ограбить лагерь. Солдата осенила более удачная мысль.

– Останемся здесь все вместе до наступления ночи, предложил он. Потом, когда в темноте не будет видно, что мы делаем, двое из слуг и я займем наблюдательные пункты в разных местах в кустарнике недалеко от лагеря. Третий слуга пусть остается около палаток. Всю ночь время от времени он должен стучать во что-нибудь, как это делают часовые в Китае. Бандиты подумают, что мы все спим под его охраной. Когда они пройдут мимо одного из дозорных, он выстрелит им в спину прежде, чем они доберутся до палаток, а двое других прибегут и нападут на них с другой стороны. Вы, трое, атакуете их с фронта. Застигнутые врасплох, обстреливаемые со всех сторон, бандиты, может быть, и разбегутся, если их не очень много.

Этот план показался мне самым приемлемым для людей в нашем положении. Мы привязали животных как можно надежнее. Небольшие группы тибетских мародеров, не решаясь напасть на караван открыто, имеют обыкновение ночью пугать животных ружейными залпами. Когда перепуганный скот срывается с привязи, они гонятся за ним. Почти всегда им удается поймать несколько голов, и они угоняют их, чтобы продать подальше от места разбоя.

Ионгден настаивал на сооружении баррикады из мешков и ящиков с дорожными припасами. Она должна была служить нам прикрытием при стрельбе в противника. Однако, хотя мой приемный сын и мог по праву считаться у себя на родине выдающимся ученым, военное дело, даже в самой скромной степени, не входило в круг его познаний. Не баррикада защищала бы нас, но скорее мы сами подпирали и поддерживали бы ее своими телами. Не много было в моей жизни таких восхитительных ночей, как эта, когда каждое мгновение мы ждали вторжения разбойников в наш маленький лагерь. Очарование нашему бдению придавало пение Тсеринга, который, усевшись у входа в свою палатку с чашей чая под рукой, пел, отбивая ритм палкой о бронзовый котел.³⁶ Он передавал сказания страны Кхам, несомненно, более чем тысячелетней давности, воспевая леса, снежные вершины, подвиги национальных героев. Эти сказочные рыцари были разбойниками, так же как и бандиты, чье близкое соседство заставляло нас бодрствовать; так же как и сам певец, насколько мне известно, принимавший участие не в одном жарком деле, и как все обитатели этой страны отважных дикарей, где еще слывет за доблесть война с караванами. Тсеринг пел хорошо. В

---

³⁵ Тибетцы включают в число стран света «зенит» и «надир». – *Прим. авт.*

³⁶ Такие котлы изготавливаются на востоке Тибета и продаются по всей стране. – *Прим. авт.*

его голосе, мужественном и в то же время нежном, сочетались героические созвучия с мистическими интонациями. Его песня возрождала образы богинь и святых лам. Порой строфа заканчивалась страстными устремлениями к духовному пробуждению: «Дук мед, джиге мед. Сангиайс тхоб пар шог» – «О, если бы я мог достигнуть блаженства Будды, не знающего ни страдания, ни страха». Даже будничные котел сверкал в тон его стихам. Его металл вибрировал бархатными переливами колокола. Певец был неутомим. До самого рассвета продолжался этот удивительный сольный концерт. Вернулись продрогшие дозорные: бросились разжигать огонь и готовить свежий чай. Тсеринг умолк. Сладкозвучный котел вернулся к своим повседневным обязанностям и, наполненный до краев водой, стоял в пламени костра. Ионгден сладко спал на своей баррикаде.

Воры на нас не напали, но остались поблизости. Когда мы кончали завтрак, они появились перед нами, все трое. Каждый вел лошадь под уздцы. Мужчины вскочили и подбежали к ним.

– Кто вы такие? Мы вас вчера видели. Что вы здесь делаете?

– Мы охотники, – сказал один из них.

– Охотники! Вот хорошо! У нас как раз нет мяса. Мы купим у вас что-нибудь из вашей добычи.

Эта просьба поставила мнимых охотников в тупик.

– Мы еще ничего не поймали, – заявили они хором. Мои слуги умели с ними разговаривать:

– Знаете ли вы, кто эта почтенная госпожа-лама, которая путешествует с такой красивой палаткой и носит «тега»³⁷ из золотой парчи?

– Должно быть, она Жетсун Кушог из Хакиендо... Мы слышали о ней.

– Да, это она и есть. Вы, конечно, понимаете, она не боится разбойников. Тот, кто у нее что-нибудь похитит, сейчас же будет обнаружен. Ей стоит только посмотреть в чашку с водой, и тут же она увидит в ней изображение вора, укравшего вещь, и место, где эта вещь находится.

– Значит, все это правда. Все «докпа» говорят, будто «пхилинги» умеют так делать.

Тсеринг знал об этой басне и ловко ею воспользовался, желая отбить у воров охоту объединиться с товарищами и потом напасть на нас с превосходящими силами.

Дней через десять мы выбрали место для ночлега прямо перед стойбищами кочевников. Я легла еще до наступления ночи и из палатки слышала, как к нам пришли многочисленные посетители. Они принесли в подарок молока и масла и хотели меня лицезреть. Ионгден объявил, что госпожа-лама занята вознесением молений. Сейчас ее нельзя тревожить, но она примет их завтра утром. Послышалось шушуканье, и затем один из слуг пригласил пастухов на чаепитие. Все отошли от моей палатки, и мне уже больше ничего не было слышно. На следующее утро очень рано Ионгден попросил разрешения войти ко мне.

– Прежде чем пастухи вернуться, я хочу рассказать вам, чего они хотели от вас вчера вечером. Они уверяют, что у них увели лошадей и хотят, чтобы вы посмотрели в чашу с водой и описали наружность конокрадов и место, куда воры угнали животных.

– Что вы им сказали?

– Вот что: я подумал, не собираются ли они расставить вам ловушку. Не исключено, что «доспа» не очень-то верят в чудесные способности чужеземцев и, может быть, у них никто ничего и не украл. Наоборот, они хотят удостовериться, нельзя ли ограбить нас безнаказанно. Тогда, если вы скажете, будто видите лошадей и воров, они решат, что вывели вас на чистую воду, а на самом деле вы ничего видеть не можете и им вас бояться нечего. Я подтвердил, что вы действительно можете узнать все, что им нужно, но для этой церемонии недостаточно зачерпнуть свежей воды из реки. Необходимо подготовить

---

³⁷ Корсаж без рукавов, часть монашеского одеяния лам. – Прим. авт.

ее, совершая над ней заклинания в течение трех дней, а мы вряд ли задержимся здесь еще на три дня. Они сейчас же согласились с необходимостью подготовительных процедур. Потом, зная, как им отвратительна смертная казнь, я добавил, что как только вы найдете преступников, вам придется доставить их к китайскому судье для приведения смертного приговора. Ничто не сможет этому помешать. То-Уо («Разгневанный», наименование одной из разновидностей зловещих божеств), властью которого совершается гадание, потребует воров к себе в жертву. Если их не казнят, То-Уо выместит свой гнев на пострадавших пастухах, просивших его о помощи. Пастухи, по-видимому, пришли в ужас и сказали, что лучше они поищут лошадей своими силами и потом заставят конокрадов заплатить штраф. Все-таки они хотели вернуться, и я решил вас предупредить.

«Докпа» явились с новыми дарами. Я раздала больным кое-какие безобидные лекарства, и дело о лошадях снова было выдвинуто на обсуждение. Но, когда я подтвердила все сказанное моим приемным сыном, пастухи окончательно утвердились в намерении искать воров без услуг моего пророческого дара.

Тсеринг уже совершал путешествия до самого Татшиенлу и служил у европейцев. Благодаря общению с ними он стал до некоторой степени вольнодумцем и любил щеголять скептицизмом перед своими наивными товарищами. Теперь в течение многих дней пищей для его остроумия стала доверчивость бедных пастухов и легкость, с какой эти простофили позволили нам себя провести.

Прошло некоторое время и вот я снова с великой радостью увидела берега большого Синего озера – святейшего озера Куку-Нор, места поклонения миллионов монголов и тибетцев (вокруг Куку-Нор я совершила обход несколько лет тому назад).

Однажды, возвращаясь после купания в озере, я заметила, что Тсеринг стремительно вышел из палатки Ионгдена, что-то пряча в карман своего платья. Он меня не видел и направился к кухне. В тот же вечер молодой лама рассказал мне, что днем его зачем-то вызвали из палатки, как раз когда он считал деньги. Вернувшись, он не досчитался в кошельке, оставленном в палатке, трех рупий.

– Очень хорошо, вора найти не трудно, – подумала я, но посоветовала молодому человеку быть внимательнее, а сама никому ничего об этом происшествии не сказала.

Три дня спустя, разложив у себя на столе стебли трав и рассыпав рис, я зажгла ароматические палочки и поставила чашу с водой. Я подождала, пока слуги не легли спать, прекрасно зная, что в этот момент каждый из них уже положил свой кошелек под подушку.

Позвенеv тамбурином и колокольчиком, служившими ламам во время совершения религиозных церемоний, я позвала Тсеринга. Когда Тсеринг явился, я подула на воду, слегка помешала ее веточкой и сказала голосом оракула:

– Тсеринг, из кошелька ламы Ионгдена исчезли три рупии. Я увидела их у тебя под головой, когда ты лег спать. Принеси их.

Скептицизм вольнодумца получил сокрушительный удар. Не в силах произнести ни одного слова, побледнев как мертвец, он трижды распростерся у моих ног, потом пошел к себе в палатку и принес украденные деньги.

– Благородная, преподобная госпожа, спросил он, дрожа всем телом, То-Уо потребует теперь моей смерти?

– Нет, – ответила я великодушно. – Я заступлюсь за тебя. Он снова припал к моим ногам и вышел.

Оставшись одна в своей маленькой палатке, открытой в ночное безмолвие пустыни, я снова взяла тамбури и колокольчик ламаистских жрецов, и, под аккомпанемент их древних напевов, погрузилась в размышление о власти вековых верований над рассудком человека и о глубоком смысле только что разыгранной мной комедии.

Глава 5

Все перипетии, связанные с согласием учителя мистики принять ученика, первые годы послушничества, уготованные ученику испытания и обстоятельства, сопровождающие его духовное прозрение, представляют прекрасный материал для увлекательного романа. По всему Тибету ходит множество историй об удивительных приключениях наших дней или же дней давно минувших. Они записаны в биографиях знаменитых лам, закреплены преданием, рассказываются очевидцами. При переводе на чужой язык, при чтении в странах, где мысли, нравы, внешность – все совсем другое, чуждое Тибету, – очарование этих причудливых ламаистских «золотых легенд» рассеивается. Но когда хватающие за сердце интонации рассказчика звучат в полумраке монашеской кельи или под каменными сводами пещеры отшельника, в них снова трепещет душа Тибета во всей своей самобытности – примитивная и могучая, томящаяся по неведомому совершенству.

Прежде всего я расскажу легендарную и символическую историю приобщения Тилопы-Бенгальца к доктрине «Прямого пути». После его смерти это учение было занесено из Индии в Тибет и передавалось от учителя к ученику в секте Кхагиуд-па. Тилопа считается духовным предком этой секты. (Отмечу мимоходом: лама Ионгден мой коллега и приемный сын – начал в возрасте восьми лет испытательный срок своего ученичества в одном из монастырей секты Кхагиуд-па).

... Тилопа сидит, погруженный в изучение какого-то философского трактата. За его спиной появляется старая нищенка, читает у него через плечо (или делает вид, что читает) несколько строк и резко спрашивает: «Ты понимаешь, что читаешь?». Тилопа приходит в негодование: как смеет ничтожная попрошайка задавать ему такой наглый вопрос! Он не успевает выразить обуревающие его чувства: женщина плюет прямо в раскрытую книгу. Монах вскакивает. Что себе позволяет эта чертовка? Она осмеливается плевать на Священное писание! В ответ на его яростные упреки старуха плюет еще раз, произносит какое-то непонятное слово и исчезает.

Как ни странно, но услышав это слово, показавшееся ему нечленораздельным звуком, Тилопа сразу забывает о своем гневе, его охватывает тягостное чувство, в душе пробуждается сомнение в своей учености. В конце концов, может быть, он действительно не понимает ни доктрины, изложенной в оплеванном трактате... ни вообще ничего не понимает, и он просто-напросто тупоумный невежда? Что сказала эта странная женщина? Что за непонятное слово она произнесла? Он хочет его знать. Он обязательно должен его знать.

Тилопа отправляется на розыски неведомой старухи. После долгих утомительных скитаний он встречает ее как-то ночью в пустынном месте в лесу (некоторые утверждают – на кладбище). «Ее красные глаза горели во мраке, как раскаленные угли».

Следует понимать, что злая старуха была Дакини. Эти волшебницы играют в тибетском ламаизме очень важную роль; они приобщают к тайному учению своих почитателей или колдунов, принудивших их к этому своими чарами. Их часто именуют словом «мать». Обычно Дакини является в образе пожилой женщины и ее узнают по зеленым или красным глазам.

В разговоре в лесу старуха дала Тилопу совет отправиться в страну Дакини и повидаться с королевой. Она предупредила монаха, что на пути туда его подстерегают множество опасностей: пропасти, бурные потоки, свирепые звери, коварные миражи, страшные привидения, голодные демоны. Если только он поддастся страху и свернет с узкой как нитка тропы, петляющей по этой ужасной стране, его сожрут чудовища. Если, мучимый голодом и жаждой, он напьется из прохладного источника или отведаст плодов с ветвей окаймляющих дорогу деревьев, или же не устоит перед чарами юных красавиц, манящих его порезвиться в цветущих рощах, он потеряет рассудок и память и заблудится. В качестве пропуска старуха снабдила его магической формулой. Он должен был повторять ее беспрерывно, сосредоточив на ней все свое внимание и помыслы, глухой и слепой ко всему окружающему, и не произносить ни слова.

Некоторые люди совершенно уверены в реальности фантастического путешествия Тилопы. Другие, лучше знакомые с капризами восприятия и ощущения, сопровождающими

определенные экстатические состояния, полагают, что речь здесь идет о психических явлениях. Наконец, третьи считают описание приключений Тилопы простой аллегорией. Во всяком случае, как повествует легенда, в соответствии с предсказаниями старухи Тилопу атаковали на пути устрашающие или соблазнительные видения. Он взбирался на головокружительную высоту, преодолевал бурлящие стремнины, замерзал среди снегов, в знойных песчаных пустынях его палило солнце, но ни на мгновение не отвлекался он мыслью от спасительной магической формулы. Наконец он добрал до подступов к замку Дакини. Его бронзовые, раскаленные добела, стены дышали жаром и разливали ослепительный свет. Исполинские чудовища-самки широко раскрывали готовые его проглотить огромные пасти. Ему преграждали дорогу деревья с острыми ножами и саблями на ветвях. Несмотря на все препятствия, Тилопа все-таки вошел в зачарованный дворец. Многочисленные роскошные покои переплетались в сложный лабиринт. Тилопа прошел через него и оказался у двери в апартаменты королевы.

Там на троне восседала королева божественной красоты, вся увешанная чудесными драгоценностями. Когда доблестный путник перешагнул порог ее покоя, королева милостиво ему улыбнулась. Но, равнодушный к ее прелестям, Тилопа, все время повторяя магическое заклинание, взшел по ступеням трона, сорвал сверкающие украшения королевы, растоптал гирлянды цветов, разодрал золотую парчу одежд и изнасиловал ее, обнаженную, на разгромленном троне.

Покорение Дакини, насилием ли, средствами ли магии постоянная тема в мистической литературе ламаистов. Это аллегория, означающая овладение истиной и определенной психический метод духовного развития.

Тилопа передал свое учение Нароте,³⁸ а ученик последнего, Марпа, распространил его по всему Тибету. Выдающийся последователь святого Марпы, знаменитый пустынный-поэт Милареспа, в свою очередь, посвятил в тайны этого учения своего ученика Тагпо Лхаджи. Линия преемственности не прерывалась и продолжается в наши дни.

В биографии философа Нароты, духовного наследника Тилопы, мы находим занимательное (и гораздо больше соответствующее действительности, чем можно было бы подумать) описание искусов, придуманных наставником «Прямого пути» для тренировки своего подопечного. История двенадцати больших и двенадцати малых испытаний ученого Нароты слывет среди тибетских мистиков классической, и наставники-ламы любят пересказывать ее в назидание молодым «налджорпа».

Привожу эту историю в общих чертах, чтобы дать о ней представление читателю.

Нарота родился во втором столетии в Кашмире. Он был сыном брамина, слыл очень ученым вообще и знатоком магии в частности. Нарота исполнял обязанности жреца дворцового храма у одного раджи. Однажды раджа оскорбил его, и Нарота решил отомстить за обиду оккультными средствами. Он заперся в нежилом уединенном строении и, желая вызвать смерть раджи, построил магический круг. Как только он приступил к надлежащим заклинаниям, перед ним явилась Дакини и спросила, сумеет ли он направить «дух» умершего в благоприятную сферу или же вернуть этот дух в покинутую им оболочку и оживить мертвое тело. Магу пришлось признать, что для этого его знаний недостаточно. Тогда Дакини стала грозно ему выговаривать: никто не смеет разрушать того, чего он не в силах восстановить и объявила, что следствием его злобного неразумного поступка будет возрождение в одном из чистилищ. Перепуганный Нарота осведомился, нет ли возможности избежать такой жестокой участи. Он получил совет отправиться к Тилопе и упротить мудреца приобщить его к доктрине «прямого пути», уничтожающей последствия всех поступков, каковы бы они ни были, и обеспечивающей достижение нирваны за одну земную жизнь. Если ему удастся постигнуть смысл тайного учения, и усвоить его плоды, он избежит следующего перевоплощения, и, следовательно, мучений в чистилище. Нарота. отбросил

---

³⁸ Нарота – настоящее имя; тибетцы переделали его в Наропу. – *Прим. авт.*

свой «кйилкхор» (магический круг) и поспешил в Бенгалию, где жил Тилопа.

Когда Нарота отправился на розыски Тилопы, последний уже пользовался большой популярностью. После своего посвящения (удивительные перипетии которого я только что рассказала) он сделался одним из отшельников «авадхута». Это о них сказано: «Они ничего не любят, ничего не ненавидят, ничего не стыдятся. Им чуждо тщеславие. Они отрешились от всего мирского, разорвав узы семьи, общества, религии». Нарота представлял полную противоположность этому идеалу. Он был правоверным индусом, преисполненным сознания собственной исключительности как ученый и как брамин. Встреча таких разных по характеру людей должна была разрешиться ситуацией, на наш взгляд забавной, но для Нарота она вылилась в мучительную драму.

В первый раз он увидел своего будущего наставника во дворе буддистского монастыря. Тилопа, почти совершенно голый, сидел на земле и ел жареную рыбу, складывая возле себя в сумку обглоданные рыбы кости. Нарота с брезгливостью чистой касты собрался было обойти его подальше, как вдруг из кухни вышел монах и набросился на старика с упреками за отсутствие жалости к живым созданиям. К тому же старик демонстрировал свое жестокосердие в ограде буддийского монастыря, поедая блюдо, стоившее жизни бедным рыбам. Монах приказал ему убираться, Тилопа не удостоил его ответом. Он махнул рукой, произнес какую-то мантру, и рыбы кости покрылись мясом и снова превратились в рыб. Рыбы поднялись в воздух и затем исчезли. От безжалостной трапезы не осталось и следа, и Тилопа удалился.

Нарота остолбенел от удивления, но вдруг его осенила яркая, как молния, мысль: этот удивительный чудотворец, должно быть, и есть тот, кого он ищет. Он кинулся всех расспрашивать, и когда его предположение подтвердилось, попытался догнать мага. Но Тилопу не так-то просто было найти. Тут настала для Нароты пора бесконечных дальних странствий. Этот период его жизни биографы, несомненно, постарались растянуть во времени и приукрасить, но в основном предания, вероятно, соответствуют истине. Из одного селения к другому, из города в город гоняется незадачливый кандидат в ученики за неуловимым учителем. Он спешит всюду, где, по слухам, можно застать Тилопу. Но неизменно, как только он туда приходит, оказывается, Тилопа был здесь, но уже ушел. В пути у Нароты бывают встречи и приключения. Он считает их случайными, но на самом деле они – создания воли мага, все умножающего число окружающих Нароту иллюзорных явлений.

Однажды усталый Нарота постучался в дверь стоящего на краю дороги дома, собираясь попросить пищи. Дверь открыл человек, который предложил ему вина. Нарота отказался.³⁹ Мираж мгновенно рассеялся, дом исчез. Он снова очутился на дороге один и услышал злорадный голос незримого Тилопы: «Это был я».

Дальше ему попался на пути селянин и попросил Нароту помочь содрать шкуру с дохлого осла. Такая работа выполняется только «неприкасаемыми» (париями); контакт с ними, даже только близость с ними, оскверняет индуса чистой касты. Брамин Нарота, полный гнева и отвращения, спасся бегством, а голос невидимого Тилопы издевался над ним: «Это был я».

В другой раз он увидел человека, волочащего за волосы рыдающую женщину. Женщина взывала о помощи. Свирепый человек сказал Нароте: – Это моя жена, помоги мне ее убить, а если не хочешь, то по крайней мере, ступай себе мимо. – Но Нарота пришел в негодование, бросился на негодея, избил его до полусмерти, освободил его жертву и... снова все исчезло, и тот же голос презрительно хохотал: «Это был я».

Все дальнейшие приключения развиваются аналогичным образом. Искусный волшебник Нарота никогда и представить себе не мог подобной фантазмагории. Он чувствует, что сходит с ума. Но его желание разыскать Тилопу и стать его учеником только

---

³⁹ Пить настоянные на закваске напитки для брамина – осквернение. – *Прим. авт.*

возрастает. Он бредет по стране наугад, громко взывая к чародею и, зная теперь, что тот может явиться под какой угодно личиной, простирается у ног каждого встречного.

Как-то вечером Нарота пришел на кладбище. В одном его углу алел развалившийся костер. Из него еще вырывались время от времени языки мрачного пламени, освещая среди головешек покоробленные, почерневшие человеческие останки. Нарота смутно различил у костра лежащую на земле фигуру. Он подошел с намерением получше рассмотреть ее... и услышал знакомый ехидный смешок. Он понял и пал ниц, хватая ноги учителя и ставя их себе на голову. На этот раз Тилопа не исчез.

В течение многих лет бывший жрец раджи повсюду следовал за учителем, не проявлявшим ни малейшего намерения обучать его чему бы то ни было. Наоборот, Тилопа, всеми способами испытывая его покорность, его доверие, подвергал его множеству различных искусов. Приведу только некоторые из них.

По обычаю аскетов Индии Нарота отправился как-то за подаванием и, вернувшись с чашей, полной риса и пряностей, предложил ее учителю по правилам ученик может поесть только после того, как насытится учитель. Тилопа уничтожил все до единой крошки и заявил, что он с удовольствием съел бы еще. Нарота не стал ждать более категоричного приказания, взял пустую чашу и снова отправился в гостеприимный дом, где его так хорошо угостили. Дома никого не оказалось, и дверь была на запоре. Ревностного ученика это обстоятельство нисколько не смутило, он высадил дверь, нашел на кухне стоявший на огне рис и овощи и принялся наполнять чашу кушаньем, показавшимся Тилопе таким вкусным. Хозяева застали его на кухне за этим занятием и хорошо проучили. Жестоко избитый Нарота притащился к учителю, но тот не выразил ни малейшего сочувствия.

– В какую, однако, скверную историю ты из-за меня попал, сказал он, усмехаясь, – не раскаиваешься ли ты, что стал моим учеником?

Нарота со всей энергией, какую только мог собрать в своем плачевном состоянии, принялся уверять, что он не только не жалеет, что последовал за таким гуру, но считает, что нельзя заплатить слишком дорого за честь быть его учеником, даже если пришлось бы купить эту честь ценой своей жизни.

В другой раз, проходя вдоль канавы для стока нечистот, Тилопа сказал сопровождавшим его ученикам: «Кто из вас напьется отсюда воды, если я прикажу?»

Нужно понимать, что речь шла не только о преодолении естественного чувства отвращения, но и о совершении акта ритуального осквернения, имеющего для индуса чистой касты очень серьезные последствия: он ведет за собой исключение из касты и превращает в парию. Но, пока остальные колебались, брамин Нарота бросился вперед и напился зловонной жидкости.

Следующее испытание было еще более варварским. Учитель и ученик жили тогда в хижине на лесной опушке. Однажды, вернувшись из селения, Нарота застал святого за странным занятием: за время его отсутствия Тилопа выточил из бамбука много длинных иголок и теперь закалял их на огне. Он с удивлением осведомился, что учитель собирается делать с ними.

Маг улыбнулся странной улыбкой. – Можешь ты стерпеть боль, если я ее тебе причиню? – спросил он.

Нарота ответил как всегда – он принадлежит учителю всецело, учитель властен делать с ним все, что ему заблагорассудится.

– Хорошо, – сказал Тилопа, – протяни руку. Нарота повиновался, и учитель вонзил ему под каждый ноготь по иголке. Справившись со всеми пальцами на руках, он проделал то же со всеми пальцами на ногах. Затем, заперев мученика в хижине, приказал оставаться там, пока он не вернется и, как ни в чем не бывало, спокойно ушел. Свирепый гуру вернулся только через несколько дней. Ученик сидел скорчившись на полу хижины, и иголки по-прежнему торчали у него из-под ногтей.

– О чем ты думал, пока сидел здесь один? – спросил Тилопа. – Не считаешь ли ты меня бесчеловечным? И не лучше ли для тебя уйти от такого учителя?

– Я думал, – ответил Нарота, – какое страшное существование ждет меня в чистилище, если меня не озарит по вашему милосердию свет истинного учения «Прямого пути», и я не смогу избежать нового воплощения.⁴⁰

Я приведу еще одно испытание, на этот раз забавное, по крайней мере для всех, кроме героя приключения. Тилопа прогуливался с несколькими своими учениками. Ему навстречу попала свадебная процессия, сопровождавшая новобрачную в дом мужа. Маг спросил окружающих его последователей: – Кто из вас пойдет и приведет ко мне эту женщину? Я желаю ее. – И на этот раз, не успел Тилопа закончить фразу, как Нарота уже бежал к свадебному шествию. Признав брамина, участники праздника позволили ему приблизиться, думая, что он хочет благословить невесту, а благословение брамина приносит счастье... Но когда брамин схватил девушку, и потащил ее прочь, все набросились на него и избили до бесчувствия всем, что попало под руку – палками от паланкина, канделябрами, сундучками со свадебными подарками, и слишком ревностный ученик остался лежать бездыханным на дороге. Когда он очнулся от бесчувствия, ему стоило больших усилий догнать учителя. Тилопа встретил его обычным вопросом: – Не жалеешь ли ты?... И как всегда Нарота уверял, что даже тысяча смертей – слишком малая плата за честь быть его учеником.

В дальнейшем он бросался вниз с высокой колокольни, ходил по раскаленным угольям и совершил еще много разнообразнейших и удивительнейших упражнений, не раз подвергая свою жизнь смертельной опасности. В конце концов Нарота был вознагражден за долгие страдания. Но награда пришла совсем не в форме посвящения или систематических занятий учителя с ним. Если верить преданию, Тилопа применил в этом случае оригинальный метод, несколько напоминающий некоторые приемы китайских учителей секты Тс'ан. Нарота не получил в прямом смысле никаких наставлений, но, тем не менее, за время своего беспокойного ученичества, без сомнения, непроизвольно усвоил многие из исповедуемых учителем истин. Во всяком случае, об обстоятельствах, сопровождавших его духовное озарение, известно следующее.

Нарота сидел со своим гуру под открытым небом у костра. Вдруг учитель, не говоря ни слова, разулся и башмаком ударил его изо всей силы по лицу. У бедняги из глаз посыпались искры, и в то же мгновение глубокий смысл тайного учения «Прямого пути» озарил его сознание.

У Нароты было много учеников. Он обращался с ними хорошо и, не желая причинять им страдания, избавил их от жестоких искусов, так как испытал их бесчеловечность на самом себе.

Некоторое время он пользовался славой блестящего философа, затем многие годы (по преданию двенадцать лет подряд) посвятил непрерывному созерцанию и достиг «совершенного успеха», т. е. состояния Будды. Уже в очень преклонном возрасте Нарота удалился в пустыню в Гималаях.

Нарота известен в Тибете главным образом как гуру Марпы. Последний, в свою очередь, был духовным наставником Милареспы. Имя, житие и священные песнопения Милареспы до сих пор очень популярны среди тибетцев.

Если Нарота был добр к своим ученикам, то Марпа примеру своего учителя не последовал. В течение многих лет он мучил несчастного Милареспу, приказывая ему строить самому, без посторонней помощи, дом, и затем заставлял разрушать его и снова строить – бесконечное число раз. Милареспа должен был откапывать камни для постройки и переносить их на плечах. От тяжелых камней у него образовались страшные гнойные язвы на спине. Духовный отец труженика не подавал виду, что замечает его мучения. Когда его жена, любившая Милареспу как сына, стала со слезами упрекать мужа в жестокости, он

---

⁴⁰ Излагаемые теории и практика не имеют ничего общего с древним ортодоксальным буддизмом. – Прим. авт.

посоветовал злополучному ученику положить на спину кусок войлочной циновки, вырезав в ней отверстие на месте ран (в Тибете так лечат вьючных животных).

Дом, построенный Милареспой, до сих пор стоит в местности Лхобраг, в южном Тибете.

Тибетцы свято, до мельчайших подробностей верят в достоверность преданий. Мы с ними в доверчивости соревноваться не можем, но было бы опрометчивым считать все странные приключения послушников «налджорпа» только вымыслом или же делами давно минувших дней, в наше время немислимыми. Психика тибетцев со времени Марпы (XI век) не изменилась. Мне доводилось видеть у многих лам точное, до мельчайших подробностей воспроизведение домашнего быта и нравов, описанных в священных книгах.

Молодой монах, желающий найти гуру, хотя и не может соперничать по рвению и вере с Наротой или Милареспой, всегда бывшими исключениями, но готов на многие жертвы и постоянно пребывает в предвкушении многих чудес. Каждый день во многих частях «Страны Снегов» разыгрывается все та же удивительная трагикомедия. Под влиянием тоски и страха, терзавших его, пока он раздумывал, принимая решения, и порой очень далекого путешествия по безлюдной стране, кандидат в ученики добирается до обители выбранного им учителя в нужном состоянии духа. Часто дикий, мрачный вид местности, где спасется отшельник, и его репутация колдуна еще больше поражает воображение молодого человека, и он, конечно, ждет чудес на каждом шагу. С этого дня и в течение всего курса теоретической и духовной подготовки он будет жить в мире непрерывных фантазмагорий: небо и земля будут отплясывать вокруг него неистовый танец: боги и демоны будут преследовать его видениями – устрашающими, пока он не победит страх, а затем смущающими и ироническими. Доводящая до потери рассудка непрерывная смена самых невероятных происшествий будет продолжаться долгие годы – пять лет, может быть, двадцать. Эти события будут терзать монаха до смертного часа, если только в одно прекрасное утро он не проснется просветленный и не уйдет, безропотно припав на прощание к ногам своего ужасного учителя.

Я расскажу сейчас историю такого беспокойного ученичества, выбранную из многих других и рассказанную мне самим ее героем, потому что она особенно типична для тибетцев, и мне знакомы места, служившие ареной действия.

Иешес Гиатзо уже неоднократно жил в затворничестве «тсхамс». Он старался найти разрешение одного мучившего его вопроса: – «Что такое дух?» – спрашивал он себя. Он прилагал огромные усилия, чтобы удержать, схватить его, для того, чтобы можно было изучать, анализировать, но неуловимое естество ускользало от него, «как вода, зажатая в кулачке ребенка». Его духовный руководитель один из лам монастыря, к братии которого принадлежал и Гиатзо, посоветовал ему разыскать одного анахорета и упросить этого святого взять его в число своих учеников.

Путешествие заняло немного времени – только три недели, для Тибета совершенная безделица. Но тропа, проложенная к убежищу святого, пересекала обширные пустыни и перевалы более, чем пяти тысяч метров высотой. Иешес Гиатзо отправился в путь, захватив с собой несколько книг и немного провизии, состоящей из мешочка «тсампы», куска масла и небольшой щепотки чая. Шел второй месяц года.⁴¹ Все горы были одеты мощным снежным покровом. Паломник всю дорогу созерцал ослепительную и грозную панораму гигантских ледяных вершин, и ему чудилось, будто он странствует уже на том свете. Наконец, вечером, на закате солнца он добрался до жилища гомтшена. Огромная пещера выходила на небольшую площадку, обнесенную стеной из обломков выветрившегося камня. На некотором расстоянии ниже по склону находились хижины, служившие приютом для четырех или пяти учеников, получивших разрешение временно поселиться вблизи учителя. Жилища отшельников были расположены на верхних уступах горного мирка черных скал и

---

⁴¹ Новый год приходится в Тибете на начало февраля. – *Прим. авт.*

отражались внизу в маленьком озере изумрудно-зеленого цвета.

Мне самой пришлось побывать здесь в сумеречный час, и я знаю, что мог почувствовать жаждущий приобщиться к оккультной мудрости монах, очутившись в этом безрадостном месте.

Учителю доложили о прибытии Гиатзо, но он его не принял. В этом не было ничего удивительного. Иешес не огорчился и воспользовался гостеприимством одного из учеников, разделившего с ним свою келью. Прошло около недели. Иешес с робостью попросил товарища напомнить о нем учителю. Ему передали категоричный ответ: гомтшен приказывает ему немедленно уйти и вернуться в свой монастырь. Не помогли ни громкие мольбы, возносимые к орлиной обители ламы, ни коленопреклонения у подошвы горы – все было напрасно. Иешесу пришлось отправиться восвояси. В первый же вечер по лежавшему на его пути засушливому плато пронесся свирепый ураган с градом. Монах отчетливо видел угрожавшие ему гигантские призраки. Он заблудился во мраке и всю ночь брел наугад. Следующие дни перехода были полны злоключений: все время бушевала непогода, у него не осталось никаких припасов; он чуть не утонул, переходя поток, и вернулся, наконец, в монастырь изможденный, больной, в отчаянии. Но его интуитивная вера в высокую духовную мудрость отшельника не поколебалась. Через три месяца он снова отправился в путь, вступив в единоборство со стихиями, уверенный, что это или лама спустил их с цепи, чтобы испытать его твердость и мужество, или же непогоду вызвали враждебные ему духи, желая воспрепятствовать его посвящению в тайное учение. Гиатзо опять прогнали. В следующем году он проделал это путешествие еще два раза, и во второй раз был, наконец, допущен пред лицо учителя.

– Вы сошли с ума, мой милый. – без обиняков начал старец, – почему вы так упорствуете? Мне совсем не нужны новые ученики. Кроме того, как мне уже известно, вы изучали философию и не раз подолгу предавались медитациям в уединении. Я простой старик. Чего вы хотите от меня? Если вы хотите приобщиться к тайному знанию, разыщите ламу Х. из Лхасы. Этот лама – ученый схоласт. Он изучил до конца священное писание и постиг до конца все тайное предание. Именно такой наставник нужен подобному вам молодому ученому.

Иешес прекрасно знал, что так говорит всякий учитель, желающий проверить степень доверия к нему кандидата в ученики. Кроме того, он действительно в него верил. Он не отступился и в конце концов добился своего.

Я знала другого монаха, воодушевляемого в своем стремлении обрести духовного наставника далеко не такими возвышенными целями. Его история послужит контрастом к первой и даст читателю представление о другой стороне психологии тибетцев.

Карму Дорджи из бедной и незнатной семьи еще совсем ребенком поместили в монастырь. Там он оказался мишенью для насмешек и презрения монашеских из более состоятельных и знатных семейств. Когда Дорджи подрос, издевательства над ним не прекратились, но характер их несколько изменился. Многие его товарищи постоянно, даже молча, умели подчеркнуть разницу в их происхождении. Карма Дорджи отличался гордостью и редкой силой воли. Он рассказывал мне, как еще маленьким мальчиком дал себе клятву стать выше всех унижающих его товарищей. Благодаря простому происхождению и сану монаха, перед ним был открыт только один путь: нужно было стать отшельником, великим магом, одним из тех, кто поработает демонов, превращая их в покорных работников. Тогда он увидит, как затрепещут перед ним все его обидчики.

Обуреваемый такими, весьма неблагоприятными мечтами, Дорджи попросил настоятеля монастыря дать ему отпуск на два года, так как он желает предаваться медитации в лесном уединении. В таких просьбах отказа никогда не бывает, Дорджи взобрался на высокую гору, нашел подходящее место у родника и построил там себе хижину. Чтобы лучше уподобиться аскетам, владеющим искусством развивать внутреннее тепло, он, не теряя времени, разделся догола и перестал стричься. Люди, изредка приносящие ему припасы, всегда, даже среди зимы находили его обнаженным и сидящим в позе глубокого

созерцания. О нем начали поговаривать, но это было еще очень далеко от вожаемой славы. Он понял, что отшельничеством и наготой многого не добьется, и снова спустился в монастырь. На этот раз он просил разрешения уйти на поиски гуру в чужие края. Никто его не удерживал.

Его странствия были гораздо удивительнее, чем путешествия Ишеса Гиатзо. Последний, по крайней мере, знал, куда идет, а Карма Дорджи не имел об этом ни малейшего представления. Ему никак не удавалось найти для себя достойного учителя, и он решил прибегнуть к оккультным средствам. Вера Кармы Дорджи в богов и демонов была беспредельной. Он знал наизусть историю Милареспы, обрушившего дом на головы своих врагов. Он помнил еще много преданий о «Великих духах зла», приносивших по требованию мага в середину магического круга «кйилкхор» окровавленные головы его недругов. Дорджи был немного знаком с искусством «кйилкхор». Он построил магический круг из камней на дне глубокого ущелья и начал заклинать грозных духов направить его к одному из повелевающих ими магов-учителей. На седьмую ночь раздался оглушительный гул. Протекавший по ущелью поток неожиданно вздулся. Водяной вал, возникший, должно быть, из-за прорыва горного резервуара или выпавшего выше в горах ливня, внезапно хлынул в ущелье и смыл молодого монаха вместе с «кйилкхором» и его нищенскими пожитками. Ему необыкновенно повезло. Он не утонул. Перекатывая Дорджи вместе с валунами, поток выбросил его при выходе из ущелья на мель в огромной долине. Когда рассвело, Карма увидел прямо перед собой на склоне горы приютившийся под сенью каменной стены «рите» (обитель отшельника).

В лучах восходящего солнца выбеленный известью домик был облит бело-розовым сиянием. Чудом уцелевшему монаху показалось, будто от домика к нему тянутся, осеняя ореолом его чело, длинные золотые лучи. Конечно, так долго разыскиваемый учитель живет именно здесь. Никаких сомнений о вмешательстве оккультных сил, ответивших на его призыв, у Дорджи не было. Ведь он собирался подняться по ущелью, а они его направили (правда, немного бесцеремонно) вниз в долину, прямо к этому рите. Карма Дорджи, приятно польщенный оказанной ему услугой, даже не вспомнил об унесенных потоком припасах и одежде. В том же виде, в каком он, в подражание Херуки (персонаж ламаистского пантеона, изображаемый в виде нагого анахорета) священнодействовал возле своего кйилкхора – т. е. совершенно голый – он отправился к обители учителя.

В это время один из учеников пустытника спускался с горы по воду. При виде возникшего перед ним удивительного прохожего, он чуть было не уронил кувшин. Климат Тибета сильно отличается от климата Индии. Если в Индии нагих аскетов или лже-аскетов легион, и никого они удивить не могут, в «Стране Снегов» дело обстоит по-иному. Только очень немногие из налджорпа присваивают себе обычай ходить без одежды, но они живут в стороне от всех дорог, в складках высоких горных хребтов, и их обычно никто не видит.

– Кто живет в этом рите? – осведомился Карма Дорджи.

– Мой учитель, лама Гобсгис, – ответил монах.

Кандидат в маги больше ни о чем не спрашивал. О чем еще ему было спрашивать? Он знал все заранее – боги привели его к достойному его учителю.

– Ступай, скажи ламе, что Тше-Кионг⁴² прислали ему ученика, – торжественно произнес Карма Дорджи.

Совсем ошалев, молодой водонос отправился с докладом к учителю, и тот приказал ввести посетителя. Карма Дорджи благоговейно распростерся перед ламой и снова представился в качестве ученика, приведенного высшими существами «к самым ногам учителя».

Лама Гобсгис был ученым. Внук китайского чиновника, женатого на тибетке, он

---

⁴² «Покровители религии», боги или демоны, по верованиям тибетцев, давшие клятву защищать буддистское учение от его противников. – *Прим. авт.*

несомненно унаследовал от того предка склонность к любезному агностицизму и, по-видимому, удалился в пустыню просто из-за аристократического пристрастия к одиночеству и желая спокойно работать, а не по какой-нибудь другой причине. По крайней мере, из описания Кармы Дорджи я его представляю себе именно таким. Дорджи рассказывал о нем со слов прислуживавших ламе монахов, поскольку его знакомство с ламой (как это выяснится дальше) было очень кратковременным.

Обитель Кушога Тобсгиса по своему местоположению соответствовала правилам, изложенным в древнебуддийском Священном Писании: «не слишком близко к селению и не слишком далеко от селения». Перед окнами ламы широко раскинулась пустынная долина. За горным перевалом на расстоянии, по меньшей мере полудня ходьбы, находилась деревня.

Домик был обставлен с аскетической простотой, но в нем была большая, хорошо подобранная, библиотека, и несколько красивых «тханга» (картины, написанные на ткани, которую можно свернуть наподобие японских какемоно) на стенах давали понять, что отшельник не был беден и хорошо разбирался в искусстве.

Карма Дорджи, здоровенный детина, все одеяние которого состояло из шевелюры, заплетенной в одну длинную, до пят, и еще удлиненную хвостом яка косу, должен был представлять странный контраст с миниатюрным изысканным ученым. Лама выслушал рассказ о кйилкхоре, чудесном разливе ручья и, когда Дорджи опять повторил, что к ногам учителя его привели оккультные силы, ограничился замечанием: место, куда Дорджи доставили воды потока, находится довольно далеко от его обители. Затем он осведомился, почему кандидат в колдуны путешествует без одежды. В ответ Дорджи, преисполненный сознания собственной значительности, поведал ему о своей двухлетней жизни в лесу нагишом. Лама с минуту его рассматривал, затем позвал одного из слуг и сказал ему просто:

– Проводите этого беднягу на кухню, посадите у очага и дайте ему очень горячего чаю. Постарайтесь еще найти для него старую одежду из овчины. Он мерзнет уже много лет.

И лама отпустил его. Конечно, Карме Дорджи было приятно напялить пожалованный ему меховой плащ, хотя это были сплошные лохмотья. После ванны хорошо было погреться у огня и подкрепиться горячим чаем, щедро приправленным коровьим маслом. Но это чисто физическое удовольствие омрачалось чувством оскорбленного тщеславия. Лама не оказал ему приема, подобающего прибывшему таким чудесным образом ученику. Тем не менее, Дорджи надеялся, что когда его силы восстановятся, он сумеет лучше объяснить учителю, кто он такой и чего добивается. Но лама Тобсгис больше его не приглашал и, казалось, забыл о его существовании. Все-таки, было ясно, что он сделал относительно Дорджи распоряжения, так как его очень хорошо кормили и выделили место у очага.

Шли дни за днями. Дорджи начал терять терпение. Уютная кухня стала казаться ему темницей. Он попытался было работать – ходить по воду, собирать топливо, но ученики ламы к работе его не допустили. – Учитель велел, чтобы он ел и грелся у огня, – говорили они, – никаких других приказаний не поступало. Карме Дорджи было стыдно: с ним обращались как с домашней кошкой или собакой – о них заботятся, но ничего с них не спрашивают. Он все больше тяготился своим бездействием. Первое время он не раз просил товарищей напомнить о нем учителю, но те просили извинить их: они не могут себе этого позволить. Римпотше («драгоценный», чрезвычайно почтительный титул в разговоре с ламой или о нем) позовет его, если захочет его видеть. Карма больше не смел повторять свою просьбу. Единственным утешением для него стало теперь подстергать появление ламы, изредка выходявшего отдохнуть на маленьком балкончике перед своей комнатой, или же прислушиваться, как лама объяснял иногда какой-нибудь философский трактат ученикам или случайному гостю. Если не считать этих редких просветов в его существовании, время для него тянулось медленно и бесплодно, и он снова мысленно переживал все приключения, направившие его в эту обитель. Так прошло немногим больше года. Дорджи захандрил. Он мужественно перенес бы по воле ламы самые тяжелые испытания, но такое полное забвение приводило его в отчаяние. Он уже начинал подозревать, не узнал ли Кушога Тобсгис,

благодаря своему оккультному могуществу, о его низком происхождении (Дорджи его предусмотрительно скрыл от ламы) и не презирает ли его теперь. Оказываемое ему гостеприимство было просто подаванием из жалости. Он не мог избавиться от этой мысли, она его терзала. Дорджи был убежден – его привело к ламе чудо, и во всем мире для него другого учителя не существует. Ему и в голову не приходило возобновить свои поиски. Но, порой, его стала посещать мысль о самоубийстве.

Карма Дорджи совсем погубил от отчаяния, когда к анахорету прибыл с визитом племянник. Племянник был ламой-тюльку, настоятелем одного монастыря, и путешествовал в сопровождении многочисленной свиты. Блистательный лама, сияя золотом парчовых одежд, в искрящейся, похожей на остроконечную пагоду, шляпе из позолоченного дерева, в окружении приближенных остановился у подножия горы. Слуги раскинули красивые палатки, и, освежившись чаем, присланным дядей-отшельником в огромном серебряном чайнике, тюльку поднялся в домик своего родственника. В один из последующих дней племянник заметил странную фигуру Кармы Дорджи в лохмотьях мехового плаща и с ниспадающей до пят шевелюрой. Он заговорил с ним, спросив, почему он всегда сидит у очага. Дорджи ухватился за этот случай, как за новую милость богов, наконец-то снова обративших к нему свои взоры. Он представился ламе, перечислив все свои заслуги и знания, не забыв упомянуть о своем отшельничестве в лесу, кйилкхоре в горах, разливе потока, прибытии к сияющему рите, об отраженных от обители и осенивших его чело лучах. Он закончил жалобой на забвение, в котором пребывает теперь по воле ламы, и просьбой к тюльку походатайствовать о нем перед дядей. Судя по рассказам Дорджи, тюльку был по своему складу похож на своего дядюшку и не был склонен видеть вещи в черном свете. С удивлением рассматривая верзилу Дорджи, он спросил, чему он хочет научиться у ламы. Наконец-то нашелся человек, принимающий в нем участие! Кандидат в колдуны преисполнился прежней самоуверенности. – Я хочу, – ответил он, – приобрести магические способности, летать по воздуху и сотрясать землю. Из предосторожности Дорджи не заикнулся о причине своих желаний. Тюльку все это, должно быть, позабавило. Тем не менее, он обещал просителя замолвить за него словцо дяде. Но за две недели пребывания в их обители лама ни разу больше не посмотрел в его сторону. Тюльку распростился с дядей и собирался спуститься в долину, где ждала наготове его свита. С порога домика ламы были хорошо видны слуги, державшие под уздцы горячих коней, покрытых попонами из красного или желтого сукна. Седла и сбруя с украшениями из полированного серебра сияли в лучах утреннего солнца. Карма Дорджи машинально созерцал это зрелище, думая: «Вот уезжает мой заступник, не передав никакого ответа на просьбу». С его отъездом он терял последнюю надежду. Он собирался по обычаю приветствовать ламу прощальными коленопреклонениями, как вдруг тот отрывисто бросил ему:

– Следуйте за мной.

Карма Дорджи немного удивился. От него здесь никогда не требовали никаких услуг. Чего хочет от него тюльку? Палатки и поклажу, упакованные слугами, отправили еще на заре с караваном вьючных животных. Может быть, он забыл что-то передать дяде?

Спустившись с горы, тюльку обратился к Дорджи:

– Я передал Кушогу Римпотше о вашем желании овладеть магическими знаниями, о которых вы говорили, – сказал лама. – Он ответил, что вам для этого нужно изучить некоторые оккультные труды. Здесь в обители их нет, но они имеются в моем монастыре, и Римпотше приказал мне взять вас с собой и дать вам возможность начать обучение. Для вас приготовлена лошадь. Вы поедете с моими трапа. Сказав это, он отвернулся от Дорджи и присоединился к небольшой группе монастырских сановников из сопровождающей его свиты.

Все склонились в прощальном поклоне в направлении обители, почтительно приветствуя ламу Тобгсиеса, а затем вскочили с седла, пустив лошадей с места крупной рысью. Карма Дорджи остолбенел. Один из слуг толкнул его, вручая ему уздечку лошади... Не сознавая, что с ним происходит, он очутился в седле и поскакал вместе со слугами.

Путешествие прошло без приключений. Тюльку не обращал ни малейшего внимания на Дорджи, разделявшего трапезу и ночлег со слугами-монахами.

Монастырь тюльку был не таким огромным, как некоторые тибетские гомпа, но, несмотря на свои скромные размеры, выглядел очень благоустроенным, и действительность соответствовала его внешнему виду.

На четвертый день по приезде один из трапа пришел известить Карму Дорджи, что тюльку приказал отнести в «тсхамс кханг» собрание книг, которые Кушог Тобсгисес рекомендует ему прилежно изучать, если он хочет добиться желаемой цели. Монах прибавил: во время затворничества Дорджи будут регулярно присылать из монастыря необходимые припасы. Монах привел Дорджи к домику, расположенному в красивом месте недалеко от монастыря. Из окна был прекрасный вид на позолоченные кровли монастырских строений, под ними расстилалась долина в рамке из поросших лесом склонов. Возле маленького алтаря на полках стояло около тридцати огромных фолиантов, тщательно обернутых и зажатых ремешками между покрытыми резьбой дощечками. Будущий маг обрадовался: наконец-то к нему начинают относиться с должным почтением.

Уходя, трапа предупредил его – тюльку совсем не предписывает ему строгого затворничества «тсхамс». Он волен жить, как ему заблагорассудится – ходить по воду к ближайшему источнику и даже на прогулку. Потом трапа показал, где сложены провизия и топливо, и ушел.

Карма Дорджи погрузился в чтение. Он выучил наизусть множество магических формул и повторял их, надеясь в конце срока обучения узнать точную их интонацию у своего гуру, ламы Тобсгисеса, так как рассчитывал с ним потом увидеться. Он построил множество кйилкхоров по рецептам из этих книг и расходовал муку и масло для изготовления ритуальных пирогов «торма» самых разнообразных форм больше, чем для собственного стола. Кроме того, следуя изложенным в книгах указаниям, он предавался частым медитациям. Его рвение не ослабевало в течение почти полутора лет. Он выходил только зачерпнуть воды, ни единым словом не обмолвился с трапа, приходившим дважды в месяц пополнить запасы провизии, и ни разу не позволил себе подойти к окну. Мало-помалу в его медитации начали просачиваться совсем новые для него мысли. В некоторых всплывающих в памяти фразах из прочитанных книг, в некоторых диаграммах для него вдруг открывался новый смысл. Наконец, однажды он остановился перед открытым окном, глядя на хлопотливо снующих монахов, вышел, поднялся на гору, подолгу рассматривая растения, камни, струи неутомимого ручья, летучие тучки в небе, игру света и тени; потом долго сидел, созерцая разбросанные в долине селения, наблюдая работу крестьян в поле, бредущих по дороге вьючных животных и пасущийся на пастбище скот.

Каждый вечер Дорджи зажигал маленький светильник на алтаре и погружался в медитацию. Но теперь он не стремился выполнять описанные в книгах обряды, чтобы вызывать духов в разных обличьях. До глубокой ночи, иногда до рассвета он оставался недвижим, без чувств и без мыслей, и ему чудилось, будто он сидит на берегу призрачного океана и видит, как наплывает готовая поглотить его ослепительно-белая стихия.

Прошло еще несколько месяцев. Однажды, днем ли, ночью ли – он не знал – Карма Дорджи почувствовал, как тело его приподнялось со служившей ему сиденьем подушки. Не меняя позы медитации, со скрещенными ногами он перенесся через порог и полетел вперед. Скоро он увидел внизу родной край и свой монастырь. Было утро. Трапа выходили с общей молитвы, Карма узнал многих: сановников, тюльку, прежних товарищей. Они выглядели усталыми, озабоченными и печальными. Он рассматривал их с участливым любопытством. С высоты, на которой он парил, они казались такими маленькими! Как они поразятся, испугаются, когда увидят его! И все падут ниц перед ним – магом, владеющим сверхъестественным могуществом. Последняя мысль заставила его улыбнуться от жалости. Он вдруг почувствовал усталость при виде этих пигмеев, они его больше не интересовали. Он вспомнил о блаженстве, наплывавшем на него вместе с приливами странного океана белого цвета. Ни одна волна не бороздит его безмятежной поверхности. Нет, он им не

покажется. Какое ему дело до того, что они думают, что ему до его собственных размышлений об их былом пренебрежении, о сладости мести... Он полетел прочь. Вдруг монастырские здания внизу зашатались, затряслись, развалились. Окружающие горы беспорядочно задвигались, вершины обрушились и на их месте стали возникать новые. Солнце низринулось и промчалось, пересекая небо, как метеор. Продырявив небесную твердь, явилось второе солнце. Ритм этого фантастического хаоса все возрастал. Дорджи теперь различал только пенящиеся волны неистового потока, состоящего из всех существ и вещей вселенной...

Подобные видения у тибетских мистиков не редкость. Их не следует смешивать со снами. Переживающий их не спит и, зачастую во время своих необыкновенных странствий чувствуя смену местности и обстановки, сохраняет достаточно четкое сознание своей личности и места, где он на самом деле находится. Очень часто также при возникновении видений, мистик в состоянии транса вполне сознательно желает, чтобы никто не пришел, не заговорил с ним, не позвал, не постучал в дверь и т. д., и боится этого. Хотя он не в силах ни заговорить, ни пошевелиться, он слышит и понимает все, что вокруг него делается. Шум, суэта часто вызывают у него болезненные ощущения и, если его насильственно выводят из этого психического состояния, или же по какой-нибудь причине ему приходится самому с большой затратой сил освободиться от него, испытываемое при этом нервное потрясение вызывает сперва мучительный шок, а потом длительное недомогание. Именно чтобы избежать этого шока и пагубных последствий для здоровья при его повторении, были выработаны правила, определяющие способ выхода из состояния медитации, даже обычного, если оно несколько затянулось. Например, рекомендуется медленно поворачивать голову справа налево, массировать себе лоб, вытягивать руки, соединяя кисти рук за спиной и откидывая назад торс и т. д. Каждый выбирает подходящие для себя упражнения.

Среди членов секты Зен в Японии монахами практикуется групповая медитация в общем помещении, где специальный опытный наблюдатель, умеющий распознавать признаки усталости, подбадривает утомленных, оживляя в них энергию сильным ударом палки по плечу. Все испытавшие это средство единодушно утверждают, что получали при этом приятное ощущение нервной разрядки.

Вернувшись из своего необыкновенного путешествия, Карма Дорджи посмотрел вокруг себя: книги на полках, алтарь, очаг – ничего не изменилось, все было таким же, ставшим уже привычным за три года жизни в этой келье. Он встал и подошел к окну монастыря, долина, поросшие склоны гор – все выглядело обычно, буднично, и все-таки было совсем другим. Карма очень спокойно развел огонь. Когда дрова вспыхнули, он взял нож, отрезал свои длинные волосы налджорпа и бросил их в пламя. Потом приготовил чай, степенно поев, собрал немного провизии, взвалил котомку на плечи и вышел, старательно заперев за собой дверь «тсхамс кханга». В монастыре Дорджи направился к резиденции тюльку и, встретив по дороге слугу, попросил его сообщить ламе, что он уходит и благодарит ламу за его доброту к нему. Затем он удалился.

Дорджи отошел уже довольно далеко, когда услышал, что его кто-то зовет. За ним бежал один из монахов знатного происхождения из свиты ламы.

– Вас завет Кушог Римпотше, – сказал монах. Карма Дорджи вернулся.

– Вы нас покидаете? – вежливо осведомился лама. – Куда вы направляетесь?

– Поблагодарить моего гуру, – ответил Карма. Тюльку помолчал немного, а затем сказал печально:

– Вот уже больше шести месяцев, как мой уважаемый дядя покинул этот мир скорби.⁴³

Карма Дорджи не произнес ни слова.

---

⁴³ «Покинуть мир скорби» (нья-ниен лес дес сонг) – почтительное выражение, означающее, что святой лама скончался, т. е. достиг нирваны.

– Если вы хотите отправиться в его «рите», я дам вам лошадь, продолжал лама. – Это будет прощальный подарок покидающему меня гостю. В «рите» сейчас живет один из учеников Римпотше. Вы его там увидите.

Карма поблагодарил, но ничего не принял. Через несколько дней он снова увидел маленький домик, когда-то излучавший осенившее его голову сияние. Он вошел в комнату, где побывал только один раз, в день своего прихода в обитель, и долго лежал, распростершись, перед креслом ламы. Затем он провел ночь в медитации. Утром он распрощался с новым отшельником и тот передал ему принадлежавший покойнику-ламе зен: старый лама, умирая, распорядился отдать его Дорджи, когда он выйдет из своего «тсхамс кханга».

С этого времени Карма Дорджи бродил по стране, как и знаменитый аскет Милареспа, которым он восхищался и глубоко уважал. Когда я познакомилась с Дорджи, он был уже не молод, но, по-видимому, не собирался обосноваться где-нибудь постоянно.

Далеко не все тибетские анахореты начинают свое подвижничество столь необычным способом, как Карма Дорджи. Обстоятельства, сопровождавшие его вступление на путь духовного совершенствования, исключительны, – поэтому я и рассказала о них так подробно. Но история послушничества всех учеников гомтшенов почти всегда отличается какими-нибудь любопытными особенностями. Я многое о них слышала, а мой собственный, часто весьма суровый, опыт послушника в «Стране Снегов» заставляет меня верить, что многие из этих рассказов вполне соответствуют действительности.

Глава 6

Духовный спорт. – Бегуны «лунг-гом-па». – Как согреться без огня среди снегов. – Послания, передаваемые «по воздуху»

Под общим названием «лунг-гом» тибетцы объединяют многочисленные упражнения, преследующие различные цели: одни – духовные достижения, другие – физические. Эти упражнения комбинируют концентрацию мысли с разнообразной дыхательной гимнастикой. Но название «лунг-гом» применяется преимущественно для обозначения особого вида полудуховной, полуфизической тренировки, развивающей сверхъестественные скорость и легкость движений. Знания «лунг-гом-па» достаются атлет, способный пробегать с необыкновенной быстротой большие дистанции, нигде не отдыхая и ничем не подкрепляясь в пути. Тибетцы любят рассказывать о «лунг-гом-па», и во многих древних преданиях можно найти примеры сверхъестественных пешеходных переходов, совершаемых со сказочной быстротой. В автобиографии Милареспы мы читаем о жившем у его учителя черной магии монахе, бегавшем быстрее лошади. Сам Милареспа гордился, что после соответствующей тренировки ему удалось совершить в несколько дней переход, обычно продолжающийся больше месяца. По словам Милареспы, в основе этой необыкновенной способности лежит умелое регулирование «внутреннего воздуха».

Следует отметить, что для подвигов «лунг-гом-па» нужна скорее необыкновенная выносливость, чем быстрота хода в течение определенного отрезка времени. Задача состоит не в пробеге с максимальной скоростью дистанции в 12–15 км, как в наших спортивных состязаниях, но, как уже говорилось выше, в безостановочных переходах в несколько сот километров равномерным, необычайно быстрым шагом.

Дополнительно к полученным понаслышке сведениям о методах тренировки «лунг-гом-па», мне довелось видеть несколько из них в действии. Очевидно, хотя большинство монахов и выполняют упражнения системы «лунг-гом-па», все же очень немногие из них достигают желаемых результатов, и настоящие «лунг-гом-па» встречаются очень редко.

Моя первая встреча с «лунг-гом-па» произошла в пустыне трав на севере Тибета. На склоне дня мы медленно ехали по обширному плато. Наши лошади шли шагом. Вдруг далеко впереди, немного левее тропы, я заметила крошечное черное пятнышко, при

рассмотрении в бинокль оказавшееся человеком. Меня это очень удивило: в этом крае трудно кого-либо встретить. За десять дней мы не видели никого. Кроме того, одинокие пешеходы никогда не отваживаются странствовать по необъятным тибетским пустыням. Что это за человек? Один из слуг высказал предположение – путник, должно быть, отстал от купеческого каравана, спасаясь от напавших на него разбойников, и теперь заблудился в пустыне. Это было правдоподобно. Если дело действительно обстояло так, мы захватим беглеца с собой и доведем его по пути до стойбища пастухов или куда он попросит. Продолжая смотреть в бинокль, я заметила, что человек передвигается удивительно быстро и какой-то очень странной поступью. Хотя вначале мои слуги могли различить только двигающуюся в траве черную точку, очень быстро они тоже увидели, с какой необычайной скоростью эта точка перемещалась. Я передала им бинокль. Один из них, посмотрев в него в течение нескольких минут, пробормотал: По-видимому, это лама лунг-гом-па.

Слово «лунг-гом-па» сразу пробудило во мне любопытство. До сих пор мне еще никогда не удавалось видеть настоящего «лунг-гом-па», совершающего один из невероятных переходов, о которых столько рассказывают в Тибете. Неужели мне так повезло?

Человек приближался, и становилось все заметнее, как быстро он шел. Что мне следует предпринять, если это действительно «лунг-гом-па»? Мне хотелось рассмотреть его поближе, поговорить с ним, расспросить и даже сфотографировать... Желаний у меня было много. Но стоило мне только об этом заикнуться, как слуга, первый узнавший в путнике «лунг-гом-па», воскликнул:

– Почтенная госпожа, вы не остановите ламу и не заговорите с ним! Ведь он умер бы от этого. Этим ламам нельзя прерывать медитацию во время ходьбы. Если лама перестанет повторять магические формулы, вселившееся в него божество ускользает и, выходя раньше положенного срока, так сильно сотрясает тело ламы, что убивает его.

Предостережением, выраженным в подобной форме, пренебрегать не следовало, хотя по содержанию оно и казалось абсурдным. Из того, что мне было известно о явлении «лунг-гом», я могла предположить, что этот человек шел в состоянии транса. Значит, вполне вероятно, что если внезапно и насильственно вывести его из этого состояния, он, хотя и не умрет, но испытает мучительный нервный шок. В какой степени такое потрясение окажется опасным для его жизни, мне было неизвестно. Я не хотела делать ламу объектом эксперимента, может быть, жестокого, поскольку последствий я не могла предугадать. Мне помешала удовлетворить любопытство еще и другая причина. Тибетцы признали и приняли меня в свою семью в качестве женщины-ламы. Им было известно, что я исповедую буддизм, но они не могли уловить разницы между буддизмом ламаистским и моим чисто философским пониманием буддизма. Итак, если я желала пользоваться и впредь доверием и уважением, гарантируемыми мне монашеским облачением,⁴⁴ приходилось соблюдать тибетские обычаи, и, особенно строго, обычаи религиозные. Необходимость эта создавала серьезные препятствия для проведения некоторых научных исследований, но этой ценой приходилось платить за проникновение в область еще более охраняемую, чем территория самого Тибета.

Я снова была вынуждена отказаться от научного анализа явления и ограничиться простым наблюдением удивительного путешественника.

Последний подошел к нам совсем близко. Уже можно было отчетливо различить его бесстрастное лицо с широкого открытыми глазами, устремленными ввысь на какую-то точку в пространстве. Нельзя было сказать, что лама бежал, казалось, будто при каждом шаге он воспарял в воздух и двигался скачками, как упругий мяч. На нем было обычное монашеское одеяние и тога – и то, и другое порядком потрепанное.левой рукой, наполовину скрытой тканью одежды, он держался за складки тоги; в правой был зажат ритуальный

---

⁴⁴ Я имела законное право на ношение монашеского одеяния и никогда не позволила бы себе воспользоваться им для маскарада. – *Прим. авт.*

кинжал «пурба». Монах на ходу слегка заносил вперед правую руку с кинжалом, ритмически соразмеря шаг, и казалось, будто он острием высоко поднятого ножа касался земли и опирался на кинжал, как на тросточку. Слуги сошли с лошадей и, когда лама проходил мимо, распростерлись на земле. Но он не остановился и, очевидно, совсем нас не заметил.

Я начала уже сожалеть о своей сдержанности, мне хотелось продолжить наблюдения за «лунг-гом-па». Решив, что согласие не останавливать путника – вполне достаточное свидетельство моего уважения к обычаям страны, я приказала слугам снова сесть на лошадей и следовать за ламой, успевшим между тем отойти довольно далеко. Не пытаясь его догонять, мы старались только, чтобы расстояние между нами не увеличивалось и, благодаря нашим биноклям, мы с сыном не теряли его из виду. Не различая больше лица ламы, мы все же отмечали удивительную легкость и ритмичность его упругого шага, размеренного, словно движения часового маятника. Так мы проехали вслед за ним около трех километров. Но тут «лунг-гом-па» сошел с тропы, взобрался по крутому склону и исчез в извилинах окаймлявшего плато горного хребта. По таким откосам всадники за ним следовать не могли, и нашим наблюдениям поневоле был положен конец. Мы повернули назад.

Сознавал ли лама, что его преследовали? Хотя мы держались от него на почтительном расстоянии, всякий нормальный человек должен был бы услышать за собой стук лошадиных копыт. Но я уже говорила: «лунг-гом-па» был, по-видимому, в состоянии транса, и именно поэтому нельзя было с уверенностью определить притворился ли он, будто нас не видел, и взобрался на гору, желая избавиться от нашего назойливого присутствия, или же действительно не знал, что за ним следят и изменил направление в соответствии с намеченным маршрутом.

Через четыре дня после этого события мы прибыли поутру в местность Тхебгйай, где расположены многочисленные стойбища «докпа». Я не преминула рассказать пастухам, как на ведущей к их пастбищам тропе мы встретили «лунг-гом-па». Оказалось, как раз накануне нашей с ним встречи, некоторые пастухи тоже его видели, когда на закате гнали свой стада с пастбища. Это сообщение позволило мне сделать приблизительный подсчет, – если из числа часов, затраченных нами на переход, при обычной скорости передвижения наших животных вычесть время привалов и отдыха, то можно заключить, что с момента, когда его заметили пастухи, «лунг-гом-па» должен был идти не останавливаясь и с одинаковой скоростью всю ночь и весь последующий день, чтобы к вечеру дойти до места, где мы его увидели. Удивительной была тут именно равномерность этой скорости, так как суточные переходы без отдыха для тибетских горцев самое обычное дело.

Во время путешествия в Лхасу из Китая лама Ионгден и я часто совершали длительные переходы по двенадцать часов в сутки без еды и питья и не разу не останавливаясь. Но разумеется, нам не по силам было бы соревноваться с крылатой поступью «лунг-гом-па». Кроме того, он стартовал совсем не из Тхебгйай, где его видели пастухи. И какое расстояние ему еще оставалось пройти, когда он свернул в сторону и исчез из виду за горным склоном? Бесплезно было строить какие-либо предположения. Пастухи предполагали, что он шел из Тсанга, так как некоторые монастыри в этой провинции в течение многих веков специализировались в обучении скороходов «лунг-гом-па». Во всяком случае, на территории Тхебгйай пересекается много троп, и поскольку пастухи с ламой не разговаривали, им так же, как и мне, пришлось ограничиться догадками. Невозможно было производить серьезные научные исследования в этой пустыне. На них пришлось бы затратить много месяцев, к тому же без всякой гарантии, что результаты будут удовлетворительными.

Я только что упомянула о монастырях провинции Тсанг и их славе как центре обучения скороходов. Будет уместно здесь вкратце изложить древнее предание о его возникновении. Героев легенды двое – знаменитые ламы Иунгтон Дорджи Пал и историк Бутон.

Первый из них – Иунгтон Дорджи Пал – родился около 1284 года. Он считался

седьмым воплощением Субхути, ученика исторического Будды. Эта преемственная линия «возрождений» была позднее продолжена Траши-ламами, и Траши-лама наших дней является шестнадцатым перевоплощением Субхути и в то же время тьюлку Евпамеда. Иунгтон Дорджи Пал был знаменитым и могущественным магом, занимавшимся главным образом покорением злых духов. Считают, что его учителем был мистик-лама по имени Тзурванг Севне. О последнем – если не считать совсем фантастических преданий – никаких сведений не сохранилось. Иунгтон Дорджи Пал жил некоторое время при дворе китайского императора и умер в возрасте девяноста двух лет.

Бутон родился в Тжо Пхуг в окрестностях Жигатзе в 1288 году. Он известен как автор нескольких значительных исторических трудов. Он же объединил все буддистское Писание, переведенное с санскрита, в один большой сборник «Кхандиур».

Как-то раз маг Иунгтон решил совершить торжественный обряд с целью поработить бога смерти Шиндже. Эту церемонию необходимо совершать через каждые двенадцать лет. Если нарушить это правило, то, как гласит предание, зловещий бог будет каждый день пожирать одно живое существо. Лама намеревался подчинить Шиндже своей воле и заставить его дать клятвенное обещание не употреблять в пищу ничего живого. Взамен спасенных жизней божество получало дары сперва во время обряда, а затем ежедневно.

Бутон узнал о намерении Иунгтона. Желая знать, действительно ли его друг обладает достаточным могуществом, чтобы покорить ужасное божество, он отправился к нему в сопровождении троих ученых лам. Когда ламы пришли, они узнали, что Шиндже уже ответил на призыв мага. Как гласит предание, его гигантская особа закрывала собой все небо («его существо было огромно, как небо»). Иунгтон объявил посетителям, что они явились как раз вовремя и теперь получают возможность доказать насколько сильно развито в них чувство сострадания. Для блага всего живого он вызвал бога смерти, и теперь остается только умиротворить его приношениями. И, – продолжал маг, – если один из лам принесет себя в жертву, то сотворит благо. Все три товарища Бутона отклонили эту честь, и под различными предлогами поспешили удалиться. Оставшись один со своим другом, Бутон сказал, что если для удачного исхода обряда действительно нужна человеческая жертва, он готов добровольно броситься в широко раскрытую чудовищную пасть Шиндже. Но Иунгтон возразил на великодушное предложение друга, что он найдет какое-нибудь другое средство для завершения церемонии, и Бутону не придется расставаться с жизнью. Но он хочет доверить ему и его преемникам обязанность совершения обряда каждые двенадцать лет. Бутон взял на себя это обязательство. Тогда Иунгтон создал бесчисленное множество призраков («тюльпа») голубей и бросил их в пасть Шиндже. С этого времени ламы, слышущие перевоплощениями Бутона, регулярно совершают в монастыре Шалю церемонию умилоствления бога смерти. По-видимому, со временем к богу Шиндже были прикомандированы в помощь еще и другие божества, так как ламы монастыря Шалю рассказывают теперь о заклятии во время обряда не одного, но множества демонов.

Для приглашения демонов из различных частей страны требуется гонец. Этот гонец именуется «Махекетанг» (зовущий буйвол).

Буйвол – верховое животное бога смерти Шиндже. Оно славится своим бесстрашием и даже осмеливается призывать злых духов. По крайней мере, в Шалю ему дают именно такую характеристику.

Гонца выбирают поочередно в монастырях Нианг Тод Кйид и Самдинг. Претендующие на роль буйвола монахи должны сначала пройти курс тренировки в одном из указанных монастырей. Она состоит из дыхательных упражнений и специальной гимнастики, выполняемых в абсолютно темном «тсхамс кханг», в условиях строгого затворничества продолжительностью в три года, три месяца, три недели и три дня.

Одно из упражнений очень популярно среди многих так называемых мистиков, обычно с весьма средним уровнем развития. Не только монахи, но и миряне – мужчины и женщины – подолгу живут в затворничестве, предаваясь отработке этого упражнения. Оно

состоит в следующем. Практикант садится, скрестив ноги, на большую толстую подушку. Он медленно и долго вдыхает, как бы желая раздуться. Затем, задержав дыхание, он должен, не меняя позы и не пользуясь руками для опоры, подскочить и снова падать на подушку. Некоторые ламы достигают таким образом умения прыгать на очень большую высоту. Тибетцы убеждены: кто много лет занимался такой тренировкой, приобретает способность «сидеть на хлебном колосе, не сгибая его стебля» или же «усаживаться на кучу зерна, не сместив при этом ни зернышка». Цель этого упражнения – развитие способности левитации. Для проверки успеваемости придумали очень любопытный экзамен. Считается, что выходящий из состязания победителем уже может выполнять все описанные выше удивительные действия, или, по крайней мере, уже близок к их совершению. Для совершения испытания выкапывают яму, глубиной равную росту испытуемого. Над ямой сооружают нечто вроде купола с узким отверстием в его верхушке. Высота купола до верхней его точки равна глубине ямы. Таким образом, если рост испытуемого 1 м 70 см, то расстояние от дна ямы до вершины купола будет 3 м 40 см. Кандидат садится, скрестив ноги, на дно этой ямы и должен выскочить из нее одним прыжком через отверстие в кровле. Тибетцы из Кхама уверяли, будто у себя на родине не раз бывали свидетелями подобных достижений. Однако из тех прыгунов, каких довелось видеть мне самой, по-моему, никто не способен на такой подвиг.

Сведения об испытаниях кандидатов на звание «зовущего буйвола», собранные мной на местах, где они проходят последнее испытание, разноречивы.

После больше чем трехлетнего заключения во мраке монах, считающий себя достаточно подготовленным для участия в состязаниях, отправляется в Шалю (неподалеку от Жигатзе). Там его замуровывают в одну из только что описанных землянок. Но в монастыре Шалю выходное отверстие из нее делается не в кровле, а в одной из боковых стенок надстройки. Кроме того, здесь соревнующийся не выпрыгивает из своей могилы. Чтобы он мог подняться из ямы, на дне которой он должен просидеть семь суток, ему оставляют скамеечку, и он должен выйти через отверстие в стене кельи. Размеры щели рассчитаны по широко растопыренным пальцам руки, большому и среднему. Ширина щели равна этому расстоянию, т. е. составляет приблизительно 20 см. Успешно выполнивший этот трюк кандидат получает звание «Махекетанг». Трудно постигнуть, каким образом можно развить совершенно исключительные быстроту и ловкость в условиях многолетнего затворничества, в неподвижном состоянии и в полном мраке. Но тут нужно учесть, что такая духовная тренировка не имеет ничего общего с развитием физических способностей.

Второй повстречавшийся нам «лунг-гом-па» не дал нам возможности наблюдать его во время ходьбы.

Мы ехали через лес по стране независимых тибетских племен на крайнем западе Ценшуана. Ионгден и я пошли пешком и опередили наш маленький караван. Внезапно за поворотом тропы мы увидели совершенно голого человека. Единственным его одеянием были обвивавшие его тело железные цепи. Он сидел на большом камне и, по-видимому, так задумался, что не слышал, как мы подошли. Мы становились в изумлении. Должно быть, что-то предупредило странного путника о нашем присутствии. Он повернул голову, увидел нас, вскочил, ринулся быстрее лани в лесную чащу и исчез. Еще несколько мгновений до нас доносился замирающий вдали звон цепей, затем наступила тишина.

– Это был «лунг-гом-па», – сказал мне Ионгден. – Я уже видел одного такого же. Они носят цепи, чтобы быть тяжелее. Тренировки лунг-гом делают их тела такими легкими, что иногда они отрываются от земли и воспаряют в воздух.

Моя третья встреча с «лунг-гом-па» состоялась в районе Га в стране Кхам. Скороход явился в банальном и привычном образе арджопы с котомкой за плечами. Тысячи ему подобных скитаются по всем равнинам Тибета. Ничего примечательного не было в этом представителе столь многочисленного племени. Такие нищие-бродяги обычно пристают к встречному купеческому каравану или группе состоятельных путешественников, следуя за ними, пока маршрут последних приблизительно совпадает с собственным. Они бредут со

слугами за вьючными животными. Но если поклажи мало, и слуги идут на животных верхом, арджопа остаются далеко позади и бредут в одиночестве, пока не нагонят караван на вечернем привале. Это для них не так уж и трудно. Отправляясь в далекий путь, тибетцы как правило, делают короткие переходы. Они выходят на рассвете и останавливаются для привала уже в полдень, чтобы пасти животных и дать им отдых в течение дня.

Труд, затрачиваемый арджопа, догоняющего всадников и небольшая его помощь слугам с лихвой окупаются ежедневным ужином и, от случая к случаю, чашами приправленного «тсампой» чая, предлагаемых ему в качестве милости.

Верный обычаю паломник присоединился к нам. Он рассказал, что жил в гомпа в «Пабонге», в стране Кхам и направляется теперь в провинцию Тсанг. Такой большой переход пешком с остановками в селениях для сбора милостыни, мог затянуться на три-четыре месяца. Но тибетцев долгие странствия нисколько не пугают. Новый наш попутчик шел с нами уже несколько дней, когда однажды утром нам пришлось задержаться из-за починки вьючной упряжи, и мы могли тронуться в путь только к полудню. Рассчитав, что мулы с багажом перевалят пересекавшую наш путь горную цепь только к вечеру, я с сыном и с одним слугой поехала вперед, чтобы успеть до темноты подыскать где-нибудь у ручья зеленую полянку для ночного привала.

Когда начальник каравана едет вперед, сопровождающий его слуга всегда берет с собой утварь для приготовления чая и немного провизии, благодаря чему путешественники могут подкрепиться, не дожидаясь прибытия вьюков с палатками и дорожными припасами. Мой слуга не преминул последовать этому прекрасному обычаю. Я привожу такую незначительную подробность, так как именно это обстоятельство заставило «лунг-гом-па» выдать себя.

Перевал оказался гораздо дальше, чем я думала. Было ясно, что тяжело навьюченные мулы не смогут взобраться на его вершину до наступления ночи, а о спуске каравана в темноте по противоположному склону не могло быть и речи. Разыскав около ручейка подходящий для пастбища лужок, я решила остановиться на ночлег здесь.

Выпив чаю, мы занялись сбором коровьего навоза для костра.⁴⁵ Вдруг далеко внизу я увидела арджопа. Он шел вверх по ведущей к перевалу тропинке. Несмотря на крутизну склона, арджопа двигался со сказочной быстротой, и, когда он подошел ближе, я отметила сходство его легкой упругой поступи с походкой ламы «лунг-гом-па» из Тхебгиса. Приблизившись, путник постоял несколько мгновений неподвижно, вперив перед собой отсутствующий взгляд. Он совершенно не запыхался, он был, по-видимому, в бессознательном или полубессознательном состоянии, и не мог ни говорить, ни двигаться. Постепенно транс рассеялся, и арджопа снова обрел нормальный вид.

Отвечая на мои вопросы, он рассказал, что начал тренироваться по методу «лунг-гом» под руководством одного гомтшена, жившего неподалеку от монастыря Пабонг. Так как его учитель переселился в другое место, он решил отправиться продолжать свои занятия в Шалю. Больше он ничего не сказал и в продолжении всего вечера казался очень опечаленным. На следующий день он признался Ионгдену, что впал накануне в состояние транса по самой низменной причине.

Когда он шел вместе с погонщиками мулов, его стало раздражать нетерпение. – Они двигаются слишком медленно, – думал он, – и, разумеется, пока мы тут тащимся по дороге, я с Ионгденом уже готовлю себе жаркое: он видел, что сопровождающий нас слуга захватил с собой мясо. Когда трое погонщиков и он сам нагонят нас, они едва успеют до наступления ночи разбить палатки, распрячь животных и задать им корм. Будет уже слишком поздно готовить ужин и придется довольствоваться несколькими чашками чая, заправленного тсампой. Эта мысль до такой степени завладела его воображением, что вызвала нечто вроде миража. Он видел костер, мясо на раскаленных углях. Погрузившись в страстное созерцание,

---

⁴⁵ В тех частях Тибета, где нет лесов, топливом обычно служит навоз животных. – *Прим. авт.*

он потерял сознание окружающего. Движимый вождением разделить с нами жаркое, он пошел быстрее, и непроизвольно его шаг перешел в ритмическую поступь, практикуемую во время тренировок. Привычная ассоциация этого ритма с мистической формулой, сообщенной ему учителем, заставила его мысленно повторять ее. С повторением формулы сочеталось регулирование дыхания и в соответствии с предписанными правилами – слова формулы отмечали такт дыхания. Затем последовало состояние транса. При этом все время его состоянием руководила концентрация мысли на жареном мясе. Молодой монах глубоко переживал вину. Устроенная им мешанина из низменного чревоугодия, мистических изречений и упражнений «лунг-гом» казалась ему настоящим святотатством.

Сын не преминул поделиться со мной его признаниями. Они меня заинтересовали, и я начала расспрашивать арджопа, какие из упражнений «лунг-гом» заставлял его проделывать учитель. Ему не хотелось отвечать, он оказался очень сдержанным. Я думаю, по обычаю, принятому среди мистиков Тибета, послушник дал клятву сохранять в тайне все преподанные ему учителем истины. Мои вопросы его смущали. Все-таки мне удалось вытянуть из него несколько объяснений, подтверждавших полученные мною в других местах сведения.

Его учитель говорил ему: сумерки и светлые ночи создают благоприятные условия для практики «лунг-гом-па» и облегчают ходьбу.

Он так же заставлял его упражняться в созерцании звездного неба.

На третий день после удивительной демонстрации своих достижений «лунг-гом» наш попутчик исчез. Проснувшись на рассвете, мы его не нашли в палатке для прислуги. Он убежал ночью, может быть, снова прибегнув для скорости к способу передвижения «лунг-гом», но на этот раз руководимый более возвышенной целью, чем желание полакомиться жареным мясом.

На основе собранных мной из различных источников материалов, практику этой разновидности «лунг-гом» можно описать следующим образом: прежде чем приступить к упражнениям, ученик в первую очередь получает соответствующую степень посвящения. Затем в течение нескольких лет ученик тренируется под руководством опытного наставника в многочисленных вариантах дыхательной гимнастики.

Только после того, как он в этом достаточно преуспеет, ему разрешают приступить к упражнениям в ходьбе. К этому времени послушник проходит второе посвящение, а его гуру сообщает ему мистическую формулу. Ученик концентрирует внимание на мысленном повторении этой формулы, регулирующей ритм дыхания во время ходьбы, соразмеряя такт шага со слогами заклинания. Идущий должен хранить молчание, ни о чем не думать и не смотреть по сторонам. Он должен устремить свой взгляд на какой-нибудь отдаленный предмет и не отвлекаться от него ни в коем случае, что бы ни случилось. В состоянии транса нормальное сознание в большой степени атрофируется, но все же остается достаточно активным, чтобы преодолевать встречающиеся на пути препятствия и сохранять направление к цели. Впрочем, и то и другое происходит механически, не пробуждая никаких процессов мышления у пребывающего в трансе.

Пустынная местность, равнины и сумерки являются благоприятными условиями.

На закате солнца состояние транса достигается очень легко, даже при утомлении от очень длинного дневного перехода. В трансе ощущение усталости проходит, и путник может пройти еще много километров. Ранние утренние часы также благоприятны для этого состояния, но в меньшей степени. Полдень, вторая часть дня, узкие извилистые долины, леса, пересеченная местность – все это в равной мере создает отрицательные условия. Принято считать, что только первоклассные «лунг-гом-па» в состоянии преодолевать эти препятствия.

Из вышеизложенного можно заключить, что тибетцы считают однообразие ландшафта и отсутствие в окружающем пейзаже поражающих деталей особенно благоприятными условиями для создания состояния транса. Вполне очевидно, что на пустынном плато меньше риска отвлечься от повторения магической формулы или нарушить

ритм дыхания, чем в узком ущелье, загроможденном утесами, поросшем кустарником, прегражденном потоком и т. д. Кроме того, трудно поддерживать равномерность шага на пересеченной местности.

Как ни скромнен мой личный опыт в этом вопросе, но я могу судить, что лес высоких деревьев, свободный от поросли кустарника, с пересекающей его более или менее ровной тропинкой, в такой же степени способствует быстрому возникновению состояния транса, как и пустынные равнины. Объяснение этому нужно искать в однообразии пейзажа. Впрочем, это только мои личные наблюдения в лесах Пойюль. Через эти леса мне пришлось делать длинные переходы по дороге в Лхасу.

Любая светлая ночь считается подходящей для подготовки начинающих, но звездные ночи для этого особенно благоприятны. Гуру часто рекомендует ученику не спускать глаз с какой-нибудь одной звезды. Это напоминает прием при гипнозе. Мне рассказывали, что некоторые ученики внезапно останавливаются, как только созерцаемая ими звезда исчезает из поля зрения, скрываясь за горным склоном, заходя за горизонт или же поднимаясь высоко у них над головой, совершая свой путь по небесному своду. Другие, напротив, не замечают исчезновения звезды. Когда звезда становится невидимой, они продолжают созерцать ее образ, закрепившийся в их воображении. Некоторые адепты тайных учений утверждают, будто после многолетней практики случается, что «лунгом-па», пройдя некоторое расстояние, воспаряет ввысь. Ноги его уже не касаются земли, и он скользит по воздуху с невероятной быстротой. Должно быть, многие из них обременили себя цепями именно с целью показать, что они уже достигли этой степени легкости.

Не стоит говорить о преувеличениях. Но из моего собственного, очень небольшого, опыта в этой области и со слов вполне достойных доверия лам приходится прийти к выводу, что в результате тренировки достигается состояние, когда перестаешь чувствовать вес собственного тела. Какое-то подобие анестезии притупляет боль от ударов о камни и другие попадающиеся на пути препятствия, и можно идти так много часов с необыкновенной скоростью, испытывая приятное опьянение от быстрого движения, хорошо знакомое гонщикам-автомобилистам.

Тибетцы строго разграничивают переходы, совершаемые «лунг-гомпа» произвольно, и переходы «памо» – одержимых медиумов, впадающих в состояние транса помимо собственной воли. Последние устремляются вперед, не имея перед собой никакой цели.

В Гималаях люди, страдающие этим странным заболеванием, встречаются довольно часто. Я знаю очень милую фермершу, совершенно здоровую психически, но подверженную подобным припадкам. Как она ни горюет, но избавиться от них никак не может. Иногда у себя во время семейного обеда она вдруг вскакивает, выходит из дома и ненормально быстрым шагом мчится вперед по горам и лесам. Ничто не может ее удержать. В период дождей эта женщина переходит бурные потоки, погружаясь в воду выше пояса. Она ничего не чувствует и действует бессознательно. Обычно такое путешествие приводит ее в дом ее родителей. Тут она вспоминает, что с ней произошло, приходит в себя и горько плачет.

Туземцы убеждены, что попытка остановить силой такого одержимого, когда он входит в состояние транса и устремляется в путь, может его убить. Но, повторяю, такие припадки не имеют ничего общего с практикой «лунг-гомпа».

Самые ученые из лам, не отрицая реальности достижений «лунг-гомпа», не придают им никакого значения. Их отношение к ним напоминает реакцию Будды в следующем эпизоде: однажды Будда, путешествуя с некоторыми из своих последователей, встретил в лесной глуши изможденного йога, жившего в одиночестве среди лесов в хижине. Учитель остановился и спросил, сколько лет уже анахорет подвизается в этом месте. – Двадцать пять лет, – ответил йог.

– Чего же вы достигли таким самоистязанием? – опять спросил Будда.

– Я могу переходить реку прямо по воде, – гордо заявил пустынный.

– Ах, бедняга, – заметил мудрец с жалостью, – неужели вы потратили на это столько времени? Ведь паромщик взял бы с вас за переправу только один обол.

Как согреваться без огня среди снегов

Прожить зиму в пещере, часто на высоте от 4000 до 5000 метров, в легком платье или совсем без платья и не замерзнуть не так-то просто. Однако многим тибетским отшельникам это удается. Их выносливость объясняется умением стимулировать внутреннее тепло, именуемое «тумо». Слово «тумо» означает тепло, но не употребляется в повседневной речи для обозначения обыкновенного понятия тепла. Это – технический термин мистической терминологии. Действие обозначаемого им внутреннего тепла не ограничивается только согреванием тела аскета, умеющего развить это тепло.

Адепты тибетских тайных учений знают несколько разновидностей «тумо».

Тумо экзотерическое, возникающее во время некоторых видов экстаза стихийно, постепенно окутывает мистика «сладостным теплом покровов богов». Эта разновидность «тумо» обеспечивает отшельнику нормальное самочувствие на снежных вершинах.

«Тумо» мистическое имеет очень отдаленное отношение к понятию тепла, так как, судя по описанию, оно позволяет посвященному вкусить «райское блаженство» еще в этом мире.

Слово «тумо» в тайном учении означает легкое пламя. Это пламя согревает летучий первородный флюид и заставляет скрытую в нем энергию подниматься по нитеобразным протокам «тса»⁴⁶ до макушки, заменяя плотское удовольствия наслаждениями умственного и духовного порядка.

Суеверия и своеобразные понятия о физиологии породили удивительные легенды на эту тему. Беру на себя смелость пересказать содержание одной из них.

Знаменитый подвижник Рестшунгпа, сгорая от желания сделаться ученым, покинул своего учителя Милареспу против воли последнего и отправился изучать литературу и философию в Лхасу, но из-за непослушания ему не повезло. По крайней мере, с религиозной точки зрения. Один богач, в восторге от учености и магических знаний молодого ламы, уговорил последнего отказаться от своих планов, жениться на его единственной дочери и сделаться, таким образом, его наследником. Это было еще до реформы Тсонг Кхапы, и безбрачие было для лам тогда необязательным. Молодая девушка совсем не разделяла восхищения своего отца особой Рестшунгпы, но ей пришлось подчиниться. Зато она превратила его жизнь в настоящий ад, и бедный муж очень скоро горько раскаялся, что ушел от учителя и позволил блеску богатства соблазнить себя. Его кротость не обезоружила молодую женщину, и в одно прекрасное утро она дошла до того, что ударила его ножом. И произошло чудо: вместо крови из раны потекла сперма.

Лама, передавший мне эту историю с глубокой верой в истинность рассказываемого, объяснил, что в результате практики тумо все тело Рестшунгпы было наполнено субстанцией жизни. Должна добавить, что другой лама посмеялся над наивностью своего собрата и дал другое объяснение – несомненно, благодаря практическому применению некоторых видов «тумо», тело наполняется производящей энергией, порождающей способности духовного созидания. Но эта энергия неуловима и невидима и не имеет ничего общего с грубой материей. Во всяком случае, очень немногие ламы, даже в среде мистиков, знакомы со всеми категориями «тумо». Но чудесное его действие, сохраняющее жизнь зимовщикам-анакоретам, согревая их среди снегов и вьюг высокогорных пустынь, известно всем тибетцам. Из этого следует, что в такой же степени распространено и умение получать это тепло: ламы, обучающие искусству «тумо», хранят

---

⁴⁶ Вена, артерия, нерв. – *Прим. авт.*

свои методы в тайне, утверждая, будто сведения, приобретенные понаслышке или из книг, практически бесполезны. Для успешной практики «тумо» необходимы личные наставления учителя-эксперта в этой области. Больше того, иметь надежду добиться положительных результатов могут только ученики, уже имевшие специальную подготовку. Самые важные из предварительных условий следующие: иметь навык в практике различных дыхательных упражнений, обладать способностью к интенсивной, приводящей к трансу, концентрации мысли, в результате доходящей до объективизации образов, наконец, нужно получить специальное посвящение «тумо» от ламы, облеченного для этого особой властью. Посвящению всегда предшествует длительный испытательный период.

Я думаю, испытательный срок, помимо прочих предусмотренных им целей, дает возможность учителю проверить, обладает ли кандидат достаточно крепким здоровьем. Несмотря на все мое доверие к методу «тумо», я все-таки немного сомневаюсь в его приемлемости для людей со слабыми легкими.

Не знаю, не пытался ли почтенный лама отделаться от меня радикальным способом, уступив моим настойчивым просьбам и сократив испытательный срок. Он просто приказал мне отправиться в одно пустынное место, искупаться там в ледяном потоке, а потом, не вытираясь и не одеваясь, провести, не двигаясь, в таком виде всю ночь в медитации. Было начало зимы, высота местности достигала 3000 метров. Я преисполнилась невероятной гордости, так как не схватила даже насморка. В дальнейшем мне пришлось насладиться еще одним таким купанием, на этот раз поневоле, оступившись при переходе вброд Меконга недалеко от Ракши на севере Тибета. Когда я выкарабкалась на берег, одежда на мне мгновенно заледенела, а мне нечего было сменить. Вполне понятно, почему тибетцы, часто страдающие от превратностей сурового климата, так высоко ценят спасительное искусство «тумо».

Приобщенный к этой науке ученик должен отказаться от шерстяной одежды и никогда не приближаться к огню. Поупражнявшись в течение некоторого времени под внимательным руководством учителя, послушник отправляется в отдаленное и совершенно пустынное возвышенное место. Нужно помнить, что в Тибете определение «возвышенный» употребляется только по отношению к местности, расположенной на высоте более 4000 метров.

Гуру «респа»⁴⁷ – те, кто носят одежду из хлопка – наставляют, что никогда нельзя тренироваться в получении «тумо» в помещении или селении, потому что воздух там заражен дымом, различные запахи, а также оккультные влияния противодействуют усилиям ученика и могут серьезно расстроить его здоровье.

Кандидат «респа», расположившийся в подходящем месте, уже не смеет ни с кем видаться, за исключением своего гуру. Последний приходит время от времени справиться о его успехах, или же ученик сам навещает учителя в его уединении. Кандидат должен тренироваться каждый день до рассвета и заканчивать относящиеся непосредственно к «тумо» упражнения до восхода солнца, так как обычно в это время его уже ждут другие занятия. Таким образом, до рассвета еще далеко, когда монах выходит из своей хижины или пещеры. Как бы ни было холодно, он абсолютно наг, или же имеет на себе один единственный покров из очень легкой бумажной материи. Начинаящим разрешается садиться на кусок циновки или на доску. Преуспевающие ученики сидят на голой земле, а на высшей стадии обучения – на снегу, на льду замерзшего потока и т. д. Упражнение нужно делать натощак, и до его окончания запрещаются всякие напитки вообще, и горячие напитки в частности.

Разрешаются две позы – либо обычная поза медитации со скрещенными ногами, либо сидячая поза на западный лад, при этом руки лежат на коленях, безымянный и средний палец подогнуты под ладонь, а указательный, мизинец и большой пальцы вытянуты. В

---

⁴⁷ Так называют экспертов в искусстве «тумо». – *Прим. авт.*

качестве вступления служат несколько дыхательных упражнений. Одна из преследуемых ими целей – обеспечить свободный проход воздуха через ноздри. Затем вместе с выдыханием мысленно извергаются гордость, гнев, ненависть, алчность, лень и глупость. При вдохе привлекаются и усваиваются благословения святых, дух Будды, пять мудростей, все, что существует в мире благородного и высокого.

Сосредоточившись на некоторое время, нужно отрешиться от всех забот и размышлений, погрузиться в глубокое созерцание и покой, затем вообразить в своем теле на месте пупка золотой лотос. В центре лотоса стоит сияющий, как солнце, или даже сам – настоящее солнце – слог «рам». Над ним находится слог «ма». Из этого последнего слога появляется богиня Дорджи Налджорма.

Эти мистические слоги, именуемые «семенем», нужно рассматривать не как обычные буквы, символически выражающие различные понятия, но, как стоящие во весь рост, наделенные способностью двигаться, живые существа. Например, «рам», – не мистическое наименование огня, но зародыш (семя) огня. Индусы придают большое значение артикуляции слов-зародышей. Они верят, что их созидательная сила заключается в издаваемом при их произношении звуке. В Тибете эти слоги употребляют, главным образом, в качестве схематических форм стихий, божеств и т. д. Тем не менее, некоторые оккультисты признают, что их можно использовать также и в качестве семени. Но, согласно теории, способ применения заключается не в звуковом воспроизведении слога, а в использовании его субъективного образа. Например, поскольку слог «рам» есть «зародыш огня», то постигший искусство маг, посредством субъективного образа этого слога может зажечь, что угодно или даже создать пламя без видимого горючего. Такова, по крайней мере, теория.

Как только вы представили себе образ Дорджи Налджормы, возникающий из слога «ма», нужно отождествиться с ней. После этого вы созерцаете букву «а» на месте ее пупка и букву «ха» (одна из букв тибетского алфавита) на ее макушке. Медленные глубокие вдыхания, действуя наподобие кузнечных мехов, раздувают тлеющий под пеплом огонь. Это пламя находится в «а» и имеет форму небольшого комочка (тибетское сравнение: «круглый как овечий помет и такой же величины»). Каждый вдох дает ощущение воздушной струи, проникающей в живот до пупка и раздувающей огонь. За каждым глубоким вдохом следует задержка дыхания, причем продолжительность ее постепенно возрастает. Мысль продолжает сосредоточенно следить за рождением пламени, поднимающимся по вене «ума», проходящей вертикально в центре тела.

Тибетцы заимствовали у индусов три магические вены, играющие важную роль в духовной тренировке йогов. Мистические вены, впрочем, не имеют ни малейшего отношения к кровеносным венам. Это тончайшие нервные нити, исполняющие роль проводников энергии. Помимо трех главных вен, именуемых тибетцами «рома», «ума», «киангма», имеется много других. По мнению ученых мистиков, такой вид нервной сети не имеет никакой физической сущности – это только фиктивное, воображаемое представление токов энергии. Субъективные видения и сопровождающие их ощущения координируются рядом постепенных изменений. Вдохи, задержки дыхания и выдохи производятся ритмично, причем безостановочно повторяется мистическая формула. Внимание необходимо полностью сосредоточить на видении огня и связанным с ним ощущением теплоты, исключив все другие мысли или мысленные образы.

Все упражнение состоит из десяти частей или этапов, следующих один за другим без перерыва.

Привожу краткое изложение десяти этапов упражнения:

1. В воображении создается и созерцается образ «ума» – центральной «вены» в волос толщиной. Она наполнена вздымающимся по ней пламенем. При дыхании через пламя проходит воздушная струя.

2. Вена расширяется до размеров мизинца.

3. Толщина вены доходит до толщины руки.

4. Вена наполняет все тело и имеет теперь вид трубы, вмещающей печную топку.

5. Тело не ощущается. Непомерно раздувшаяся вена вмещает теперь всю вселенную, и наджорпа впадает в состояние экстаза, он чувствует, будто превращается в развеваемое ветром пламя среди пылающих волн огненного океана.

Новички, не имеющие еще опыта длительной медитации, проходят через эти пять этапов быстрее, чем более опытные. Последние, погружаясь в созерцание, задерживаются на каждом из них дольше. Тем не менее, чтобы достигнуть пятого этапа, даже самому проворному ученику требуется не меньше часа.

Затем субъективные видения повторяются в обратном порядке.

6. Буря стихает. Волны бушующего пламени постепенно спадают и успокаиваются. Пылающий океан уменьшается и, наконец, поглощается телом.

7. Вена не превышает толщины руки.

8. Вена сужается до размеров толщины мизинца.

9. Вена теперь не толще волоса.

10. Вена исчезает. Видение огня, так же как и другие формы и образы, становятся невидимыми. Равным образом рассеиваются представления о каких бы то ни было предметах. Сознание тонет в «Великой Пустоте», двойственность воспринимающего субъекта и воспринимаемого объекта больше не существует.

Продолжительность транса обусловлена степенью умственного и духовного развития наджорпы.

Это упражнение, включая пять последних этапов или без них, можно повторять несколько раз в день или в любое время, когда холод дает себя чувствовать, но собственно тренировка состоит в утренних упражнениях.

Милареспа прибег к «тумо», когда в результате снежного обвала оказался пленником в своей пещере в Латши Кханг (гора Эверест) и был вынужден прожить в ней почти без припасов до весны. Это приключение Милареспа воспел в знаменитых на Тибете стихах. Цитирую отрывок из них в вольном переводе:

Когда постыла мне мирская суета,
И я на склонах Латши Кханг искал уединения.
Тогда Земля и Небо сговорились
И бурю-вестника послали мне.
В союз воды и воздуха стихии
С грядюю мрачных туч вступив,
Луну и Солнце полонили.
На звезды маленькие вихрем налетели
И сдули их с темнеющего неба,
В туманный саван звезды взрослые окутав,
И снег пошел тогда и шел без перерыва
Девять ночей и девять дней. Большие хлопья
Были густы как клочья шерсти,
Они летели вниз, порхая точно птицы.
Снежинки мелкие, словно горох или горчицы зерна
Спускались, скатывались и кружились в вихре.
Неописуема была беспредельность снежных масс:
Вверху снег покрывал ледниковые гребни,
Далеко внизу снежный океан затопил лес до макушек
деревьев.
Снег выбелил черные горы,
Мороз выгладил волнистые воды озер,
И голубые ручьи скрылись под ледовым покровом.
Засыпанные снегом горы и лоцины превратились в

равнину,

Люди в деревнях были, как узники в темницах,
Домашние животные голодали
Птицы и дикие звери постились,
Мыши и крысы хоронились в земле под снежной
печатью,
как клады.
В эту пору бедствия
Снег и зимняя вьюга вступили на белой горе
В битву с моей легкой одеждой.
Падающий снег таял на мне, превращаясь в ручеек.
Ревущий ураган бессильно бился о тонкую ткань платья,
Облекавшего мое пылающее тело.
Здесь воин бился за жизнь, сражаясь со смертью,
И, одержав победу, я преподал отшельникам
Пример, свидетельствующий о великой добродетели
«тумо».

Милареспа поэтически описывает свои впечатления, но в них нет ничего исключительного. Многие тибетские анахореты зимуют в таких же условиях. Разница заключается в том, что Милареспа был отрезан снегами неожиданно, не имея необходимых запасов провизии, и в плохо защищенном месте.

Я не настолько безрассудно самонадеянна, чтобы сравнивать свое зимнее «дачное» платье и житье в нем в горах Тибета с подвижничеством отшельников типа Милареспы. Но описываемый в его стихах пейзаж мне хорошо знаком. Часто – и даже недалеко от того же Латши Кханга – я имела возможность созерцать подобные пейзажи с вершины своего уединения и, хотя я не испытывала недостатка в провизии и топливе, и могла разжигать костер, все же я имею право судить о суровости этого необычайного существования. Я вспоминаю великое, ничем не нарушаемое безмолвие, восхитительное одиночество, невыразимый покой, затопивший мою пещеру... Не думаю, что нужно сожалеть о тех, кто проводит там свои дни. Они достойны скорее зависти, чем сожаления.

Помимо описанного выше упражнения, есть еще и другие, также рассчитанные на получение «тумо». Они более или менее однородны. Метод всегда состоит в сочетании длительных задержек дыхания и объективизации воображаемого пламени, что совпадает с приемами самогипноза.

Учение Нароты о «Шести Тайных Доктринах» включает раздел о «тумо». Вот краткое изложение предлагаемого им метода:

Присесть на корточки, скрестить ноги, пропустив их под бедрами, и соединить руки. В этом положении:

1. Вращать желудок три раза справа налево и три раза слева направо.
2. Делать желудком взбивающие движения с максимально возможной энергией.
3. Раскачиваться, встряхиваться, подражая движениям норовистой лошади, и слегка подпрыгнуть, не меняя позы со скрещенными ногами.

Эти три упражнения нужно повторить три раза и закончить большим прыжком, наджорпа должен постараться подскочить возможно выше. Нет ничего удивительного, если после такой гимнастики бывает жарко. Описанное упражнение сродни практике индусской Хатха-йоги. Упражнение продолжают, задерживая дыхание до тех пор, пока живот не примет «форму горшка». Затем следует объективизация образа Дорджи Налджормы, как и в первом из описанных методов. Нужно вообразить себе по солнцу в каждой ладони, под подошвами ног и под пупком. При трении друг о друга солнц в руках и ногах вспыхивает огонь. Огненные языки доходят до солнца под пупком, и последнее вспыхивает в свою очередь, наполняя все тело пламенем.

При каждом выдохе кажется, будто пылает весь мир.

Упражнение заканчивается двадцать одним большим прыжком. (Выдержка из сочинения Нароты «Трактат о Шести Доктринах».)

Хотя в обеих описанных системах тренировки, существуют некоторые сходные моменты в объективизации образов, все-таки разница между ними очень велика, так как вторая система состоит из множества движений и прыжков, в то время как первая требует полной неподвижности.

В двух этих методах, как и во всех других, преследующих ту же цель, уже давно тренировавшиеся в развитии «тумо», производят вдохи, задержки дыхания и выдохи в установленном порядке механически. Все манипуляции не нарушают ни концентрации мысли на мираже огня, ни сопровождающего созерцание мысленного повторения мистической формулы. Успевающим ученикам не приходится напрягать воображение, чтобы видеть разгорающееся пламя, видение развивается само по себе, и приятное ощущение тепла разливается по всему телу, что и является конечной целью упражнения.

Иногда период обучения «тумо» заканчивается подобием экзамена. Зимней лунной ночью уверенные в своем умении ученики отправляются со своим учителем на берег еще не замерзшего потока. Если все водные бассейны в округе уже закованы льдом, во льду пробивают отверстие. Выбирают ночь, когда дует сильный резкий ветер, – такие ночи в Тибете не редкость. Кандидаты на звание «респа», совершенно голые, усаживаются, скрестив ноги на земле. В ледяную воду окунают простыни. Они замерзают в проруби и извлекаются оттуда совсем твердыми. Каждый ученик закутывается в такую простыню; он должен ее отогреть и высушить собственным телом. Как только простыня высыхает, ее снова мочат в проруби, и испытуемый снова в нее заворачивается. Эта процедура продолжается до рассвета, и тот, кто высушил на себе больше всех простыней, объявляется победителем.

Говорят, некоторым удастся высушивать таким образом до сорока простыней за ночь. Тут следует учесть долю преувеличения, а также уточнить размеры простыней – они иногда бывают крошечными и даже совсем символическими. И все-таки «респа» действительно высушивают своим телом несколько кусков ткани величиной с большую шаль. Могут засвидетельствовать это как очевидец.

Ученик должен высушить на себе не меньше трех простыней, прежде чем его признают достойным носить юбку из белой ткани – отличительный признак овладевших искусством «тумо». По крайней мере, таково было правило древнего устава, но вряд ли его точно придерживаются в наши дни.

«Респа» – человек, всегда одетый в платье из легкой хлопчатобумажной ткани. При этом, само собой разумеется, на нем может быть только один покров. Однако на Тибете нет недостатка в «респа», скрывающих под легкой хлопчатобумажной тканью теплую одежду. Эти обманщики либо настоящие мошенники, стремящиеся провести доверчивых простаков с корыстными целями, либо действительно изучавшие искусство «тумо», но слишком недолго, чтобы приобрести прочные навыки. В противовес им существуют анахореты – большие специалисты в области «тумо». Они превосходят «респа», так как отказываются даже от легкого хлопчатобумажного платья и живут в горах совершенно голыми в течение определенного времени, или же постоянно, до самой смерти.

Тибетцы подобными подвигами очень гордятся. Они не упускают случая поиздеваться над голыми йогами во время паломничеств по дорогам Индии. Тибетцы не понимают, что в Индии нагота – не демонстрация исключительной физической выносливости, но символ полного отречения от всего мирского. Один из тибетских «сверх-респа», прошедший обучение тумо в области Кханг-Тизе (западный Тибет), шел в Гайя (город в Индии, где Будду посетило озарение. Место паломничества буддистов всего мира) через Непал в сопровождении одного из друзей и слуги-мирянина. Проходя по равнинам Индии, он набрел на одного «садху», возлежащего на циновке в лучах жаркого солнца. Его лицо и вся поза дышали бесстыдным самодовольством. Это рассмешило анахорета ледяного безмолвия.

– Ну, приятель, – сказал он индусу, – приглашаю тебя полежать в таком костюме на

берегу озера Мопханг (соленое озеро в западном Тибете), там у тебя будет совсем другая физиономия.

Индус, разумеется, не понял говорившего по-тибетски ламу и недоумевал, почему так непочтительно хохочут перед ним странники-чужестранцы. Мне рассказал об этом случае сам остроумный анахорет, его и в старости еще смешило воспоминание о своей шутке.

Общий вывод: в начале тренировки явление развивающегося тепла или ощущение тепла длится только во время упражнения. Как только концентрация мысли и дыхательная гимнастика прекращаются, холод постепенно снова дает себя чувствовать. Напротив, у тех, кто занимается этой тренировкой систематически многие годы, генерация тепла при понижении температуры воздуха становится естественной функцией, включающейся, так сказать, автоматически.

Помимо состязания в высушивании мокрых тряпок, существует еще много способов проверки «тумо». Один из них состоит в испытании снегом. Соискатель садится в снег. Количество растаявшего под ним снега и величина радиуса таяния вокруг него служат показателями интенсивности излучаемого им тепла.

Трудно переоценить важность владения искусством «тумо». Как бы там ни было, его эффективность, по-видимому, вполне доказана. Отшельники действительно живут всю зиму голые или прикрытые совсем легкой одеждой среди снегов на очень больших высотах.

Кроме меня, их видели очень многие. Члены экспедиции, штурмовавшей вершину Эверест, заметили издали несколько таких анахоретов. О себе могу сказать, что для той скромной степени, в какой я сама изучала «тумо», я добилась замечательных результатов.

Передача вестей по воздуху

Тибетские мистики – люди неразговорчивые. Те из них, у кого есть ученики, пользуются для их обучения особыми приемами, где речь занимает очень мало места. Описание их любопытной методики выходит за рамки данной работы. Достаточно здесь отметить, что ученики отшельников-созерцателей видят своего учителя редко, через большие промежутки времени. Длительность разрывов обусловлена степенью успехов ученика или его духовными нуждами, причем о последних может судить только учитель. От встречи до встречи с учителем проходят долгие месяцы и даже годы. Однако, невзирая на такое отделение, когда обстоятельства этого требуют, учитель и ученики (преимущественно наиболее духовно развитые из них) имеют возможность общаться между собой.

В тайное учение тибетцев, как один из его разделов, входит и телепатия. По-видимому, в высокогорных районах «Страны Снегов» она выполняет роль беспроводного телеграфа, недавно вошедшего в обиход в Европе. Но тогда как в наших странах аппаратура связи поставлена на службу всему обществу, летучая передача вестей «по ветру» (слово «рлунг» означает «воздух», «ветер», а иногда даже «дыхание» на тибетском языке. Это выражение можно перевести: «передача по воздуху», «через воздух» и т. д.) остается привилегией ограниченного меньшинства тибетских посвященных.

На Западе телепатия не новость. Явления телепатии не раз отмечались обществами, занимающимися исследованиями человеческой психики. Но почти всегда эти явления носили случайный характер и происходили помимо сознания их участников. Что касается экспериментальных попыток произвольно устанавливать телепатическую связь, результаты их остаются сомнительными, поскольку их нельзя повторить по желанию с достаточной уверенностью в успехе.

У тибетцев дело обстоит совершенно иначе. Они считают телепатию наукой, поддающейся изучению, как и всякие другие науки. Ею могут заниматься все, получившие необходимую подготовку и обладающие соответствующими способностями для применения теории на практике. Для овладения техникой телепатии рекомендуются различные методы.

Но тибетские адепты тайных учений единогласно приписывают первопричину этого явления очень интенсивной, доходящей до транса концентрации мысли.

Интересно отметить, – как ни мало телепатия изучена на Западе, но в отношении причин, ее вызывающих, там пришли к тому же выводу, что и тибетцы.

Учителя мистики говорят, что желающий овладеть искусством телепатии должен в совершенстве управлять своим сознанием так, чтобы произвольно вызывать концентрацию мысли на одном-единственном объекте, причем эта концентрация должна быть очень интенсивной, от чего и зависит успешное применение телепатии на практике.

Роль сознательного «приемника», всегда готового реагировать на тончайший сигнал телепатических волн, считается почти такой же трудной, как роль «передаточной станции». Готовящийся стать «приемником» прежде всего должен настроиться на человека – возможного передатчика сигналов. У ламаистов одним из столпов духовной тренировки служит такая интенсивная концентрация мысли на одном предмете, что все другие объекты исчезают из поля сознательного восприятия. С другой стороны, эта тренировка предусматривает также упражнения, направленные на развитие способности воспринимать различные токи неуловимых сил, бороздящих вселенную по всем направлениям.

Некоторые утверждают, что телепатия, подобно «тумо» и другим полезным, но не обязательным талантам, только непроизвольное побочное достижение, приобретаемое в процессе духовного совершенствования и, следовательно, делать ее предметом специального изучения излишне. Есть другая точка зрения: сила, приобретаемая в процессе духовного совершенствования, позволяет применять на практике телепатию и большинство других оккультных способностей. Но тот, кто не способен достигнуть высоких ступеней мистического пути, или же вовсе к этому не стремится, имеет право стараться преуспеть хотя бы на какой-нибудь из его боковых тропинок. Как правило, в этом учителя-мистики единодушны, и многие из них заставляют своих учеников упражняться в телепатии.

Некоторые анахореты-созерцатели могут воспринимать на расстоянии сообщения от своего духовного наставника и без предварительной тренировки. Этот факт считают следствием их глубокого почтения к учителю. Полагают также, что небольшое число мистиков стихийно получают способность передавать мысли на расстоянии.

Основы обучения для изучающих телепатию сжато можно обрисовать следующим образом.

Прежде всего, необходимо выполнять все упражнения, вызывающие состояние транса при концентрации мысли на одном объекте до тех пор, пока субъект не сольется с объектом.

Нужно в равной степени тренироваться в выполнении дополнительных упражнений, а именно: «опустошать» сознание от всякой умственной деятельности, создавая в нем безмолвие и совершенный покой.

Затем следует распознавание и анализ разнородных явлений, вызывающих внезапные и, по-видимому, необъяснимые психические и физические ощущения, особые состояния сознания: радость, печаль, страх и, кроме того, неожиданные воспоминания о лицах, предметах, событиях, как будто не имеющих никакой связи с ходом мыслей или действиями человека, в памяти которого они всплывают.

После того, как ученик тренируется подобным образом в течение нескольких лет, он допускается к совместным медитациям с учителем. Оба запираются в тихой, скудно освещенной комнате и концентрируют свои мысли на одном и том же предмете. В конце упражнения ученик сообщает учителю все фазы своей медитации, различные идеи, возникшие в ее процессе, субъективные представления. Эти данные сопоставляются с моментами медитации учителя: сходство и расхождения отмечаются.

На следующем этапе ученик, ничего не зная о предмете медитации учителя, старается воспрепятствовать возникновению в своем сознании мыслей, создать в нем вакуум и наблюдать неожиданно появляющиеся мысли, чувства, представления, как будто чуждые его собственным интересам и представлениям. Возникшие у ученика во время упражнения

мысли и образы снова подвергаются анализу ламы, сравнивающего их с тем, что он мысленно внушал ученику во время сеанса.

Теперь учитель будет давать ученику уже конкретные задания. Последний должен в это время сосредоточиться, находясь на небольшом расстоянии от наставника. Если приказы восприняты, это будет видно из ответов или действий послушника. Тренировка продолжается, причем дистанция между учителем и учеником постепенно увеличивается. Они теперь находятся не в одном помещении, но занимают разные комнаты в том же здании, или же ученик возвращается в собственную хижину или пещеру, а через некоторое время удаляется от жилища ламы на расстояние уже в несколько километров.

На Тибете вообще никто и не сомневается в способности ученых мистиков читать чужие мысли, когда им заблагорассудится. Поскольку учитель обладает таким умением, его ученик, естественно, может тренироваться в передаче ему телепатических сигналов: учитель узнает об этом намерении прежде, чем он успеет собраться с духом, чтобы начать опыт. Поэтому его ученики начинают с упражнений по обмену телепатическими сигналами на расстоянии между собой.

Двое или несколько послушников объединяются для проведения этого упражнения под руководством своего ламы. Их тренировка почти совпадает с приведенным выше описанием. Старшие ученики проверяют свои успехи, посылая кому-нибудь без предупреждения телепатические сообщения сверх предусмотренных планом упражнений и в такой момент, когда адресат занят чем-нибудь и, по всей вероятности, совсем не думает ни о каких телепатических сигналах.

Другие посредством телепатической связи стараются внушить мысли или действия тому, с кем они раньше никогда не тренировались вместе. Некоторые пытаются внушать действия животным.

На подобные занятия и на различные другие упражнения, направленные на достижение этой же цели, уходят годы. Невозможно определить, сколько учеников из числа всех, проходящих эту суровую тренировку, добиваются реальных результатов. Было бы заблуждением приравнять групповые занятия оккультизмом к школам с большим контингентом учащихся типа колледжей в крупных монастырях. Между ними нет ни малейшего сходства. В какой-нибудь уединенной равнине самое большое человек шесть учеников собираются на короткое время вокруг жилища отшельника (обычно учеников бывает меньше). Далеко от обители, в другом горном ущелье можно иногда встретить еще трех-четыре послушников, примитивные хижины которых расположены по кругу радиусом один-два километра, в центре которого находится пещера учителя. Упражнения духовной тренировки выполняются таким образом очень ограниченным числом человек, к тому же находящихся не в одном месте.

Каковы бы ни были успехи адептов, систематически готовящихся к применению телепатических связей на практике, все же наиболее авторитетные учителя-мистики совсем не поощряют этих занятий. Они смотрят на старания приобрести сверхнормальные способности как на лишнюю всякого интереса детскую игру. Считается вполне доказанным, что великие созерцатели могут по желанию иметь телепатическую связь со своими учениками и даже, утверждают некоторые, с любым живым существом в мире. Но, как я уже неоднократно отмечала, эти способности – побочный продукт их собственного духовного совершенства и результат глубоких знаний законов психики. Когда, благодаря духовному озарению, венчающему долгие искания и труды, перестают рассматривать себя и «других» как совершенно обособленные, лишены точек соприкосновения сущности, телепатическая связь осуществляется очень просто. Но, полагаю, благоразумнее будет не обсуждать здесь, какая доля истины и какая фантазии содержится в этих теориях.

Хочу еще добавить, что связь между учениками и учителем вульгарными средствами – например, падающими с потолка или очутившимися при пробуждении адресата под подушкой письмами – тибетским мистикам неизвестна. Когда их спрашивают о подобных вещах, им бывает очень трудно поверить в серьезность собеседника и не принять

его просто за непочтительного зубоскала. Мне приходит на память забавная реплика ламы из Трашилхумпо, когда я рассказала ему, что некоторые «пхилинг»⁴⁸ верят в возможность сношений такими средствами с духами умерших и даже с некоторыми тибетскими учителями-мистиками. – И эти люди завоевали Индию! – воскликнул лама, пораженный наивностью грозных англичан-завоевателей.

Из моих многолетних наблюдений могу заключить, что для телепатической связи, как впрочем и всех других явлений психического порядка, среда в Тибете исключительно благоприятна. Каковы же конкретно условия, способствующие возникновению необычных явлений? Было бы опрометчиво пытаться определенно ответить на этот вопрос, когда сама природа психических явлений остается для нас еще не раскрытой. Не следует ли учитывать некоторые факторы, связанные с большой высотой над уровнем моря тибетской территории, и затопившим всю страну океаном великого безмолвия? Эту необыкновенную тишину слышно – если выбрать такое необычное сравнение – даже сквозь грохот самых бешеных горных потоков. Вероятно, проявлению духовных сил человека благоприятствует также отсутствие больших поселений, т. к. жители их всегда создают своей деятельностью многочисленные круговороты духовной энергии, нарушающие тончайшие волны, которые, возможно, обуславливают возникновение психических явлений. Каковы бы не были причины, но телепатическая связь, произвольная или бессознательная, по-видимому, в Тибете не редкость.

Говоря о моем личном опыте, могу с уверенностью заявить – я сама получала сообщения на расстоянии от имевших со мной дело лам. Очень возможно даже, что таких сообщений было гораздо больше, чем я думаю. Но, в качестве проверенных наблюдений, отмечаю небольшое число случаев, когда через несколько дней или даже месяцев после получения сигналов ламы, посылавшие их, сами осведомлялись о результатах опыта.

Помимо сообщений духовного плана, которые можно приписать не только телепатии, но и определенному совпадению представлений у учителя и ученика, я хочу рассказать о двух случаях совсем другого порядка.

Один из них произошел в долине реки Дэнши во время моего путешествия в Лхасу. Лама, применивший прием, показавшийся мне характерным проявлением телепатической связи, принадлежал к братии монастыря Тшедзонг. Мы с Ионгденом ночевали в овраге под открытым небом. Овраг этот был проложен водами ручьев в период дождей, но в это время года он был сух и звонок от мороза. У нас не было топлива, и мы не смогли вскипятить утром чай с коровьим маслом, составлявший наш обычный завтрак, и, чтобы пройти за день положенное расстояние, мы отправились в путь натошак. Около полудня мы увидели недалеко от дороги почтенного вида ламу, сидевшего на ковре от седла⁴⁹ и кончавшего трапезу. Лама был в обществе трех молодых монахов, больше походивших на сопровождавших своего наставника учеников из хороших семейств, чем на обычных слуг. Неподалеку паслись четыре стреноженные лошади, старательно щипавшие редкие стебли сухой травы. Путники везли вязанку дров и разожгли костер: от чайника, стоявшего на горячей золе, еще шел пар. Как и подобало нищенствующим паломникам (это было путешествие с переодеванием), мы очень вежливо приветствовали ламу. Вероятно, наши лица выразили желание позавтракать, вызванное видом чайника. Лама пробормотал: «нииндже»,⁵⁰ и уже громко пригласил нас присесть к костру и достать свои чашки для чая и

---

⁴⁸ Так называют в Тибете англичан и всех чужеземцев белой расы. – *Прим. авт.*

⁴⁹ Тибетцы ездят на деревянных седлах с мягкой подбивкой. На седло кладут ковер особой формы. – *Прим. авт.*

⁵⁰ Слово, выражающее жалость и сочувствие. Приблизительно: «какая жалость», «как грустно», «бедняга». – *Прим. авт.*

тсампы.⁵¹ Один из молодых трапа слил остатки чая нам в чаши, положил перед нами мешочек тсампы и пошел помогать товарищам седлать и вьючить лошадей. Одна из них вдруг испугалась чего-то, вырвалась и ускакала. В дороге это весьма обычное происшествие. Один из монахов взял веревку и отправился ее ловить. Лама был не из болтливых. Он молча следил за резвящейся на сжатых полях лошадей. Мы продолжали молча есть. Оглядевшись, я заметила на земле пустую деревянную миску с остатками простокваши. Я догадалась, что ламе дали простоквашу на видневшейся неподалеку от дороги ферме и прошептала на ухо Ионгдену:

– Когда лама уедет, мы пойдем и попросим на ферме простокваши.

Я говорила очень тихо, но старик, по-видимому, расслышал. Он устремил на нас испытующий взгляд и долго меня рассматривал, повторяя вполголоса: «нииндже». Потом он отвернулся. Лошадь отбежала недалеко, но разыгралась, и трапа было трудно к ней подойти. В конце концов ему удалось набросить ей на шею веревку, и тогда лошадка сразу послушно пошла за своим молодым хозяином. Лама продолжал сидеть неподвижно, устремив взгляд на идущего к нам трапа. Вдруг последний остановился, на мгновение замер на месте в сосредоточенной позе, потом подвел лошадь к скале и, привязав ее там, сошел с дороги и направился к ферме. Вскоре я увидела, что юноша возвращается, неся в руках какой-то предмет. Когда он подошел ближе, этот предмет оказался деревянной миской, полной простокваши. Трапа не поставил ее перед учителем, но продолжал держать в руках, вопрошая ламу взглядом: – это то, чего вы хотели? Что мне теперь делать с этой миской? На эти безмолвные вопросы лама ответил кивком головы, приказывая ученику отдать простоквашу мне.

Второй подобный случай произошел, собственно, не в Тибете, а на пограничной территории, входящей в китайские провинции Кансу и Цзетшун. На опушке огромного леса, протянувшегося между Таган и перевалом Кунка, к моей маленькой группе присоединилось шесть путешественников. За этой местностью укрепилась дурная слава – по ней бродили дерзкие тибетские мародеры и, когда путникам предстояло пересечь ее, они старались объединяться по возможности в крупные и хорошо вооруженные караваны. Пятеро из наших товарищей были китайскими купцами, а шестой оказался «нгагспа бонпо» – великаном с длинными волосами, замотанными в кусок красной ткани и уложенными в гигантский тюрбан. Как всегда, стараясь узнать что-нибудь новое о религиозных учениях и обычаях тибетцев, я пригласила одинокого странника разделять наши трапезы, надеясь заставить его разговаривать на интересующие меня темы. Великан рассказал, что он направляется к своему учителю, магу «бонпо», занятому сейчас совершением большого «дубтхаб» (магического обряда) на одной из окрестных гор. Цель обряда – порабощение демона, ожесточенно преследующего своей злобой одно из небольших местных племен. После многочисленных дипломатических околичностей я выразила желание повидать мага. Бонпо, не раздумывая, возразил – это невысказано, учителя ни в коем случае нельзя тревожить в течение всего лунного месяца, пока совершается обряд.

Понимая, что настаивать бесполезно, я решила схитрить и поехать вслед нгагспа, когда он с нами распрощается за перевалом. Если я явлюсь без предупреждения, может быть, мне удастся хоть мельком увидеть магический круг и другие ритуальные аксессуары волшебника. План показался мне удачным, и я велела слугам получше следить за нгагспа, чтобы он не вздумал уйти от нас украдкой. Очень возможно, что слуги слишком громко обсуждали между собой мои действия. Во всяком случае нгагспа узнал, какую шутку я собираюсь сыграть с его гуру, и предупредил меня, что все мои попытки заранее обречены на неудачу. Я ответила, что никаких плохих намерений у меня нет, я только хочу дружески побеседовать с магом с целью пополнить свои знания, а слугам приказала еще бдительнее

---

⁵¹ Бедные странники всегда носят при себе деревянную чашу в нагрудном кармане, образуемом складками широкого, перепоясанного кушаком, платья. – *Прим. авт.*

сторожить нашего попутчика. Он не мог не заметить, что превратился в пленника, однако прекрасно понимал, что ничего плохого ему не сделают, а кормят хорошо – последнее тибетцы чрезвычайно высоко ценят – и охотно подчинился этому обстоятельству.

– Не бойтесь, я не убегу, – сказал он мне. – Вы даже можете приказать меня связать, если вам угодно. Мне совсем не нужно спешить, чтобы предупредить учителя о вашем приходе. Он уже предупрежден. «Гнайс лунг ги тенг ла лэн танг тсар» (я ему послал весть по воздуху).

Нгагспа любят хвастаться и приписывать себе множество способностей. Поэтому я отнеслась к его словам не внимательнее, чем к обычной похвальбе его собратьев по черной магии. Но на этот раз ошиблась.

Пройдя перевал, мы вступили в альпийскую зону. На этих огромных плато нельзя было найти ни одного укромного местечка для засады, и особенно бояться разбойников было уже нечего. Китайские купцы, в лесу не отходившие ни на шаг от моих людей ни днем ни ночью, вскоре скрылись из виду, погоняя своих мулов. Я приготовилась ехать за нгагспа, собиравшегося свернуть с тропы, как вдруг из-за пригорка появилась небольшая группа всадников и во весь опор помчалась к нашему каравану. Подскакав ко мне, они сошли с коней и в знак приветствия преподнесли мне «кхадаг»⁵² и несколько кусков масла. Когда церемония вежливости была закончена, один пожилой всадник сказал, что великий маг «бонпо» послал их просить меня отказаться от намерения посетить его. Ему сейчас никого нельзя видеть, и никто, за исключением одного из учеников, получивших приказ, не смеет приблизиться к тому месту, где он соорудил магический круг.

Пришлось отказаться от своего плана. Оказалось, что нгагспа действительно послал своему учителю предупреждение «по ветру». Упорство не привели бы ни к чему. Хотя, невзирая на полученное доказательство необычайных способностей ученика, я все-таки не верила, что оккультное могущество его учителя сможет воспрепятствовать мне приехать к нему, нельзя было сомневаться в реальности окружавших меня хорошо вооруженных сильных горцев. Они держались очень почтительно и, конечно, не испытывали ко мне никакой вражды. Но если бы мое упрямство поставило под угрозу успешное выполнение обряда, их поведение могло бы измениться.

Вручив нгагспа один «кхадаг» и немного денег для его учителя, я поздравила тибетцев с редким счастьем иметь в своей среде первоклассного мага, и мы расстались друзьями.

Зрительная телепатия, по-видимому, тоже существует в Тибете. Если верить жизнеописаниям знаменитых лам в интерпретации тибетцев, мы можем найти в них множество примеров подобных явлений. Но истина и вымысел так тесно переплелись в этих древних «житиях», что в отношении повествуемых там чудес невольно перевешивает сомнение в их правдивости.

Тем не менее и в наши дни встречаются люди, утверждающие, будто у них самих были видения, переданные на расстоянии средствами своеобразной телепатической связи. Эти видения не имеют никакого сходства со снами. Иногда они возникают во время медитации, иногда, когда человек занят посторонними делами.

Один лама «тсипа» (астролог и математик) рассказал мне, как однажды во время еды вдруг увидел одного своего друга, ламу «гиюд» (лама, окончивший школу магического ритуала). Он не виделся с ним уже много лет. Этот лама стоял у дверей своего дома с незнакомым молодым трапа. У юноши была за плечами котомка, и он имел вид собравшегося в дорогу путника. Молодой монах, прощаясь, распростерся у ног ламы, и последний сказал ему, улыбаясь, несколько слов, указывая пальцем на север. Тогда трапа повернулся в указанную ему сторону и снова распростерся у ног ламы. Поднявшись, он перекинул через плечо свой плащ, соскользнувший на землю во время коленопреклонения, и

---

⁵² Шарфы служа у тибетцев во всех случаях подношениями в знак вежливости. – *Прим. авт.*

тсипа заметил, что одна из пол плаща была разорвана. Затем видение рассеялось. Через несколько недель к нему пришел этот юноша. Его прислал друг ламы-тсипа, лама-гиюд, с просьбой обучить молодого человека различным астрономическим вычислениям. Трапа сообщил, что при прощании с учителем, тот сказал ему: так как вы отправляетесь теперь к новому наставнику, вам следует приветствовать и его. С этими словами он указал на север, где находилось жилище тсипа. Кроме того, тсипа увидел дыру на плаще своего нового ученика, замеченную им во время видения.

Я спросила, хотел ли этим видением лама-гиюд предупредить своего друга о прибытии к нему ученика, но тсипа не смог ответить на этот вопрос. Рассказанный им случай произошел недавно, и у него еще не было возможности снестись со своим другом.

Нужно сказать, что тибетцы, как правило, совсем не стремятся производить расследование психических явлений, и это составляет одно из главных препятствий в работе исследователя. Тибетцы рассматривают психические явления как факты, если не совсем обычные, то, во всяком случае, и не настолько необыкновенные, чтобы возбудить у свидетелей или людей, просто знающих о них, непреодолимое желание анализировать эти факты. Они не нарушают в сознании тибетцев сложившихся представлений о законах природы, о том, что «возможно», а что «невозможно», как это бывает на Западе. Большинство тибетцев в равной степени как невежественные, так и ученые, непреложно верят, что все возможно для того, кто «умеет», и поэтому происходящие у них на глазах чудеса не пробуждают у них никаких чувств, кроме восхищения ловкостью совершающего эти чудеса человека.

Глава 7

Мистические теории и духовная тренировка

Тибетское духовенство подразделяется на две большие группы. К первой группе принадлежат монахи, признающие средством спасения соблюдение нравственных правил и монастырского устава; ко второй все остальные, предпочитающие чисто интеллектуальный метод, свободный от каких бы то ни было ограничений.

Приверженцы этих двух систем вовсе не отделены друг от друга непроницаемой перегородкой. Почти все монахи первой группировки признают, что добродетельная жизнь и монастырская дисциплина, как бы необходимы они ни были, составляют только простую подготовку к вступлению на путь более высокого совершенствования. Что касается последователей второй группы, все они, без исключения, глубоко убеждены в благотворности неукоснительного соблюдения нравственности и, кроме того, единодушно утверждают, что для большинства людей первый метод наиболее подходящ. Чистота, добрые дела, в первую очередь милосердие, отрешенность от материальных интересов, безмятежность духа, — то есть добродетели, развиваемые монашеской жизнью должны медленно, но неуклонно привести монаха к духовному озарению, которое и есть спасение.

Второй метод, именуемый «прямым путем», считается в высшей степени авантюрным. Учителя, наставляющие в этом пути, говорят, что избирающий «прямой путь» поступает как путник, желающий подняться на горную вершину сразу по прямой линии, а не постепенно по вьющейся горной тропе. Он взбирается на вершину по крутизне, перебираясь через пропасти с помощью перекинутой через них бечевки. Только из ряда вон выходящий альпинист, необычайной силы и ловкости, не ведающий, что такое головокружение, может надеяться совершить подобный спортивный подвиг. Даже самые опытные и сильные не застрахованы от внезапной слабости, и тогда — один неверный шаг, движение — и самонадеянный альпинист низвергается вниз и разбивается вдребезги. Так образно изображают тибетцы страшное духовное падение, приводящее на дно распутства и порока, до состояния существа низшей демонической природы. Именно так характеризуют мистики учения этих двух школ.

Но мыслители и ученые в Тибете, как и всюду, составляют ничтожное

меньшинство. Среди приверженцев «устава» и «дисциплины» можно встретить немало индивидов, ведущих растительное существование в монастырях, а под девизом абсолютной свободы скрывается множество людей, для которых совершенно недоступны никакие вершины духовного совершенства. Это, впрочем, не мешает им быть необычайно живописными. Среди них можно встретить полную гамму чародеев, прорицателей, некромантов, оккультистов и магов – от самых убогих до занимающих исключительно высокое общественное положение. Нет ничего забавнее оригинальных толкований «полного освобождения», придуманных их причудливыми головами.

Официальное духовенство, то есть монахи, объединяемые общим наименованием секты «Желтых колпаков» («Гелуг-па»), основанной реформатором Тсонг Кхапа, поддерживает метод «обязательного устава».

Сект «Красных колпаков» реформация совсем не коснулась, или затронула только наполовину. Большинство членов братии этих сект преимущественно в монастырях «Сакья-па» и «Кхагиуд-па» – в наши дни, отдает предпочтение методу осмотрительного соблюдения обязательных правил. Так было не всегда, поскольку основатели «Кхагиуд-па» – лама Марпа и, главным образом, подвижник-поэт Милареспа были ярко выраженными последователями «прямого пути». Монахи общины «Сакья-па», возникшей приблизительно в то же время, в самом начале были магами, и в их монастырях оккультные науки насаждались специально. То же происходит и сейчас, но теперь среди избранного меньшинства монахов с магией успешно конкурирует философия.

И все-таки истинных адептов «прямого пути» можно встретить преимущественно вне монастырских стен. Это они заселяют «тсхам кханги» (домик, специально выстроенный для анахорета-затворника) и отшельничают в пустынях и на высоких снежных вершинах.

Вступающие на этот чреватый опасностями путь руководствуются побуждениями различного порядка – некоторых влечет к нему желание получить ответ на философские проблемы, по их мнению, решенные в книгах не полностью или неверно; другие мечтают о могуществе мага. Немногими движет предчувствие скрытого за всеми учениями знания более глубокого, чем известно, надежда открыть новые грани существования развитием органов восприятия более совершенных, чем обычные наши пять чувств. И они стремятся выработать в себе соответствующие способности. Есть среди них и мудрецы, постигнувшие истину, что все добрые дела, вместе взятые, бессильны освободить нас из темницы мира и от собственного «я», и они стараются обрести тайну нирваны. Наконец, небольшое число любознательных полускептиков толкает на этот путь намерение узнать на собственном опыте, какая доля истин заключается в передаваемых друг другу шепотом удивительнейших историях о некоторых чудесах, совершаемых великими налджорпами.

Почти все эти жаждущие озарения адепты, стремящиеся часто к цели, неясной для них самих, принадлежат к членам монашеского ордена. Это, впрочем, не обязательно. Монашескому сану свободные мистики придают или мало, или совсем никакого значения. Для них имеют значение только степени посвящения.

Между простым монахом и кандидатом на посвящение имеется существенная разница. Монаха приводят в монастырь его родители в возрасте восьми или девяти лет, и он часто остается в монастыре скорее по привычке, чем по настоящему призванию. Кандидату же на посвящение почти всегда больше двадцати лет, и он следует собственному влечению, не удовлетворяясь обычной монашеской жизнью, и настойчиво стремится попасть в ученики к наставнику мистического пути. Такое начальное различие обстоятельств оставляет отпечаток на всей дальнейшей карьере этих двух разновидностей тибетских подвижников.

Выбор духовного наставника – гуру, как говорят индусы, – чрезвычайно важный момент, от которого зависит весь жизненный путь молодого претендента на звание «кандидата тайных наук». Жаждущие знаний порой стучатся совсем не в подходящую дверь и попадают в такой переплет, какой им и не снился.

Если молодой монах довольствуется духовным руководством ламы, живущего в монастыре или в частном доме, неподалеку от монастыря, и если этот лама не анахорет и не

«экстремист» «прямого пути», то можно надеяться, что с учеником не случится ничего трагического. В течение более или менее длительного испытательного срока учитель проверяет, на что ученик способен. Возможно, он впоследствии объяснит ему смысл только нескольких философских книг, обратит его внимание на значение некоторых символических диаграмм («кйил-кхор») и научит основным методическим медитациям. Если лама сочтет его способным на большее, он наметит для него программу духовного развития. Тибетцы резюмируют такую программу тремя словами, обозначающими ее этапы:

Тава: смотреть, изучать.

Гомпа: думать, размышлять.

Тшиепа: завершение и результат двух предыдущих упражнений.

Другой, менее распространенный вариант, повторяет то же самое, но в слегка измененной форме.

Темне: искать значение, смысл всего существующего.

Лаб: изучать то и другое во всех подробностях.

Гом: думать, размышлять о том, что открыто.

Тоге: понимать.

Чтобы ученик имел возможность спокойно предаваться медитациям и другим упражнениям программы, лама приказывает ему затвориться в «тсхам».

Необходимо сообщить несколько подробностей об этой практике, так как она играет важную роль в религиозной жизни Тибета. Прежде всего, следует отметить, что очень многие прибегают к этому виду уединения из побуждений, далеко не столь возвышенных, как только что перечисленные.

* * *

Значение слова «тсхам» – барьер, граница, демаркационная линия. На религиозном языке «тсхам» означает затворничество, уединение, окружение себя непреодолимым барьером. Ограда эта бывает разная. Для великих мистиков она считается исключительно духовной, и вокруг них нет надобности воздвигать никакого материального барьера.

Существует много разновидностей «тсхам», причем каждая из них имеет еще несколько вариантов. Начиная с самого мягкого вида заточения и кончая самым суровым, можно наблюдать следующие его формы: лама или даже просто благочестивый мирянин запирается в своей комнате или в своем жилище. Он или совсем не выходит, или же выходит только для совершения благочестивого дела, например, чтобы обойти один или несколько раз вокруг храма. В зависимости от принятого им устава, тсхам-па позволяет иметь краткие беседы с членами своей семьи (если он мирянин или состоящий в браке лама), со своими слугами и некоторыми редкими посетителями, если в соответствии с обетом он имеет право им показываться и их видеть.

Часто затворнику запрещается вообще видеть кого бы то ни было, за исключением слуг, и во время визита гость, не входя в комнату, занимаемую тсхам-па, разговаривает с ним из-за занавески, так что они не видят друг друга.

Переходим к более суровому виду затворничества. Одним тсхам-па разрешено видеть только своего слугу; другие дают обет молчания и сообщают распоряжения слуге письменно. Некоторые тсхам-па отказываются видеть окружающий пейзаж или вообще что бы то ни было, за исключением неба, и занавешивают часть окна. Затворники, подчиняющиеся еще более строгому режиму, завешивают все окна, чтобы не видеть и неба; дневной свет проникает к ним через занавес или бумагу.

Тсхам-па следующей категории не общаются и не видятся ни с кем. В этом случае

еда затворника и все, что ему может потребоваться, оставляется в соседней комнате. Слуга, удаляясь, дает сигнал о своем уходе, и тогда тсхам-па идет и ест, пьет или берет принесенный ему предмет и затем дает знать, тоже сигналом, что вернулся в свою комнату. Иногда он уносит оставленную ему пищу к себе. Такие тсхам-па тоже отдают приказания письменно, или же вообще не позволяют себе ни о чем просить и тогда, что бы им ни понадобилось, они ничего потребовать не могут. Если забывают принести еду, им приходится попоститься.

Отшельничество в собственном жилище обычно не слишком затягивается, в особенности, если обет затворничества суров. Максимальная длительность такого затворничества не превышает и года. Чаще всего дело идет о трех месяцах, месяце, а иногда даже только о нескольких днях. Миряне вообще редко проводят в уединении больше одного месяца.

Более строгому затворничеству не подходит обычно в жилище, где, несмотря на все предосторожности, шум и движения занятых мирскими делами людей проникают через закрытую дверь. Монастыри строят разные домики, специально предназначенные для этой цели. Иногда затворник созерцает окружающий пейзаж через окно, между тем как другие жилища обнесены стенами, загораживающими вид на весь внешний мир. Стены образуют дворик, и тсхам-па может прогуливаться и сидеть на свежем воздухе, не видя ничего за пределами дворика и оставаясь в свою очередь невидимым снаружи. Специальными жилищами пользуются только монахи. Они часто живут в них по несколько лет подряд. Классический срок – три года и три месяца. Многие повторяют этот срок на протяжении своей жизни несколько раз, а некоторые заключает себя в тсхам до самой смерти.

Слуга тсхам-па часто живет на кухне домика, видит своего хозяина и говорит с ним. В других случаях он живет отдельно в хижине, не видится с затворником и никогда с ним не разговаривает. В стене тсхам-кханга делается небольшое двойное окошечко, и тсхам-па получает пищу через него. Как правило, он ограничивается одной трапезой, но чай подается несколько раз в день.

Существует затворничество еще более суровое – заточение в абсолютной темноте.

Медитации во мраке практикуются в Индии и в большинстве других буддистских стран. Бирманцы строят для этой цели специальные помещения, – во время моего пребывания в горах Сагхэн я видела разные варианты таких келий. Но монахи проводят в них только несколько часов. В Тибете, напротив, есть люди, живущие в полном мраке многие годы и даже замурованные в этих могилах по доброй воле на всю жизнь.

Некоторые из специальных тсхам-кхангов намеренно плохо освещены и вентилируются естественным образом. Но часто, когда желательна полная темнота, затворник выбирает себе жилищем пещеру или же строит под землей келью-землянку, куда воздух подается по трубам, устроенным таким образом, что света они пропускать не могут. Когда затворничество подходит к концу, тсхам-па привыкает к свету постепенно; чем длительней было затворничество, тем медленнее допускается свет в его жилище.

Эта операция обычно, но не обязательно, выполняется самим затворником, и на нее иногда уходят многие месяцы. Сперва в перегородке тсхам-кханга проделывается отверстие величиной с булавочную головку, и эту дырочку мало-помалу увеличивают до размеров маленького окна. Название «тсхам-кханг» относится, главным образом, к домикам, построенным по соседству с монастырем. Когда они стоят в пустынной местности, они называются «рите». Путешествующим по бездорожью время от времени попадаются маленькие колонии «рите-па» (обитатель рите, отшельник). Их крошечные жилища разбросаны среди лесов или лепятся по каменистым откосам. Рите никогда не строят в долинах. Он всегда цепляется за откос высоко над горной бездной. Выбор места для его постройки подчиняется особым законам. Основные правила сооружения рите выражены в следующих двух строчках тибетских стихов:

Гиаб рии таг,

Дюне рии тсо.

Сзади горная скала,
Спереди горное озеро.

Из этого следует, что рите должен прислоняться к горному склону, а фасад его должен возноситься над озером или, по крайней мере, над каким-нибудь потоком. Полагается также, чтобы отшельник из своего жилища мог беспрепятственно наблюдать восход и заход солнца. При постройке рите нужно соблюдать еще и другие правила, в зависимости от преследуемой отшельником цели.

В этих рите живут монахи-созерцатели или же монахи вообще, если особенности их духовной тренировки требуют покоя более полного, чем возможная в монастырских условиях тишина. Очень часто эти монахи не живут затворниками. Они ходят по воду к источнику или ближайшему ручью, собирают топливо, прогуливаются вокруг своего домика или располагаются перед ним для медитации на свежем воздухе. Некоторые места расположения рите настолько уединенны, что затворничество не имеет никакого смысла.

Далеко не все рите-па – адепты «прямого пути», но почти все они, в той или иной мере, мистики или оккультисты. Тем не менее, среди них порой встречаются и ученые, удалившиеся в пустыню для занятий, чтения или же работы над какой-нибудь книгой.

Что касается убежденных налджорпа, тех, кто карабкается по крутым подъемам «прямого пути» или же царят на вершинах тибетского мистицизма, то они никогда не объединяются, а живут в кое-как приспособленных для жилья и почти недоступных пещерах. Самая непроходимая глушь едва ли может удовлетворить их неистовую жажду одиночества.

На Западе принято думать, будто человек не может привыкнуть к слишком долгому заключению в полной изоляции. Когда изоляция бывает слишком длительной, она вызывает серьезные мозговые нарушения, имеющие следствием отупение и полное безумие. Для категории индивидов, служивших объектами для изучения воздействия длительной изоляции, это мнение, вероятно, не лишено оснований. Сюда относятся смотрители маяков, потерпевшие кораблекрушение, путешественники, сбившиеся с дороги в пустынной местности, заключенные в одиночку и т. д. Однако эти наблюдения не имеют никакого отношения к тибетским отшельникам. Последние выходят из своего добровольного заточения в здравом уме. Можно оспаривать теории, разработанные ими во время долгих медитаций, но невозможно усомниться в ясности их мышления.

В конце концов, удивляться тут нечему. Эти люди подготовлены к одиночеству. Прежде чем запереться в своем тсхам-кханге, или уединиться в пустыне, они накапливают в памяти множество идей, долженствующих служить им собеседниками во время уединения. Кроме того, каким бы продолжительным ни было их удаление от мира, они никогда не остаются бездеятельными. Каждый час времени, уже потерявшего для них значение реального фактора – они порой даже теряют сознание дня и ночи – наполнен различными упражнениями, систематической работой над своим духовным развитием, приобретением оккультных знаний или же медитациями над философскими проблемами. В общем, захваченные своими исследованиями и самонаблюдением, эти люди никогда не бывает праздными и едва ли ощущают свое одиночество.

По крайней мере, мне никогда не приходилось слышать, чтобы какой-нибудь отшельник или тсхам-па жаловался на свое одиночество, даже в самом начале затворничества. Обыкновенно вкусившие сладость одиночества бывают уже не в состоянии снова привыкнуть к жизни в населенной местности и поддерживать отношения со своими ближними. Даже вне связи с религиозными доктринами или соображениями аналогичного порядка, жизнь отшельника не лишена очарования. Когда отшельник закрывает дверь тсхам-кханга или же, созерцая с вышины своей орлиной обители снег, падающий внизу в долине, представляет себе, что этот снег завалит на много месяцев все доступы к его хижине,

он испытывает чувство сладостного блаженства. Но нужно пережить все это самому, чтобы понять всю привлекательность подобного существования.

Упражнения, выполняемые затворником во мраке тсхам-кханга очень разнообразны и слишком многочисленны, чтобы кто-нибудь мог сделать полный их перечень. Очевидно, нет на свете человека, изучившего все существующие их разновидности. В тибетской мистической литературе встречаются более или менее подробные описания только некоторых из упражнений. Но в большинстве таких описаний много недомолвок. В них намеренно умалчивается о наиболее интересных для нас моментах смысле и цели упражнений. Исчерпывающие сведения можно получить только от учителя, хранящего учения устного предания. При этом ни в коем случае нельзя удовлетворяться разъяснениями лишь одного учителя, так как толкования бывают разными в зависимости от секты, а также от учителя. Большая часть упражнений для новичков заимствована из индусского тантризма,⁵³ занесенного в Тибет миссионерами буддистских сект «Нгагс кии тхегпа» и «Дорджи тхегпа». Но в этих упражнениях можно обнаружить и другие элементы, и в действительности дух всей системы в целом отличается от сущности тантризма, насколько можно судить об этом при наших еще элементарных о нем сведениях.

Я слышала, как один ученый лама утверждал, что смелые теории абсолютной интеллектуальной свободы и отказ от каких бы то ни было обязательных правил, исповедуемые самими искушенными адептами «прямого пути» – только слабый отголосок учения, существовавшего в незапамятные времена в центральной и северной Азии. Этот лама твердо верил, что доктрины, изучаемые в процессе высших степеней посвящения самими крайними адептами «прямого пути», полностью согласуются с доктринами Будды. Во всяком случае, – добавил лама, – Будда тоже понимал, что для большинства людей лучше придерживаться закона, рассчитанного на предотвращение дурных последствий их невежества и направляющего на путь, где не грозит духовная гибель. По этой причине Будда составил правила поведения, обязательные для мирян и простых монахов.

Лама этот очень сомневался в принадлежности Будды к арийской расе и приписывал ему предков с желтой кожей. Он был убежден, что грядущий преемник Будды – Мадтрейя будет выходцем из северной Азии. Откуда он все это взял? Я не смогла выяснить. С восточными мистиками спорить невозможно. Если они говорят: «Я видел это во время медитации», – из них вытянуть что-нибудь не удастся. Однако этот ученый лама, немало путешествовавший и много повидавший на своем веку, уверял, будто некоторые монгольские ламы разделяют это мнение относительно Будды и его ожидаемого преемника.

Само собой разумеется, не все затворники тсхам-кханга обладают высоким умственным развитием, и вовсе не предаются там трансцендентальным размышлениям. Многие ограничиваются повторением тысяч, даже миллионов раз одной и той же формулы, чаще всего санскритской мантры, совсем не понимая ее смысла. Несмотря на то, что затворник иногда повторяет и тибетский текст, значение его обычно остается для него таким же темным, как и слова чужого языка. Одна из самых популярных формул называется «киабдо» (направляться к пристанищу). Я сама напевала ее миллионы раз, странствуя по Тибету под видом нищей-паломницы. Я выбрала именно эту формулу, так как ее знали все, и поэтому она не привлекала внимания. Напевая ее, я казалась совершенно поглощенной своим благочестивым занятием, и мне с успехом удавалось избегать докучливых и затруднительных вопросов – откуда я иду, куда направляюсь, какова цель путешествия и тому подобных разговоров, угрожавших моему инкогнито. Значение слов формулы далеко не тривиально. Вот оно:

Я ищу пристанища во всех приютах чистоты,
О, вы, отцы и матери, блуждающие по кругу

---

⁵³ Религия, сменившая в Индии ведизм. – *Прим. авт.*

Последовательных возрождений, облакаясь в различные
Оболочки шести разновидностей живых существ,
Чтобы быть как Будда, не знающий страха и страдания,
Да обратятся мысли ваши к знанию.

Очень известная форма тсхама заключается в затворничестве в какой-нибудь хижине или даже в собственной комнате, чтобы повторить эти слова сто тысяч раз и совершить такое же число земных поклонов.

Тибетцы знают два вида поклонов. Первый, под названием «тшагс тсал» очень похож на китайский поклон «коту», отличаясь от него только тем, что до коленопреклонения поднимают над головой соединенные по-индусски руки и затем опускают их до уровня пояса в три такта с задержкой на каждом такте, имеющей символическое значение. Обычно это движение выполняется быстро, так что трудно заметить эти задержки. Именно так приветствуют, всегда троекратно, статуи богов в храмах, великих лам, священные книги и здания. Второй вид коленопреклонения «кианг тшагс» совершают, как в Индии, простираясь на землю во весь рост. Такой поклон предназначен для выражения очень высокого благоговения. Произнося вышеприведенную формулу, нужно совершать именно этот «кианг тшагс». Поскольку по ритуалу полагается стучаться лбом об пол или о землю, в зависимости от места совершения поклонов, на лбу набивается синяк и образуется опухоль, а иногда даже рана. По особому внешнему виду опухоли и ран знатоки узнают причину их возникновения, а также определяют, дал ли «киабдо» желаемые результаты.

Перейдем от этих благочестивых простаков к категории тсхам-па, мнящих себя неизмеримо выше всех остальных своих коллег. Они тренируются, делая дыхательную гимнастику по системе йогов. Гимнастика эта состоит в том, что тренирующийся принимает определенные позы во время выполнения различных способов вдыхания, задержки и выдоха. Тсхам-па часто тренируются совершенно голыми, и форма живота во время задержки дыхания служит одним из признаков, позволяющих судить о степени приобретенной учеником квалификации.

Тибетцы утверждают, что помимо физических способностей (некоторые из них были описаны в предыдущей главе), овладевшие техникой вдыхания достигают победы над страстями, гневом, плотскими желаниями и обеспечивают себе безмятежность, склонность к размышлению, пробуждение духовной энергии.

«Дыхание – лошадь, дух – всадник», – говорят мистики Тибета. Нужно, чтобы лошадь была покорна. Но дыхание также влияет на тело и на дух, из чего следуют два метода: самый легкий, умиротворяющий дух через дыхательный процесс; и более суровый – регулировать дыхание, добиваясь спокойствия духа.

К дыхательным упражнениям, повторяемым по несколько раз в день, затворник часто присоединяет медитацию-созерцание, прибегая к помощи «кйилкхоров» (магических кругов). Кйилкхор – вид диаграммы, начертанной на бумаге или ткани, или же выгравированной на камне, металле или дереве. Некоторые «кйилкхоры» изготавливают при помощи маленьких флажков, светильников, ароматических палочек, «торма», сосудов, наполненных различным содержимым и т. п. и изображают целый мир в миниатюре. Но участвующие в них персонажи и окружающие их аксессуары обычно представлены аллегорически. Например, божества или ламы изображаются в виде маленькой пирамиды из теста, именуемой «торма». «Кйилкхоры» чертят также на досках или на земле сухими порошкообразными красками. В одной из четырех высших школ крупных монастырей Тибета, а именно в школе «Гиюд», монахам преподают искусство составления разнообразных кйилкхоров. Существует множество их разновидностей. В монастырях «Сакья-па» я видела кйилкхоры по крайней мере трех метров в диаметре. Они нарисованы порошкообразными красками и закреплены маленькими палочками, что дает возможность наносить краски слоями различной толщины. Таким образом получается рисунок, напоминающий рельефные географические карты. Эти гигантские колеса заключаются в

ограду из дерева или раскрашенного картона, изображающую крепостные стены с воротами. В надлежащих местах располагают алтарные светильники и маленькие флажки.

Трапа, желающие достичь совершенства в этом виде архитектуры, тратят годы на изучение ее законов. Ламы утверждают, будто малейшая ошибка в рисунке, красках, размещении действующих лиц или окружающих предметов может навлечь страшные несчастья, так как «кйилкхор» – магическое средство и обращается против неумелого профана. Нужно добавить, что никто не смеет строить или чертить «кйилкхор», не получив предварительно специального посвящения, причем каждая разновидность «кйилкхора» требует соответствующей степени посвящения. «Кйилкхор», сооруженный непосвященным, останется мертвой вещью, не имеющей силы. Вообще, знанием символического значения «кйилкхоров» и искусством им пользоваться обладают только немногие ламы, удостоенные высших степеней посвящения. Естественно, что «кйилкхоры» сложной конструкции или больших размеров в тсхам-кхангах не встречаются. Здесь формы и диаграммы «кйилкхоров» чрезвычайно упрощаются. Кроме того, тайные «кйилкхоры» мистиков отличаются по форме от «кйилкхоров», изготавливаемых в монастырях-гомпа.

Вероятно, в самом начале своего духовного воспитания послушник получает от учителя-ламы необходимые указания для построения диаграммы, предназначенной выполнять функции того, что тибетцы именуют «тен» (опора, предмет, привлекающий и фиксирующий внимание). В центре «кйилкхора» помещают центральную фигуру – божество или бодхисаттву (главное действующее лицо). Вокруг него представляют мир, в котором это лицо предположительно обитает, и существа, этот мир населяющие, изображая их материальными средствами – фигурами или другими символами, уменьшающими эффект абстрактности. Ученик должен научиться четко распознавать разнообразные образы. Сперва он будет прибегать к помощи вычитанных в книгах описаний внешности божества, его одеяния, поведения, вида его жилища, местности, где оно расположено и т. д. Но со временем тсхам-па уже не нужно будет припоминать подробности, соответствующее представление возникает само собой, непроизвольно, как только он усаживается перед «кйилкхором». Многие ученики, добившись таких результатов, почивают на лаврах, вполне довольные своими успехами и собой, и учитель никогда не делает ни малейшей попытки объяснить им, что они едва перевернули первую страницу мистической азбуки.

Ученику целеустремленному и настойчивому на следующем этапе предстоит вдохнуть жизнь в «кйилкхор», до сих пор бывший инертной вещью, простой памятной записью.

Индусы дают жизнь магическим диаграммам и скульптурным изображениям богов, прежде чем поклоняться им. Обряд этот именуется «прана-пратиштха». Цель его – вдохнуть при помощи духовной эманации в неодушевленный предмет жизненную силу верующего. Сообщенная предмету жизнь поддерживается ежедневными ему поклонениями. В сущности, он «питается» сосредоточенной на нем концентрацией мысли. Если этой питающей силы ему начинает не хватать, живая душа в нем чахнет и гибнет от истощения. Одухотворенный предмет снова превращается в мертвую материю. Последнее – одна из причин, почему индусы считают грехом прекращение ежедневного служения уже одухотворенным изображениям богов, за исключением тех случаев, когда даруемая им жизнь ограничена рамками особой церемонии. В таких случаях по окончании обряда их считают покойниками и с большой пышностью погребают в водах священной реки.

Тибетские мистики оживляют свои «кйилкхоры» аналогичным способом, но не с целью сделать их предметом поклонения; материальное изображение «кйилкхора» после определенного периода упражнений, когда он уже сделался совершенно умозрительным образом, убирают.

Привожу описание одного из самых употребительных для этого периода тренировки упражнений, выполняемого при посредстве материального «кйилкхора» или без него.

...Вызывают в воображении образ божества. Сначала созерцают только этот образ.

Затем из тела божества возникают другие формы. Некоторые из них идентичны по образу, другие отличаются друг от друга и от первоначального образа. Этих созданий часто бывает четыре, но при некоторых видах медитации они исчисляются сотнями, чаще их бывает неисчислимо множество. После того, как эти разнообразные божества, окружающие центральную фигуру, станут очень отчетливыми, они должны мало-помалу снова одна за другой раствориться в ней. Она опять оказывается в одиночестве и затем начинает расплываться. Первыми исчезают ноги и таким же образом, медленно и постепенно, рассеивается все тело. Наконец, исчезает голова, и от всей фигуры остается только точка. Она может быть темной, цветной или ярко светящейся. Учителя-мистики связывают с этой особенностью степень духовного развития ученика. В конце концов точка приближается к погруженному в медитацию ученику и входит в него. Тут тоже надо заметить, какой частью тела точка поглощается. За этим упражнением следует период медитации, и затем точка выходит из тела «налджорпа», причем нужно повторить указанные выше наблюдения. Некоторые учителя указывают ученику, в каком месте точка должна слиться с его телом и снова появиться. Обычно это место находится между бровями. Другие, наоборот, советуют не стараться направлять ход развития иллюзии и ограничиться только ее наблюдением. Или же наставник рекомендует тот или другой из этих методов в соответствии с преследуемой целью. Выделившаяся из тела ученика точка удаляется, превращается в головку, затем появляется все тело; из тела возникают другие формы, снова поглощаемые центральной фигурой. Фантасмагория опять разворачивается в том же порядке, повторяясь столько раз, сколько мистик сочтет полезным.

В других упражнениях в воображении возникает образ лотоса. Он раскрывает лепесток за лепестком, и на каждом из них восседает «бодхисаттва». Центральная фигура занимает венчик цветка. Распустившись, цветок постепенно закрывается, и каждый лепесток, свертываясь, испускает луч света, исчезающий в сердце лотоса. Наконец, когда венчик цветка в свою очередь свертывается, излучаемый из него свет проникает в погруженного в медитацию монаха. Это упражнение имеет много вариантов.

Другой вид тренировки состоит в представлении множества божеств, мысленно размещаемых во всех частях тела, сидящих на плечах, руках и т. д. Многие из стремящихся к вершинам мистических знаний довольствуются этой степенью достижений, забавляясь видениями вместо того, чтобы идти по пути совершенствования. Мое сухое описание может дать только отдаленное представление о своеобразии являющихся мистикам миражей. Благодаря всегда неожиданному богатству комбинаций, возникающих после определенного периода тренировок, видения эти легко превращаются для ученика в увлекательную игру. Перед зрелищами, услаждающими замурованного в своем тсхам-кханге затворника, бледнеют самые блестящие наши театральные постановки. Они имеют очарование даже для тех, кто не сомневается в их иллюзорности. Нет ничего удивительного в том, что человек, верящий в реальность и актеров, и спектакля, бывает совершенно захвачен восхитительной феерией. Но эти упражнения мистики-наставники придумали совсем не для развлечения отшельников. Настоящее их назначение – донести до сознания монаха, что все воспринимаемые нами явления – только миражи, создаваемые нашим воображением.

«Их порождает сознание
И сознание их убивает», –

поет поэт-подвижник Милареспа. В этих словах заключается основа учения мистиков Тибета.

Прежде чем перейти к следующей теме нашего исследования, я хочу уделить немного внимания затворникам, добивающимся развития магических способностей. Вообще, их всех можно разделить на две большие группы.

Первая, самая многочисленная группа, включает всех мистиков, желающих поработать могущественные существа – богов или демонов, и подчинять их своей воле.

Такие начинающие колдуны, разумеется, уверены, что существа из других миров, могущество которых они хотят использовать для удовлетворения своих желаний, существуют совершенно объективно.

Именно среди людей «тайных речений», «нгагспа» нужно изучать разнообразные типы колдунов, каждый из которых неповторим по своей красочности. Именно у них чаще всего бывают яркие психические явления, порой кончающиеся трагически для бессознательно вызываемого их легковерного мага.

Но здесь речь идет о простых «тсхам-па». Последние редко занимаются глубоким изучением магии. Их честолюбие удовлетворяется амплуа ламы, повелевающего стихиями дождя и града. Эта профессия обеспечивает солидный ежегодный оброк, взимаемый с крестьян за ограждение их посевов от всяких напастей и, кроме того, очень существенные побочные доходы. По этой причине многие мечтают о ремесле повелителя стихий и обучаются ему. И все-таки лишь очень ограниченное число монахов действительно преуспевает в этом трудном искусстве и пользуется, благодаря ему, славой и богатством. Ламы секты «Сакья-па» считаются в этой области экспертами, они захватили в ней почти полную монополию.

«Тсхам-па», стремящиеся подчинить себе существа из другого мира, обычно тренируются по методу «кйилкхор», хотя существует много других систем. Монах должен научиться прежде всего заманивать духов в сооружение или чертеж, намагниченные магическими обрядами, и удерживать их там насильно. Когда это ему удастся, остается только вырвать у пленников в обмен на свободу клятву покорности и помощи в намеченных колдуном предприятиях. Европейские средневековые колдуны и, по всей вероятности, колдуны всех стран на свете применяли аналогичные методы. Им, как и тибетским магам, было ведомо ярость попавшего в ловушку духа, борьба с ним и несчастья, постигавшие неумелого заклинателя, упустившего жертву, не обуздав и не вырвав у нее требуемого обещания.

Во вторую группу входят монахи, убежденные в той или иной степени, что в магическом спектакле лицедействует одна только собственная их воля, создавшая причудливые, нужные им на данный момент образы, так же как мы изготавливаем для каждого рода работы особые инструменты. Однако они никогда не отрицают подлинности трагедий, жертвами которых бывают порой и менее просвещенные собратья. Их объяснения подобных происшествий носят почти научный характер. В отношении самих себя они считают, что знания сущности волшебства недостаточно, чтобы гарантировать им полную безопасность от всех случайностей.

Можно было бы привести тысячи подробностей о затворниках «тсхампа», но приходится ограничиваться уже сказанным. Укажу только на следующий обычай: учитель будущего «тсхам-па», совершив соответствующие обряды, сам водворяет ученика в его темницу. Если заточение должно быть суровым, и монах будет получать пищу через окошечко в стене, духовный наставник лично запирает дверь кельи и запечатывает ее своей печатью. В других случаях лама-наставник время от времени навещает затворника, осведомляется об успехах его духовного подвига и дает ему советы. Наконец, если режим «тсхам» еще мягче, на двери кельи укрепляют полотнище со списком людей, имеющих разрешение входить к затворнику для услуг или с другими одобренными его гуру целями. Иногда около стены тсхам-кханга пожизненного затворника втыкают засохшую ветку дерева.

Когда речь идет о молодом монахе, жаждущем духовного руководства, не ламы-члена монастырского ордена, но анахорета-созерцателя, картина меняется. Методы наставления на путь истины здесь причудливы и суровы, порой до варварской жестокости. В предыдущих главах мы уже рассматривали подобные примеры.

Упомянутая мной триада «изучать; размышлять; понять» у настоящих адептов «прямого пути» приобретает особенную силу. Вся умственная деятельность ученика направляется указанными действиями. Иногда применяемые методы кажутся нелепыми, но

при ближайшем рассмотрении можно убедиться, что для достижения поставленной цели они действенны и очень- разумны. Кроме того, можно не сомневаться, что предлагающие эти методы учителя прекрасно учитывают умственное развитие своих духовных детищ и планируют задания соответственно этому.

Падмасамбхава излагает разделы программы духовного совершенствования системы «прямого пути» в такой последовательности:

1. Прочитать как можно больше разнообразных религиозных и философских книг. Часто слушать проповеди и речи ученых наставников, исповедующих различные истины и теории. Испробовать на себе самом всевозможные методы.

2. Из всех изученных доктрин выбрать одну, отбросив остальные, подобно орлу, намечающему себе добычу из целого стада.

3. Жить скромно и не стараться выдвинуться, иметь смиренный вид, не привлекать внимания, не стремиться быть равным великим мира сего. Но под личиной незначительности высоко вознести свой дух и быть неизмеримо выше славы и почестей земных.

4. Быть ко всему безразличным; поступать как собака или свинья, пожирающие все, что бы им ни попало; не выбирать лучшего из того, что вам дают; не делать ни малейшего усилия получить или избежать и т. д. Принимать, что выпадет на долю – богатство или бедность, похвалы или презрение; перестать отличать добродетель от порока, доблестное от постыдного, добро от зла. Никогда не скорбеть, не раскаиваться, не предаваться сожалению, что бы ни произошло; с другой стороны, ничему не радоваться, не веселиться и ничем не гордиться.

5. Бесстрастно и отрешенно наблюдать борьбу мнений и разнообразную деятельность живых существ. Думать: «Такова природа вещей, образ жизни различных индивидуальностей». Созерцать мир подобно человеку, глядящему с самой высокой вершины на расположенные далеко внизу горы и долины.

6. Шестой этап описать нельзя – он тождествен понятию пустоты.⁵⁴

Несмотря на подобию «учебных планов», бесполезно было бы пытаться установить правильную последовательность многочисленных упражнений, придуманных тибетскими «отцами пустыни». На практике все эти упражнения комбинируются, и не только каждый учитель-мистик имеет свой собственный, ему одному присущий метод, но редко даже в руководстве двумя своими учениками он применяет одинаковые приемы.

Нам необходимо примириться с хаосом, в общем, представляющим результат хаоса индивидуальных стремлений и склонностей; адепты «прямого пути» не желают упорядочить его и влить в одну общую форму. Девиз высоких вершин «Страны Снегов» – свобода. Но в силу какого-то удивительного парадокса монахи не используют эту свободу для самого полного подчинения своим духовным наставникам. Послушание обязательно только в отношении тренировки и образа жизни, предписываемых учителем. Ученику не навязывают никаких теорий. Его сознание всегда свободно, он может верить, отрицать, сомневаться, соответственно своим природным склонностям.

Один лама сказал как-то мне, что роль наставника «прямого пути» прежде всего заключается в руководстве подготовительным периодом очищения. Учитель должен побудить своего ученика освободиться от верований, идей, благоприобретенных привычек и врожденных склонностей – от всего, что развилось и укоренилось в его сознании как следствие причин, возникновение которых затеряно во тьме времени.

Поскольку невозможно дать последовательный перечень разнообразных упражнений, выполняемых учениками анахоретов, и так как никто, кем бы он ни был, не в состоянии знать все их разновидности, мы вынуждены ограничиться рассмотрением только некоторых упражнений и постараться самостоятельно выяснить, как каждое из них приводит

---

⁵⁴ В соответствии с тибетской формулой – «одушевленные существа лишены личности – „эго“». В общем смысле под понятием «пустота» можно понимать отсутствие «эго». – *Прим. авт.*

к конечной цели – «полному освобождению».

Особенно популярны два упражнения: одно из них заключается во внимательном наблюдении за непрерывной деятельностью сознания, причем нельзя создавать для нее помехи; другое, напротив, состоит в том, чтобы задерживать беспорядочную работу сознания, фиксировать его для концентрации мысли на одном предмете.

Начинающему назначают или то, или другое из этих упражнений. Иногда ему назначают только одно из них, а затем, через промежуток времени, другое – тоже только одно. Иногда попеременно – одно упражнение, а потом другое. Наконец, оба упражнения чередовать без перерыва в течение одного и того же дня.

Тренировка для выработки совершенной концентрации мысли служит подготовкой, необходимой при всех видах медитации. Все послушники проходят эту тренировку. Но наблюдение за круговоротом деятельности сознания рекомендуется только ученикам с развитым интеллектом.

Упражнения в концентрации мысли практикуются всеми буддистами. Секты южных стран – Цейлона, Бирмы, Сиам – иногда пользуются различными приспособлениями, «казинас», представляющими собой или круги из цветной глины разных оттенков, или покрытую водой круглую поверхность, или же огонь, наблюдаемый сквозь проделанное в экране круглое отверстие. Какую-нибудь из этих окружностей созерцают до тех пор, пока не начинают видеть ее с закрытыми глазами так же отчетливо, как и с открытыми. Последнее упражнение рассчитано исключительно на создание привычки к концентрации сознания и совсем не ставит себе целью вызвать гипнотическое состояние, как полагают некоторые авторы. Кроме «казинас», впрочем, существует еще много других пособий. Для тибетцев характер выбранного для тренировки предмета совершенно безразличен. Считается, что следует отдавать предпочтение предмету, лучше других привлекающему и фиксирующему мысль начинающего адепта.

Это положение хорошо иллюстрирует известный в Тибете анекдот. Один юноша просит отшельника быть его духовным наставником. Учитель желает, чтобы ученик приобрел прежде всего навыки концентрации сознания. – «Чем вы обычно занимаетесь», – спрашивает он жаждущего озарения «налджорпа». – Я пасу яков, отвечает тот. «Хорошо», – говорит «гомтшен», – «сосредоточьте мысли на яке». Ученик располагается в пещере, до некоторой степени приспособленной для жилья, каких много в районах пастбищ, и начинает тренировку. Через некоторое время учитель отправляется к предающемуся медитации ученику и зовет его, приказывая выйти к нему. Ученик слышит зов, встает и хочет покинуть свое убежище. Но медитация достигла намеченной цели – он уже отождествил себя с объектом, на который были направлены его мысли и до такой степени с ним слился, что потерял ощущение собственной личности. Барахтаясь в выходе пещеры, будто стараясь преодолеть какое-то препятствие, ученик заявляет: «Я не могу выйти, мне мешают рога». Юноша чувствовал себя яком.

Одна разновидность упражнений в концентрации мысли заключается в выборе какого-нибудь пейзажа, например, сада. Его созерцают, наблюдая во всех подробностях. Запоминают растущие в нем разнообразные цветы, их расположение, деревья, присущую каждому из них вышину, форму ветвей, разницу в листве, и так, последовательно изучая все подробности, обходят весь сад, запоминая все особенности, какие только удастся отметить. Создав себе отчетливое представление о саде, когда его видишь так же с закрытыми глазами, как и с открытыми, начинают из составляющего сад сочетания признаков мысленно одну за другой удалять различные детали. Постепенно цветы теряют окраску и форму, они рассыпаются, и даже оставшаяся от них пыль рассеивается. Деревья лишаются листвы, их ветви сжимаются, будто входят в ствол, потом ствол утончается и превращается в простую линию. Линия эта становится все тоньше и, наконец, исчезает. В результате остается только голая земля. У земли теперь нужно отнять камни, почву. Земля, в свою очередь, исчезает и т. д. Такие упражнения приводят к уничтожению представлений о мире форм и материи, к последовательному достижению чистого и бескрайнего пространства, пониманию

бесконечности сознания и, наконец, к постижению сферы «пустоты» и сферы, где нет ни сознания, ни отсутствия сознания. Эти четыре вида медитации в буддизме считаются классическими, их называют «медитация без формы».

Для достижения указанных выше своеобразных состояний сознания выработано очень много методов. Порой такие состояния бывают последствием созерцания при выключенной рассудочной деятельности, между тем, как в других случаях они достигаются в результате ряда кропотливых самонаблюдений или же исследований и размышлений о явлениях внешнего мира. – Наконец, – говорят тибетцы, – есть люди, впадающие в подобное состояние внезапно, без всякой подготовки, независимо от места, где они находятся и дела, которым они заняты.

Другое распространенное упражнение при обучении мистиков состоит в созерцании какого-нибудь предмета. Нужно всецело на нем сосредоточиться, так, чтобы не только ничего кроме него не видеть, но и ни о чем больше не думать. Постепенно теряется ощущение собственной личности, и созерцатель начинает отождествлять себя с созерцаемым предметом, как в случае, когда ученик почувствовал себя яком. На этом нельзя останавливаться ни в коем случае. Превратившись в созерцаемый предмет, то есть, испытывая уже особые ощущения, которые могут быть следствием формы, размеров и других его свойств, нужно созерцать уже самого себя извне, как предмет внешнего мира. Таким образом, ученик, выбравший предметом созерцания дерево, забывает свою человеческую природу и ощущает, будто его тело – жесткий, негнувшийся древесный ствол с ветвями, ощущает колебание ветвей, их движение, скрытую в коленях жизненную силу, циркуляцию его соков и т. д. Затем уже в качестве дерева, ставшего субъектом, он должен созерцать сидящее перед ним человеческое существо, ставшее объектом, рассматривать его и изучать во всех подробностях. После этого, переместив свое сознание в сидящего человека, он снова начинает рассматривать дерево, затем в качестве дерева будет опять созерцать человека. Чередующееся перемещение из субъекта в объект и наоборот, повторяется столько раз, сколько потребуется. Это перемещение выполняют и в помещении при помощи статуэтки, палки, именуемой «гом шинг» (дерево медитации) или ароматической палочки. Такую палочку зажигают в полном мраке или в темной комнате, и созерцание такой палочки благоприятствует подготовке к медитации. Эта подготовка называется «ниам пар жаг па». Ее назначение приводить сознание в состояние совершенного покоя. Созерцание маленькой огненной точки горячей ароматической палочки содействует созданию такого покоя. Это очень древний буддистский прием. Буддхагосха в одном из своих трудов, озаглавленном «Маноратха Пурани», рассказывает о монахине Утпалаварна, которая «фиксировала свое сознание на созерцании светильника и достигала совершенного знания, пользуясь этим созерцанием, как ведущей к нему ступенькой».

Занимающиеся медитацией планомерно и систематически, усаживаясь на отведенное для медитации место, испытывают ощущение человека, сбросившего с плеч тяжелую ношу. Освободившись от груза и скинув обременительную одежду, он вступает в страну молчания. Именно это чувство покоя и освобождения мистики называют «ниам пар жаг па» (сглаживать, выравнивать, то есть, умирять все эмоции, поднимающие «волны» в сознании).

Есть еще более редкое упражнение, заключающееся в перемещении сознания в собственном теле. Его описывают следующим образом: мы ощущаем сознание у себя в сердце. Руки кажутся нам придатками к телу; ноги – частью тела, очень от нас отдаленной. В сущности, мы думаем о себе как субъект об объекте вне нас. Ученик должен попытаться извлечь «сознание – субъект» из его обычного обиталища и переместить его, например, в кисть руки. Тогда он должен почувствовать себя предметом, имеющим форму ладони с пятью пальцами на конце длинного придатка (руки), соединяющего его с большой движущейся массой (телом). У него будет то же ощущение, какое нам пришлось бы испытать, если бы глаза помещались не в голове, а в кисти руки, и если бы эта кисть – снабженное глазами вместилище нашего разума, чтобы рассмотреть голову и тело,

поднималась бы и опускалась на конце длинного придатка (руки) вместо обычного для нас движения глаз – взгляда на рассматриваемый предмет.

Какую цель преследует эта экзотическая гимнастика? Вероятно, обычный ответ на этот вопрос никого не удовлетворит. Но, тем не менее, по всей вероятности, ответ этот единственно возможный и правильный. Ламы мне отвечали: «Эту цель объяснить нельзя, так как тот, кто не сумел добиться успешных результатов упражнений, все равно ничего в объяснениях не поймет. Такая тренировка дает возможность испытывать психические состояния, совсем отличные от обычно нам свойственного, позволяет выходить из условных границ, поставленных нами самими нашему „я“ и, как следствие, ясно постигнуть, что „я“ не существует». Один из лам в разговоре воспользовался моей репликой в качестве аргумента для подтверждения своих теорий. Как-то он говорил мне о «сердце, обиталище сознания и духа», и я заметила мимоходом, что жители Запада считают их средоточием не сердце, а мозг. Мой собеседник немедленно возразил: «Вы прекрасно видите сами, что можно ощущать сознание в разных частях тела. Поскольку эти люди чувствуют, будто „думают головой“, а я ощущаю сознание в сердце, то из этого следует, что точно так же вполне возможно ощущать, будто „думаешь ногой“. К тому же все это – обман чувств, где нет и тени истины. Сознание – дух не обитает ни в сердце, ни в голове, и указанная тренировка как раз и помогает „высвободить дух из тела“».

В сущности, главная цель всех приведенных выше упражнений и еще многих других – привести к полному отказу от всех общепринятых рутинных представлений и заставить понять, что наши представления можно изменить. В них нет ничего абсолютно истинного, поскольку они построены в соответствии с ощущениями, легко вытесняемыми другими ощущениями.

Мировоззрение аналогичного порядка диктует адептам китайской секты «тс-ан»⁵⁵ загадочные фразы наподобие следующей: «Вот вздымается над океаном туча пыли, и рев волн доносится до земли». Как говорится, доктрина «тс-ан» есть «искусство созерцать полярную звезду в южном полушарии».

Роль учителя – руководить процессом «освобождения» ученика. С помощью парадоксов учитель выкорчевывает из его сознания веру в идеи, понятия, чувства, обычно признаваемыми истинными, но не позволяет заменить их новой верой в предлагаемые парадоксальные построения. Как те, так и другие ничто иное, как только «относительное» или даже просто иллюзии.

Приведу еще один классический для Тибета вопрос, задаваемый ученику отшельниками-мистиками или монастырскими философами: «Флаг развеивается по ветру. Что движется: ветер или флаг?». Адепты секты «тс-ан» приписывают первую редакцию этого вопроса шестому патриарху своей секты. По преданию, он увидел двух монахов, рассматривавших развеивающееся по ветру полотнище флага. Один из них утверждал, что в движении находится флаг; другой ему возражал, что в движении находится только ветер. Тогда учитель разъяснил им, что на самом деле движение не имеет отношения ни к ветру, ни к флагу. Находится в движении нечто в них самих.

Был ли этот образ мышления занесен в Тибет из Китая или из Индии? Для ответа на этот вопрос еще нет достаточных данных. Но я приведу здесь слова одного ламы из Кхамы: – Члены секты «бонпо» исповедовали эти доктрины еще до пришествия в Тибет Падмасамбхавы. – Заявления подобного рода напоминают нам о гипнозе, будто еще до распространения буддизма в Тибете существовало философское учение. Но какую степень достоверности имеют подобные заявления?

Не обсуждая достижений более высокого порядка, получаемых в результате выполнения упражнений на «перемещение сознания» в какую-нибудь часть своего тела, я

---

⁵⁵ Эта секта известна в Японии под названием «Зен-шу» (секта медитации). Здесь она имеет среди избранной интеллигенции большое число последователей. – *Прим. авт.*

хочу отметить существенное повышение температуры в этой части тела. По крайней мере, экспериментирующий ощущает в этом месте все возрастающий жар.

Проверить это довольно трудно, так как даже мысль о каком-либо контроле нарушила бы концентрацию внимания и «водворила» бы сознание на место, уничтожив причину развития тепла. С другой стороны, проверка этого явления у других вообще невозможна. Умственный склад анахоретов и их учеников не имеет ничего общего с психологией «медиумов» западного полушария, дающих сеансы за вознаграждение и разрешающих критическое изучение вызванных через них явлений. Самый смиренный из учеников тибетского гомтшена весьма удивился бы, если бы ему предложили нечто подобное. – Меня очень мало беспокоит, верите ли вы в эти явления или нет, – сказал бы он. – У меня нет ни малейшего желания вас убеждать. Это профессия фигляров – кривляться перед толпой. Я же не даю театральных представлений.

Суть в том, что на Востоке не выставляют напоказ своих знаний магии, философии или психики. Соответственно, чрезвычайно трудно добиться откровенности в этих вопросах... Изучающий страну путешественник может получить очень гостеприимный прием у ученого ламы, в течение нескольких месяцев пить с ним чай в домашней обстановке и все-таки уехать с убеждением в полном невежестве своего хозяина. А между тем, он мог бы не только получить исчерпывающие ответы на все интересующие его проблемы, но и научиться еще очень многому, что ему даже и не снилось.

Что касается «тепла» или же «ощущения тепла», развиваемого описанным выше упражнением, то, чем бы это ни было, оно много раз согревало мне ноги и обеспечивало хороший сон, когда я ложилась спать в своей раскинутой среди снегов палатке. Но для не прошедших предварительной тренировки это упражнение чрезвычайно утомительно, так как требует большой затраты энергии.

В заключение нужно отметить, что термины, переводимые словами «познание», «знание», «сознание», «рассудок», «дух» на тибетском языке имеют несколько иное значение. Тибетцы различают до одиннадцати разновидностей понятия «сознания», «знания» и имеют для их обозначения три термина, каждый из этих терминов имеет особый, только одному ему присущий оттенок смысла. Между тем, нам приходится переводить все три словом «сознание».

Общепринятый способ проверки степени концентрации сознания во время медитации состоит в следующем: на голову послушника, собирающегося предаться медитации, ставят зажженную лампу. Монахи, живущие отдельно, водружают лампу себе на голову сами. Под лампой следует разуместь маленький медный – иногда глиняный – резервуар, имеющий форму чаши на ножке с широким основанием. В эти чаши помещают фитили и наполняют чаши растопленным коровьим маслом. Застывая, масло принимает форму пирога с торчащим из него фитилем. Пока монах сохраняет полную неподвижность, светильник у него на голове держится вполне устойчиво, но при малейшем движении монаха он падает. Так как неподвижность есть следствие полной концентрации, падение светильника свидетельствует о ее несовершенстве.

Рассказывают, будто один учитель, поставив таким образом лампаду на голову ученика, удалился и вернулся проверить его только на следующий день. Он застал юношу в позе медитации. Пустая лампада стояла рядом с ним на полу. В ответ на вопрос учителя, ученик очень плохо уразумевший цель упражнения, сказал: – Лампада не падала, я сам ее снял, когда она потухла.

– Но как вы могли знать, что она потухла или вообще была у вас на голове, если вы действительно достигли концентрации сознания? спросил учитель.

Иногда светильник заменяют небольшой чашкой с водой. В других случаях лама приказывает ученику в конце периода концентрации, или до него, или же в какой-нибудь другой момент, перенести с одного места на другое чашу, до краев наполненную водой. Испытание считается выдержанным, если во время перехода из чаши не прольется ни капли. Этим способом проверяют степень спокойствия духа. Малейшее его нарушение вызывает

движение тела, а даже при легкой дрожи в пальцах вода из чаши выливается. Количество пролитой воды соответствует степени взволнованности духа испытуемого. Такова, по крайней мере, теория этого вида тренировки.

Приведенная система упражнений распространена, по-видимому, повсюду на Востоке. В Индии существуют на эту тему красивые легенды. Привожу одну из них. У одного гуру был ученик, достигший, по мнению учителя, высокой степени духовного совершенства. Тем не менее, желая дать ему возможность пополнить свои знания, он послал его к прославленному мудрецу, королю Жанаке. Король продержал путника несколько дней у порога дворца, не разрешая ему войти, и молодой человек, принадлежавший к знатному роду, не проявил ни малейшего неудовольствия таким неучтивым приемом. Когда он, наконец, предстал перед лицом владыки, ему вручили чашу, наполненную до краев водой, и предложили обойти вокруг тронного зала, держа эту чашу в руке. Двор Жанаки поражал восточной роскошью. На стенах сверкали золото и драгоценные камни, вокруг трона владыки выстроились вельможи и придворные, разукрашенные великолепными драгоценностями, а сказочно прекрасные королевские танцовщицы, весьма легко одетые, улыбались проходящему мимо них юному незнакомцу. Но, невзирая на все соблазны, юноша завершил предложенный ему обход, не пролив из чаши ни единой капли. Тогда Жанак отослал монаха обратно к его гуру, велел передать, что ничему больше научить его не может.

* * *

Тибетцам известна популярная среди индусов теория «кхорлос» (колеса). По всей вероятности она была занесена в Тибет из Индии. Впрочем, некоторые «бонпо» уверяют, будто аналогичная доктрина, только «свободная от налетов суеверия» (цитирую ученого бонпо), была знакома их предкам еще до прихода в Тибет миссионеров тантрического буддизма. Во всяком случае, тибетская интерпретация этой теории во многом отличается от классического ее толкования сектантами индусского тантризма. Мистики понимают под словом «кхорлос» центры энергии, расположенные в различных частях тела. Их изображают в виде лотосов разного цвета и с разным количеством лепестков. Сам лотос есть мир, содержащий диаграммы, божества и т. д. Все это представляет различные силы и, конечно, абсолютно символично. Теория «кхорлос» и порожденная ею практика входят в состав устного сверхтайного учения. Общий принцип тренировки, в которой играют роль «кхорлос», заключается в том, чтобы направить поток энергии к верховному лотосу «даб-тонг» (лотос с тысячью лепестков). Различные упражнения этой тренировки имеют целью развитие ума, духовных качеств или магической силы, энергия которых, предоставленная самой себе, имеет животные проявления, в основном сексуального характера.

Монополия на обряды, связанные с «кхорлос», секте «Дзог-тшен» принадлежит почти полностью. Просвещенные адепты «прямого пути», хотя и признают некоторую пользу некоторых из упомянутых и многих других упражнений, но совсем не придают им такого значения, какое они имеют в тренировке индийских йогов.

Вот еще вид духовной тренировки, слывающей, так сказать, классической среди тибетских мистиков.

Учитель, расспросив желающего поступить к нему в учение молодого монаха, подвергает его различным испытаниям. Убедившись в искренности и твердости намерений кандидата, он приказывает ему затвориться в «тсхам» для медитации, избрав предметом медитации свой «Йидам», то есть, покровительствующее ему божество. Если послушник еще не избрал йидам, учитель указывает его ученику сам. Обычно для создания связи между йидамом и его новым подопечным совершается соответствующий обряд. Предающийся медитации ученик должен, как было описано выше, сосредоточить свои мысли на йидаме, представляя его себе в соответствующем образе и наделяя его личными атрибутами,

например, цветком, четками, саблей, книгой в руке, ожерельем, головным убором и т. д. Часть обряда составляют повторения определенных формул и соответствующий случаю «кйилкхор». Цель священнодействия – добиться явления йидама своему почитателю. Так, по крайней мере, объясняет учитель смысл упражнения. Ученик прерывает свою медитацию только на время, необходимое для принятия очень скудной пищи (обычно только один раз в день) и очень непродолжительного сна. Часто «тсхам-па» совсем не ложится отдыхать. Многие ламы «рите-па» во время периодов особых видов медитации, или же вообще во время медитации спать не ложатся.

В Тибете существуют специальные кресла, именуемые «гамти» (ящик-кресло) или «гомти» (кресло медитации). Это ящик со стенками длиной приблизительно 60 см. Одна из них служит спинкой. На дно ящика кладут подушку, на которую, скрестив ноги, садится лама. Часто, чтобы легче было сохранять одну и ту же позу во время длительных периодов медитации или во время сна, отшельники пользуются «гом-тханг» (веревкой медитации). Это полоса ткани, которую пропускают вокруг колен и затылка, или же вокруг колен и поясицы, поддерживая таким образом тело в равновесии. Очень многие анахореты проводят в этом положении все дни и ночи, не расправляя членов. Они время от времени дремлют, никогда по-настоящему не засыпая, и, за исключением коротких мгновений дремоты, совсем не прерывают процесса медитации.

Так проходят порой месяцы, даже годы. Учитель от случая к случаю является осведомиться об успехах ученика. Наконец, в один прекрасный день последний сообщает учителю, что его труд увенчался успехом – он узрел явление божества. Обычно явление это бывает кратким и неясным. Учитель в этом случае решает, что это было только поощрением, но не окончательным результатом. Желательно, чтобы послушник наслаждался более длительным визитом своего покровителя. Начиная «надцжорпа» разделяет мнение своего учителя и продолжает стараться. Проходит еще много времени. Наконец, йидам, если можно так выразиться, «пойман». Теперь он обитает в тсхам-кханге, и молодой монах постоянно созерцает его в центре кйилкхора.

– Превосходно, – услышав эту новость изрекает учитель, – но вы должны заслужить еще большую милость – прикоснуться головой к ногам божества, получить его благословение, услышать слова, произнесенные его устами. Преодолеть первые этапы тренировки бывает относительно легко. Но последние требования очень трудно достижимы. Их осуществления добивается только незначительное меньшинство. Йидам, в конце концов, оживает. Поклоняющийся ему затворник, простираясь у ног божества, ясно ощущает его ноги над своим челом. Он чувствует тяжесть его благословляющих рук на своей голове, видит движение его глаз. Губы йидама приоткрываются, он говорит... И вот он уже выходит из кйилкхора и передвигается по тсхам-кхангу.

Наступает опасный момент. Когда имеешь дело с «Тоуос» (гневливые полубоги или демоны), никогда не следует позволять им ускользнуть из кйилкхора, ограничивающего его свободу своими магическими контурами. Вырвавшись на волю, они могут отомстить тому, кто стеснил их свободу. Но здесь речь идет об йидамах устрашающей внешности, обладающих ужасной властью. Благосклонному к своему почитателю существу можно предоставить свободу в пределах тсхам-кханга. Больше того, он должен выйти из его рамок. Следуя совету учителя, послушник обязан проверить, будет ли божество сопровождать его на прогулке. Этот этап также очень трудно преодолеть. Явившийся призрак расхаживает и даже разговаривает в тишине обычно темного тсхам-кханга, пропитанного ароматом курений, оваянного влияниями, порожденными концентрацией мысли затворника, возможно длившейся здесь в течение многих лет. Но сможет ли это создание существовать на воздухе, при солнечном свете, совсем в другой среде? Не рассеется ли оно, подвергаясь чуждым, враждебным ему влияниям? Среди учеников опять происходит «отсев». Йидам обычно отказывается «выйти подышать свежим воздухом» вместе со своим подопечным. Он продолжает прятаться по темным углам или же расплывается и исчезает, а иногда впадает в ярость. С некоторыми учениками происходят странные приключения, но среди них бывают и

победители; им удастся удержать при себе своих почитаемых компаньонов, и те уже покорно сопровождают их, куда бы они ни отправились. – Вы добились своей цели, – заявляет тогда учитель счастливому своим успехом «налджорпа». – Мне нечему больше вас учить. Теперь вы приобрели покровительство более высокого наставника.

Некоторые ученики благодарят учителя и, гордые собой, возвращаются в монастырь или же удаляются в пустыню и до конца дней своих забавляются своим призрачным приятелем.

Другие, наоборот, простираются у ног ламы и признаются в страшном прегрешении... Ими овладели сомнения, и они при всем старании от них избавиться не могут. В присутствии самого йидама, когда они внимали его словам, касались его, их вдруг осеняла догадка – не созерцают ли они призрак, рожденный собственным их воображением.

Учителя такая исповедь, по-видимому, огорчает. Если дело обстоит таким образом, ученик должен вернуться в тсхам-кханг и проделать весь цикл упражнений с самого начала, чтобы победить неверие, являющееся черной неблагодарностью в ответ на неслыханную благосклонность к нему йидама. Как правило, вера, обуреваемая сомнением, – уже не вера. Если бы ученика не удерживало безграничное уважение, испытываемое людьми Востока к духовному наставнику, он, может быть, поддался бы искушению и ушел, так как его длительный опыт привел его в какой-то степени к материализму. Но почти всегда ученик подчиняется и остается. Если он и сомневается в существовании йидама, то не сомневается в мудрости учителя. Через некоторое время, месяцы или годы, он повторяет свою исповедь. На этот раз в более категорической форме. Дело идет уже не о сомнениях, теперь он убежден, что йидам – создание его собственного воображения; он сам – его создатель.

– Именно это и нужно было понять, – говорит ему учитель. – Боги, демоны, вся вселенная – только мираж. Все существует только в сознании, от него рождается и в нем погибает.

Глава 8

Психические явления и их объяснение тибетцами

В предыдущих главах я уже указывала на возможность отнести некоторые факты к категории психических явлений. Заканчивая эту книгу, я считаю уместным вернуться к этой теме, поскольку Тибет обязан своей славе, главным образом, убеждению, что чудеса встречаются там на каждом шагу, как полевые цветы на лугах весной.

Почему снискал Тибет такую странную репутацию? Бегло отметим породившие ее причины и посмотрим, что думают об этих чудесах сами тибетцы, а также приведем примеры некоторых из них. Что бы ни говорили скептики, эти удивительные явления далеко не обычны, и не нужно забывать, что изложенные здесь на нескольких страницах наблюдения – результат длительной, более чем десятилетней, исследовательской работы.

Тибет давно внушал своим соседям благоговейный ужас. Задолго до рождения Будды индусы обращали взоры в сторону Гималаев со священным трепетом. Из уст в уста передавались истории о таинственной, скрытой облачной завесой стране, раскинувшейся на плечах своих снежных гор-исполинов.

Китай тоже, по-видимому, некогда отдал должное очарованию своеобразным пустынным просторам Тибета. Легенда о знаменитом китайском философе Лао-цзы повествует, что в конце своего долгого жизненного пути учитель отправился верхом на быке в «Страну Снегов», перешел границу и... исчез. Больше никто никогда его не видел. То же самое рассказывают о Бодхидхарме и о некоторых из его китайских последователей.

В наши дни⁵⁶ на тропах, ведущих к тибетским перевалам, порой встречаются паломники-индусы, бредущие как во сне, словно зачарованные неотразимым видением. В

---

⁵⁶ Имеется в виду второе десятилетие XX в. – Прим. ред.

ответ на вопрос о цели их путешествия большинство паломников отвечает одно и то же – они хотят умереть на тибетской земле. И слишком часто – увы! – большая высота, суровый климат, усталость и недостаток пищи способствуют скорому исполнению их желания.

Чем же объяснить притягательную силу Тибета?

Нет сомнения, что главную причину следует искать в укрепившейся за тибетскими ламами-отшельниками репутации чудотворцев. Но почему же именно Тибет был признан избранной обителью оккультных наук и сверхъестественных явлений? Прежде всего, этому в большой степени способствовало географическое положение страны, отгороженной от мира хребтами исполинских гор и необозримыми пустынями.

И все-таки, несмотря на созданную природой надежную защиту его территории, Тибет нельзя считать неприступным. Утверждаю это с полной ответственностью. Много раз я проникала на его южные плоскогорья через различные горные перевалы Гималаев, годами путешествовала по его восточным провинциям и северным пустыням трав. Во время последнего моего похода я пересекла весь Тибет от южной его границы до самой Лхасы. И любой выносливый европейский путешественник мог бы сделать то же самое, если бы въезд иностранцев в страну не был запрещен по политическим мотивам.

Разумеется, особенно после распространения буддизма, множество индусов, непальцев и еще больше китайцев посещали Тибет, видели его необыкновенные пейзажи и слушали рассказы о сверхъестественных явлениях и могуществе тибетских «дубтхобов» (мудрец, обладающий сверхъестественными способностями). Некоторые из путешественников, конечно, беседовали с ламами и с магами Бонпо и знакомились с сущностью учений отшельников-созерцателей. Их рассказы о виденном и слышанном обрастали, как всегда бывает при повторении, все новыми подробностями и в сочетании с упомянутым выше воздействием природных условий, а, может быть, и с другими, менее очевидными влияниями, сплели вокруг «Страны Снегов» атмосферу волшебства, окутывающую ее и в наши дни.

Обыденная жизнь с ее будничной суетой заставляет людей расставаться с заветными мечтами, несовместимыми с прозаическим земным существованием, и они стремятся заселять созданиями своей фантазии более подходящие для этого неведомые края. Как последнее прибежище для своих грез люди сооружают в облаках прекрасные сады и райские обители в надзвездных мирах. С какой же готовностью должны они ухватиться за возможность верить, что дорогие их сердцу химеры находятся в пределах досягаемости – здесь, на земле, среди людей. Тибет представляет им эту возможность. Он совмещает в себе черты всех разновидностей волшебных сказочных стран. Я нисколько не преувеличиваю, утверждая, что открывающиеся там нашим глазам восхитительные панорамы разительно превосходят во всем самое изощренное воображение фантастов-зодчих, создателей обителей для демонов или для богов. Никакое описание не может дать представление о безмятежном величии, грозном достоинстве, потрясающем ужасе, волшебной прелести разнообразнейших пейзажей. Проходя по этим высокогорным пустыням, путник чувствует себя святотатцем. Он не только замедляет шаг и понижает голос, но и готов уже обратиться с просьбой о прощении за свое вторжение к первому встречному туземцу.

Привычность окружающего мира совсем не смягчает своеобразного воздействия удивительных пейзажей и на самих тибетцев. Истолкованные их своеобразным умом, эти впечатления рождают фантастических призраков, которыми туземцы и заселили в изобилии безмолвные просторы своей безлюдной родины.

С другой стороны, как халдейские пастухи заложили основы астрономии, наблюдая звездное небо, так и тибетские анахореты и бродячие шаманы еще в глубокой древности размышляли о тайнах своего странного края и отмечали возникавшие на этой благоприятной почве явления. Из их размышлений родилась диковинная наука, снискавшая еще в незапамятные времена хранителям ее тайн – адептам «Страны Снегов» – славу, непреходящую и донныне.

Просвещенные адепты мистических тибетских учений относят факты, объясняемые

на Западе вмешательством существ из потустороннего мира, к области проявлений психики.

Тибетцы различают две категории таких явлений:

1. Явления, вызываемые одним индивидом или группой индивидов бессознательно. Поскольку создатель или создатели явления действуют бессознательно, то оно, само собой разумеется, не преследует никакой заранее определенной цели.

2. Явления, вызываемые сознательно, для получения определенного результата. Чаще всего, но не обязательно, они производятся одним индивидом. Этот индивид обычно бывает человеком, но может принадлежать к любому из шести классов существ, населяющих, по верованиям тибетцев, вселенную. Кем бы ни был виновник имеющего места явления, «технология» явления всегда однотипна.

Мимоходом небесполезно отметить, что все тибетцы детерминисты. Каждый волевой акт, говорят они, обусловлен многими причинами; одни из них возникли недавно, но другие бесконечно от нас далеки. Последняя тема не входит в план этой книги, и я не буду уделять ей здесь много места, но нужно знать, что в представлении тибетца любое явление, вызванное сознательно или бессознательно, всегда обусловлено разнообразными причинами – сперва порождающими в субъекте волю к созданию явления, или же приводящими в действие скрытые в нем силы без его ведома, и затем внешними причинами, способствующими возникновению явления независимо от его создателя. Отдаленные причины чаще всего представлены своим «потомством»; этот образный термин употребляли со мной в разговорах многие тибетцы. «Потомство» причин представлено следствиями, на данный момент воплощающими совершенные в прошлом физические действия или старые мечтания.⁵⁷

Итак, когда я говорю о концентрации мысли, нужно понять, что согласно изучаемой нами системе, концентрация мысли не вполне произвольна: она служит непосредственной причиной явления, но ей предшествует множество вторичных, в равной степени необходимых причин. Секрет психической тренировки в понимании тибетцев заключается в развитии силы концентрации мысли, намного превосходящей интенсивность концентрации, какой наделены от природы даже наиболее одаренные в этом отношении люди. Как утверждают тибетцы, в результате концентрации мысли возникают энергетические волны.

Слово «волна», разумеется, взято из моей собственной терминологии. Я употребляю его для большей ясности еще и потому, что, как выяснится в дальнейшем, в рассуждениях тибетцев речь идет о силовых токах. Однако сами тибетцы пользуются словом «энергия». Энергия, поучают они, рождается при любом физическом действии или работе сознания (по буддистской классификации – при работе духа, слова или тела). Именно от интенсивности этой энергии и от сообщаемого ей направления зависит возникновение психических явлений.

Вот рекомендуемые тибетскими учителями-магами различные способы использования энергии, вырабатываемой мощной концентрацией мысли:

1. Можно «заряжать» волнами какой-нибудь предмет, как заряжают электрический аккумулятор. Затем этот предмет может в свою очередь отдавать заключенную в нем энергию уже в другом качестве. Например, энергия эта может увеличивать жизненную силу входящего в соприкосновение с заряженным предметом человека, сообщать ему бесстрашие и т. д. Исходя именно из этой теории, ламы изготавливают пилюли, святую воду и различные амулеты, предохраняющие от несчастий и заболеваний.

Для этого лама должен, прежде всего, очиститься, соблюдая специальную диету и предаваясь в уединенном месте медитации. Затем он концентрирует мысли на определенном предмете с намерением сообщить ему благодатную силу. На эту подготовку уходят многие

---

⁵⁷ Приведем несколько примеров «потомства» причин: молоко присутствует в масле и сыре; семя представлено в рожденном от него дереве и т. д. – *Прим. авт.*

недели, иногда даже многие месяцы. Тем не менее, церемония освящения и завязывания волшебных веревок или шарфов часто занимает несколько минут.

2. Переданная предмету энергия может сообщить ему подобие жизни – он получает способность двигаться и может выполнять действия под диктовку ламы, вдохнувшего в него жизнь.

Здесь будет уместно вспомнить историю с ритуальными пирогами «горма», посылаемыми ламой из Транглунга по воздуху на дома его непокорных селян.

Существует и другое, более или менее аналогичное средство, применяемое «нгагс-па» с целью вредить своим ближним. Приведу пример используемых ими приемов.

После длительной концентрации мысли, продолжавшейся, быть может, много месяцев, маг сообщает ножу волю для убийства определенного лица* Наконец, оружие подготовлено и «нгагс-па» подбрасывает его своей жертве, прочем так ловко, что бедняга почти неминуемо возьмет именно заколдованный кинжал, когда ему для чего-нибудь понадобится нож. Тибетцы уверяют, будто едва контакт между роковым кинжалом и жертвой установлен, кинжал начинает шевелиться, сообщая держащей его руке непреодолимое роковое движение, и убивает или ранит ее владельца. При этом рану можно объяснить очень просто: неловкостью или покушением на самоубийство. Уверяют, что одухотворенное оружие бывает опасным даже для самого мага: он сам может стать его жертвой, если не имеет достаточных знаний или необходимой ловкости для защиты. Здесь нет ничего удивительного: в течение очень длительных, установленных для этой процедуры, обрядов маг занимается самовнушением. В результате иногда может произойти несчастье. По словам тибетцев, отбрасывая все рассказы о демонах, это явление сродни случаям, когда созданное магом призрачное существо, освобождаясь из-под влияния своего создателя, становится самостоятельным.

Некоторые ламы и кое-кто из Бонпо считают, что верование в оживление ножа, убивающего указанного ему человека, является ложным. – Все происходит наоборот, – говорили они мне, – на самом деле человек под воздействием внушения, создаваемого концентрацией мысли колдуна, совершает бессознательное самоубийство. – Хотя «нгагс-па» объясняли ламы, – стремится только оживить кинжал, образ человека, против которого направлена ворожба, и картина предстоящей смерти все время стоят перед мысленным взором мага. И так как человек этот может оказаться настроенным на прием посылаемых колдуном психических волн, то есть быть соответствующим приемником, а неодушевленный предмет (кинжал) таким приемником быть не может, вполне очевидно, что обреченный человек без своего ведома поддается внушению «нгагс-па». В результате, лишь только загипнотизированная жертва прикасается к заколдованному кинжалу, внушение активизируется, она подчиняется ему и ранит себя ножом. Я передаю это объяснение ламы, ничего в нем не изменяя. Больше того, тибетцы верят, что адептам, овладевшим глубинами оккультных наук, нет надобности прибегать к посредству неодушевленного предмета; путем внушения они могут даже на расстоянии приказывать людям, животным, демонам, духам и пр. совершить самоубийство или какое угодно другое действие.

При этом все тибетцы единодушно утверждают, что направленное против человека, систематически занимающегося тренировкой, подобное внушение будет безуспешным, так как он наделен способностью распознавать природу направляемых на него «волн» и отражать их, если они оказываются для него пагубными.

3. Излучаемая при концентрации мысли энергия может передавать на расстояние без помощи материального тела силу, проявляющую себя различным образом, там, куда она была направлена. Например, она может вызвать в этом месте явление психического порядка. Кое-что об этом я уже говорила в рассказе о «тюльку». Энергия, направленная на объект может проникнуть в него и наделить его необычайной силой.

Этим методом пользуются учителя-мистики при посвящении учеников. Посвящение у тибетцев заключается не в сообщении доктрины или тайны, но в даровании силы и духовных способностей, дающих ученику возможность совершать специальные

действия, для чего он и получает освящение. Тибетский термин «ангкур», переводимый словом «посвящение», буквально означает «передавать власть». Передача духовной силы на расстояние, как говорят, дает учителю возможность поддерживать и, в случае необходимости, оживлять духовные и физические силы находящегося далеко от него ученика.

Применение последнего метода не всегда имеет целью обогащение объекта, принимающего направленные на него волны. Иногда, напротив, придя в соприкосновение с объектом, волны возвращаются к пославшему их «передатчику».⁵⁸

Но при контакте с «адресатом» они забирают у него часть или всю его энергию и с этим зарядом возвращаются в исходную точку, где и поглощаются первоисточником энергии. Говорят, некоторым черным магам и существам демонического происхождения удается, пользуясь этим методом, приобретать необычайную физическую силу, продлить свою жизнь до бесконечности и т. д.

4. Тибетцы, кроме того, утверждают, будто посредством концентрации мысли опытные ламы могут проектировать возникшие в их уме образы и создавать всевозможные иллюзии: людей, божества, животных, разные предметы, пейзажи и т. п.

Эти иллюзии не всегда появляются в виде неосязаемых призраков. Они часто доступны нашим чувствам и наделены всеми свойствами и способностями обычных изображаемых ими живых существ или предметов. Например, лошадь-иллюзия бежит рысью и заливается ржанием; едущий на ней иллюзорный всадник может соскочить с нее, заговорить с прохожим, есть пищу, приготовленную из обычных продуктов; призрачные розы распространяют далеко вокруг нежный аромат; дом-иллюзия дает приют путникам из плоти и крови и т. д. и т. п. Все сказанное кажется просто волшебной сказкой, и девяносто девять процентов тибетских рассказов о подобных происшествиях заслуживают именно такого отношения. Но, несмотря на это, иногда доводится быть свидетелем смущающих фактов. Некоторые странные явления имеют место в действительности, и их реальность отрицать нельзя. В случаях, когда толкование тибетцев для нас неприемлемо, приходится искать причины самостоятельно. В то же время объяснения тибетцев, облеченные в туманно-научную форму, сами по себе имеют большой интерес и составляют отдельную область исследования.

Путешественники-европейцы, побывавшие в пограничных областях Тибета и составившие там очень поверхностное представление о суевериях туземного населения, вероятно, очень удивились бы, узнав, какие странно рационалистические, даже скептические концепции формируются в глубине сознания этих с виду доверчивых и наивных простаков. В качестве иллюстрации к сказанному я приведу ниже две очень популярные в Тибете истории. Достоверность излагаемых в них происшествий для нас значения не имеет. Здесь нужно отметить только истолкование описываемого чуда и пронизывающий все повествование дух, определяющий отношение к нему рассказчика.

... Одного купца с караваном захватил в пути сильный ветер. Вихрь сорвал с купца шляпу и забросил в кустарник у дороги.

В Тибете существует поверье: тот, кто подберет потерянный подобным образом головной убор во время путешествия, навлекает несчастье. Следуя суеверному обычаю, купец предпочел считать шляпу безвозвратно потерянной.

Шляпа была из мягкого фетра с меховыми наушниками. Сплюснутая и наполовину скрытая в кустарнике, она совсем утратила свою форму. Через несколько недель в сумерках один человек проходил мимо места происшествия и заметил очертания притаившейся в кустах фигуры неясной формы. Прохожий был не из храброго десятка и пустился наутек. На следующий день в первой же деревне, где он остановился на отдых, он рассказал селянам,

---

⁵⁸ Я и здесь пользуюсь совсем не тибетской терминологией, но употребляемые мной выражения передают максимально точно для иностранного языка мысли и представления моих собеседников-тибетцев. – *Прим. авт.*

что видел нечто очень странное, спрятанное в кустах недалеко от дороги. Через некоторое время странный предмет обнаружили на том же месте и другие путешественники. Они не могли понять, что это было и обсуждали приключение в той же деревне. Еще многие замечали таким же образом невинный головной убор и рассказывали о нем местным жителям. Между тем, солнце, дождь и пыль сделали свое дело. Фетр менял окраску, а ставшие дыбом наушники отдаленно напоминали щетинистые уши какого-то зверя. От этого вид разлохмаченной шляпы сделался еще страшнее. Теперь уже всех проходивших мимо деревни путешественников и паломников предупреждали, что на опушке у дороги постоянно сидит в засаде нечто неведомое – ни человек, ни зверь – и необходимо его остерегаться. Кто-то выразил предположение, что это некий демон, и очень скоро до сих пор безымянный предмет был возведен в дьявольское достоинство. Чем больше людей видело старую шляпу, тем больше ходило о ней рассказов. Теперь вся округа говорила о притаившемся на лесной опушке демоне. Затем в один прекрасный день путники увидели, как тряпка зашевелилась. В другой раз прохожим показалось, что она старается избавиться от опутавших ее колючек, и, в конце концов, шляпа сорвалась с кустарника и помчалась вдогонку за прохожими, убегавшими от нее со всех ног, не помня себя от ужаса.

Шляпу оживило воздействие сосредоточенных на ней многочисленных мыслей. Это происшествие – как уверяют, истинное – приводится в качестве примера могущества концентрации мысли, даже бессознательной и не преследующей никакой определенной цели.

Вторая история совершенно невероятна. Кажется, будто ее выдумал какой-нибудь зубоскал специально, чтобы поиздеваться над святошами. Но, на самом деле, это совсем не так. Тибетцы не находят в ней ничего смешного или возмутительного. Рассказываемый случай считают подтверждением общей для всех религий истины – значение обожествляемого предмета определяется степенью оказываемого ему поклонения, а его могущество обусловлено концентрацией на нем благочестивых мыслей богобоязненных верующих.

...Старушка-мать одного купца, ездившего каждый год по делам в Индию, как-то попросила сына привезти ей из святой земли какую-нибудь реликвию. (Тибетцы считают колыбель буддизма – Индию святой землей). Купец обещал выполнить это поручение, но в хлопотах забыл о своем обещании. Старушка-тибетка очень огорчилась и, в следующем году, когда караван сына снова отправился в Индию, опять попросила привезти ей реликвию. Сын обещал и опять забыл. То же самое повторилось и в третий раз. Но теперь купец, уже подъезжая к дому, вспомнил о просьбе матери и при мысли о горе благочестивой старушки сам искренне опечалился. Пока он размышлял, как бы поправить дело, ему на глаза попался валявшийся на обочине дороги осколок собачьей челюсти. Купец нашел выход из положения. Он вырвал из высохшей челюсти один зуб, очистил с него пыль и завернул в кусок шелковой ткани. Приехав домой, он преподнес этот зуб матери как исключительно драгоценную реликвию – зуб великого Сарипутры (один из самых знаменитых учеников Будды). На седьмом небе от радости, преисполненная благоговения, старушка спрятала зуб в ковчежец на алтаре. Каждый день она совершала перед ним священный обряд, зажигала светильники и окуривала его благовониями. К старушке присоединились и другие верующие, и через некоторое время собачий зуб, возведенный в достоинство святых мощей, вдруг начал излучать сияние.

Эта легенда породила следующую поговорку: «поклонение заставляет излучать сияние даже собачий зуб».

Из всего вышеизложенного можно заключить, что толкования теорий ламаистов, относящихся к каким угодно явлениям, в сущности, всегда идентичны. Все они основаны на силе духа, и для людей, воспринимающих видимый мир только как субъективную иллюзию, такая философия вполне логична.

В волшебных сказках всех стран колдуны демонстрируют способность по желанию превращаться в невидимку. Тибетские оккультисты объясняют эту способность прекращением умственной деятельности. В тибетских легендах нет недостатка в описании

материальных средств, делающих человека невидимым. Среди таких средств имеется и знаменитый «дип чинг» – кусок сказочного дерева. Особая разновидность воронов прячет его у себя в гнездах. Самая крошечная его частичка превращает имеющего ее возле себя или на себе человека, животное или предмет в невидимку. Но великие «налджорпа» и знаменитые «дубтшены» для достижения подобных результатов не нуждаются ни в каких магических средствах. Из того, что мне удалось понять, посвященные в тайны духовной тренировки, рассматривают это явление иначе, чем профаны. Если им верить, дело идет вовсе не о том, чтобы быть невидимым, хотя обыватели и представляют это чудо именно так. В действительности, тут требуется умение, приближаясь, не возбуждать в живых существах никаких эмоций. Тогда можно пройти незамеченным, или же, на первых стадиях овладения техникой процесса, привлечь к себе минимум внимания. Вы не должны вызывать у видевших вас размышления и не должны оставлять в их памяти никаких впечатлений. Полученные мной по этому поводу разъяснения можно приблизительно передать следующим образом: когда кто-нибудь подходит, поднимая при этом шум, сильно жестикулируя и натываясь на людей и предметы, он вызывает у многочисленных видящих его людей самые разнообразные эмоции. В носителях этих эмоций пробуждается внимание и направляется на того, кто это внимание активизировал. Если же, наоборот, приближаться молча и бесшумно, то вызываемые в окружающих немногочисленные впечатления неинтенсивны. Вы не привлекаете внимания, и в результате вас почти не замечают. Все же и в состоянии неподвижности и безмолвия работа сознания продолжается, порождая энергию. Это энергия, распространяясь вокруг порождающего ее субъекта, воспринимается проходящими с ней в контакт индивидами различным образом. Если же удастся заглушить в себе деятельность сознания, ощущений вокруг не возникает, и вас никто не видит. Эта теория показалась мне слишком легковесной, и я позволила себе возразить – как бы там ни было, но материальное тело видишь произвольно. Мне ответили, что мы беспрестанно видим множество предметов. Но, несмотря на то, что все они находятся в поле нашего зрения, мы «замечаем» очень немногие из них. Остальные не производят на нас никакого впечатления. Зрительный контакт не сопровождается никаким «познанием». Мы ничего не помним об этом контакте. В действительности эти предметы оказались для нас невидимыми.

Если принимать на веру многочисленные рассказы и утверждения «очевидцев», нам пришлось бы заключить, что материализация в Тибете – обычное явление. Но в подобных вопросах всегда следует относить значительную долю рассказов на счет преувеличения и бахвальства. Разумеется, у очень многих, слушающих рассказы о «чудесах», возникнет желание похвастаться, будто и им довелось видеть чудо, и притом еще более потрясающее. Нужно также учитывать факты массового внушения и самовнушения. Тем не менее, при самом критическом подходе к явлению материализации и, подвергая сомнению его повседневность, мне было бы трудно категорически отрицать его реальность.

Явление материализации – «тульпа» (магические создания; иллюзорные призраки), описываемое тибетцами, и случаи, наблюдавшиеся мной лично, не имеют никакого сходства с описаниями материализации духов во время спиритических сеансов. В Тибете свидетелей этих явлений никто заранее не приглашает попытаться искусственно вызвать их. Поэтому умы присутствующих не подготовлены, и они не ждут увидеть что-нибудь из ряда вон выходящее. Здесь нет стола, где соединяют руки участники сеанса, нет черного кабинета для медиума в состоянии транса. Темнота совсем не обязательное условие, солнечный свет и открытая местность не мешают материализации. Некоторые из материализованных призраков создаются произвольно, если создатель призрака наделен достаточной духовной силой, или мгновенно, или же постепенно. Очень медленный процесс его создания подобен описанной в предыдущей главе процедуре объективизации какого-нибудь «йидам». В других случаях виновник материализации вызывает ее произвольно и совсем не замечает видимого для окружающих призрака. Иногда такое существо внешне во всем подобно своему создателю, и те, кто верит в существование «эфирного двойника», видят в нем проявление последнего. Но порой такие дубликаты появляются одновременно в разных

местах, и это уже трудно объяснить существованием одного-единственного «двойника». Кроме того, созданные формы часто не имеют никакого сходства с оригиналом.

Привожу несколько примеров, засвидетельствованных, кроме меня, и другими очевидцами.

1. Один служивший у меня юноша отпросился навестить родителей. Я отпустила его на три недели. По истечении этого срока он должен был купить для нас припасы и нанять носильщиков для доставки грузов через перевалы. Молодой человек загостился у родственников, и о нем ничего не было слышно около двух месяцев. Я начала бояться, что он не вернется. Как-то ночью я увидела его во сне. Он мне приснился в необычном для него костюме и с европейской шляпой на голове. Такой шляпы я у него никогда прежде не видела. На следующее утро один из слуг прибежал за мной с криком: «Уангдю идет! Я его сразу узнал!» Такое совпадение показалось мне любопытным. Я вышла из палатки посмотреть на Уангдю. Мы стояли на возвышенности над равниной, и я очень отчетливо увидела внизу на дороге Уангдю. Он был одет совсем как в моем сне и поднимался один по тропе, петляющей зигзагами по горному склону. Я заметила вслух, что у Уангдю нет никакой поклажи, и стоявший рядом слуга ответил: «Он, должно быть, обогнал носильщиков». Кроме нас, Уангдю видели еще двое из наших людей. Мы продолжали наблюдение за приближающимся юношей. Он уже дошел до стоявшего у тропы маленького «шортена». Высота этого шортена на фундаменте в форме куба со сторонами около восьмидесяти сантиметров, вместе с верхней его частью и шпилем не превышала двух метров. Он был сплошной кладки, наполовину из камня, наполовину из глины, и в нем не было ни одного углубления. Молодой человек прошел за шортен и больше не появлялся.

В этом месте, кроме одиноко стоявшего шортена, не было ни деревьев, ни домов, ни холмов. Сначала мы – слуга и я – предположили, что Уангдю присел отдохнуть в тени маленького памятника, но ничего не обнаружили. По моему распоряжению двое из наших людей пошли разыскивать Уангдю. Я следила за ними в бинокль. Они тоже никого не нашли.

В тот же день, к пяти часам пополудни, Уангдю появился в долине во главе маленького каравана. Он щеголял в знакомых мне шляпе и платье. Я их уже видела на нем – сперва во сне, потом в утреннем мираже. Ничего не рассказывая прибывшим, не дав им опомниться и поболтать со слугами, я принялась расспрашивать носильщиков и самого Уангдю. Из их ответов явствовало, что они все вместе ночевали слишком далеко от нашего лагеря, чтобы кто-нибудь из них мог дойти до него рано утром. Кроме того, Уангдю все время не отходил от каравана ни на шаг. В течение нескольких недель сразу после происшествия у меня была возможность проверить правильность этих показаний у крестьян селений, где Уангдю с носильщиками останавливались в пути, и убедилась, что люди сказали правду, и Уангдю ни разу от каравана не отлучался.

2. Как-то днем меня посетил один тибетский художник, с увлечением писавший ужасных тибетских богов и усердно им поклонявшийся. За художником я разглядела немного туманный силуэт по одного из его фантастических персонажей, так часто фигурирующих на его полотнах.

Я была так поражена, что невольно сделала резкое движение, и художник направился ко мне, без сомнения, с намерением спросить, что со мной случилось. Я отметила, что призрак за ним не последовал. Быстро отстранив моего гостя, вытянула руку и сделала несколько шагов к призраку. Я ощутила прикосновение к чему-то неплотному, уступающему нажатию. Призрак рассеялся.

В ответ на мои вопросы художник признался, что он уже несколько недель вызывал виденное мной существо, а в тот день долго работал над изображавшей его картиной. Словом, все его мысли были сосредоточены на божестве, которое он мечтал изобразить. Сам тибетец призрака не видел.

3. Третий случай принадлежит, по-видимому, к произвольно вызываемым явлениям.

В то время мой лагерь был разбит недалеко от Пунаритед в Кхаме. Однажды днем я разговаривала с поваром в хижине, служившей нам кухней. Юноша попросил выдать ему провизию. Я сказала: «Идем ко мне в палатку, там ты возьмешь из ящика все, что тебе нужно». Мы вышли. Подходя к палатке, полы которой были откинута, мы оба вдруг увидели сидевшего за моим столом на складном стуле главного ламу рите. Мы не удивились – этот лама навещал меня довольно часто. Повар тотчас же сказал: «К вам пришел „римпотше“. Мне нужно вернуться приготовить для него чай, провизию я возьму потом». – Хорошо, приготовь поскорее чай, – ответила я. Слуга ушел, а я поспешила к палатке. За несколько шагов до нее мне показалось, будто перед палаткой клубится и медленно от нее удаляется пелена прозрачного тумана. Лама исчез. Очень скоро вернулся слуга с чаем. Не застав ламу, он очень удивился. Не желая пугать его, я объяснила – «римпотше» нужно было только сказать мне два слова. Он занят и не мог остаться дольше. – Я не преминула рассказать об этом происшествии самому ламе, но он только ехидно захихикал и не захотел ничего мне объяснить.

Создание призрака «йидам», описанное в предыдущей главе, преследует две цели: цель возвышенную, заключающуюся в преподании ученику истины, что помимо созданий его собственной фантазии, никаких богов не существует, и цель корыстную – обеспечить себе могущественного покровителя. Каким образом призрак может охранять своего создателя? Он делает это, появляясь вместо него в разных местах. Это практикуется часто. Каждое утро имеющий соответствующее посвящение лама принимает облик бога-хранителя (при желании он может превращаться в кого угодно). При этом считается, что враждебные ему существа видят в нем тогда не человека, но устрашающего вида божество, и спасаются от него бегством. Все это совсем не значит, что ламы, очень серьезно совершающие каждое утро церемонию внешнего превращения в своего бога (йидам), могли бы продемонстрировать себя в этом состоянии. Не знаю, удастся ли им провести демонов, но вполне очевидно, что для людей никаких иллюзий они создать не могут. Тем не менее, я слышала, что некоторые ламы внезапно появлялись в образе того или иного представителя тибетского пантеона.

Что касается магов, то они видят в создании «тульпа» (призраков) только средство обеспечить себе послушное орудие для выполнения всех желаний. В их случае призрак не обязательно является богом-хранителем, но может быть каким угодно существом и даже пригодным для служения их воле неодушевленным предметом.

По словам тибетских оккультистов, призрак, получив достаточно устойчивую форму, стремится освободиться из-под опеки мага. Иллюзия превращается в непокорное детище, и между колдуном и его творением завязывается борьба. Исход этой борьбы порой бывает трагическим для мага. Приводят также примеры, когда посланный с поручением призрак совсем не возвращается и продолжает скитаться в форме пол у бездумной, полусознательной марионетки. В других случаях трагедии бывают следствием процесса ликвидации материализованного призрака. Маг старается уничтожить свое создание, но последнее не желает расставаться с дарованной ему жизнью и защищается. Являются ли все эти страшные истории о бунтующих материализованных призраках только вымыслом, игрой воображения? Возможно. Я ни за что не ручаюсь. Я просто пересказываю то, что слышала от людей, при других обстоятельствах, казавшихся мне достойными доверия; но и сами они могли заблуждаться.

Что же касается возможности создать и оживить призрак – в ней я не могу сомневаться, она вполне реальна.

По привычке ничего не принимать на веру, я решила тоже попытаться произвести опыт материализации. Чтобы не подпасть под влияние внушительных образов ламаистских божеств, всегда бывших у меня на глазах, так как их живописными и скульптурными изображениями я обычно себя окружала, я выбрала для материализации незначительную личность – приземистого дородного ламу бесхитростного и веселого нрава. Через несколько месяцев добряк был создан. Мало-помалу он «закрепился» и превратился в нечто вроде

незваного гостя. Он совсем не ждал моего мысленного приглашения и являлся, когда мне было совсем не до него. В основном, иллюзия была зрительной, но как-то я почувствовала задевший меня мимоходом рукав платья и ощутила тяжесть его руки на своем плече. В это время я не жила в затворничестве, каждый день ездила верхом и, по обыкновению, пользовалась отличным здоровьем. Постепенно я стала замечать в моем ламе какую-то перемену. Черты лица, которыми я его наделила, изменились. Его толстощекая физиономия похудела и приняла хитроватое и злое выражение. Он становился все назойливее. Одним словом, лама ускользал из-под моей власти. В один прекрасный день пастух, приносивший нам масло, увидел мой призрак и принял его за самого настоящего ламу во плоти. Может быть, мне следовало бы представить это явление его естественному развитию, но мой необычный компаньон начинал действовать мне на нервы. Его присутствие превратилось для меня в настоящий кошмар. Я уже начинала терять контроль над ним и решила рассеять иллюзию. Мне удалось это только после полугода отчаянных усилий. Моему ламе жилось в это время не очень-то весело.

Нет ничего необычного в умении вызвать галлюцинацию произвольно. Самое интересное в этих случаях «материализации» то, что и другие видят созданный вашим воображением образ. Тибетцы объясняют это явление по-разному. Одни верят в реальность созданной материальной формы, другие видят в этом явлении только акт внушения – мысль создателя призрака произвольно воздействует на окружающих, заставляя их видеть то, что он видит сам. Несмотря на изобретательность тибетцев в их стараниях найти всем «чудесам» разумное объяснение, некоторые из них все же остаются необъясненными или потому, что являются выдумками, или по каким-нибудь другим причинам.

Например, тибетцы обычно думают, для мистиков, достигших высоких степеней духовного совершенства, совсем не обязательно и умирать обычным образом: они могут, когда им это заблагорассудится, вообще растворить свое тело без остатка. Говорят, будто Рестшунпа исчез именно таким образом, а супруга Марпы – Дагмедма – слилась с телом мужа во время особого вида медитации.

Во всяком случае, предания, герои которых жили много веков тому назад, кажутся нам только легендами. Но следующий, сравнительно недавний случай, представляет для нас большой интерес, тем более, что он произошел не в уединенном жилище отшельника, а перед сотнями зрителей и среди бела дня.

Должна тут же оговориться, что меня среди зрителей не было и, можно себе представить, как я об этом жалею. Мне рассказывали об этом случайные люди, видевшие все, как они утверждали, собственными глазами. Я имею некоторое отношение к этому чуду (правда, весьма отдаленное), так как была знакома с главным героем повествования.

Последнего – одного из духовных наставников Траши-ламы звали Кионгбу римпотше. Во время моего пребывания в Жигатзе он был уже весьма преклонного возраста и вел жизнь отшельника на берегу Иесру Тсангпо (Брахмапутры) в нескольких километрах от города. Мать Траши-ламы глубоко его чтит и, когда я у нее гостила, мне довелось слышать много необыкновенных историй из его биографии. Говорили, будто с годами рост ученого подвижника уменьшался. В глазах тибетцев это признак высокого духовного совершенства. Существует много преданий о рослых мистиках-магах, постепенно доходивших до крошечных размеров и, в конце концов, совершенно исчезавших. Когда стали обсуждать предстоящее освящение новой статуи Майтрейи, Траши-лама выразил желание, чтобы эту церемонию проделал Кионгбу римпотше. Однако святой заявил, что умрет раньше завершения постройки храма, где находилась статуя. Траши-лама попросил отшельника повременить со смертью и освятить храм и статую.

Подобная просьба может показаться европейцу нелепой, но она находится в полном соответствии с тибетскими верованиями в могущество великих мистиков, обладающих властью выбирать время своей кончины.

Учитель снизошел к просьбе Траши-ламы и обещал совершить обряд освящения храма. Приблизительно через год после моего отъезда из Жигатзе строительство храма и

статуи довели до конца, и был назначен день торжественной церемонии освящения.

Когда этот день наступил, Траши-лама послал за Кионгбу римпотше роскошные носилки и почетный эскорт, чтобы доставить старца в Трашилхумпо. Всадники видели, как отшельник сел в носилки, захлопнули за ним дверцу, и шествие тронулось в путь.

Тем временем в Трашилхумпо собрались на торжество тысячные толпы народа. Велико было всеобщее изумление, когда Кионгбу римпотше появился без свиты и пешком. Он молча вошел в храм, приблизился к статуе вплотную и постепенно с ней слился. Немного позже в окружении почетной свиты прибыли носилки. Открыли дверцу... в носилках никого не было. Многие утверждают, что ламу Кионгбу никогда больше не видели.

Когда в Лхасе я услышала об этом чуде, мне показалось, что он превосходит самую смелую фантазию. Я отнеслась к нему с особенным интересом, потому что была знакома с отшельником, видела место действия и из самых первых рук получила информацию обо всех предшествующих этому чуду обстоятельствах, то есть о просьбе Траши-ламы и обещании Кионгбу римпотше отложить своей смертный час. Я сгорала от желания отправиться в Жигатзе, разузнать о последних днях земного существования ламы, если он действительно умер, и попытаться найти его могилу. Но Ионгден и я жили в Лхасе под чужими именами и не могли надеяться сохранить инкогнито в Жигатзе, где у нас было много знакомых. Если бы стало известно, кто мы такие, нас сейчас же переправили бы за границу, а мне очень хотелось после пребывания в столице Тибета посетить могилы древних королей и другие памятники в провинции Ярлунг. Поэтому от исследования этого случая мне пришлось отказаться. Все-таки до нашего отъезда из Тибета Ионгден нашел средство разузнать о чуде в Жигатзе у нескольких, по-видимому, хорошо осведомленных об этом событии тибетцев.

Но, к несчастью, с тех пор прошло уже около семи лет. За это время в провинции Тсанг произошли большие перемены, и в связи с бегством Траши-ламы из Тибета совершилось еще много других чудес. Кроме того, политическая ситуация не была благоприятной ни для людей, ни для событий в Тсанге. Люди, занимавшие более или менее высокое общественное положение, стали преувеличенно осторожными в отношении всего, что, казалось, могло бы прославить личность находившегося в изгнании Великого Ламы, или же способствовать популярности статуи, т. к. ее возведение, по слухам, возбудило зависть двора Лхасы.

Мы услышали следующие толкования этой истории: Кионгбу римпотше создал свой двойник-иллюзию. Двойник вошел в носилки, а потом отправился в храм Майтрейи. Этот призрак при контакте со статуей рассеялся, чего и хотел лама-маг, может быть, в это время спокойно пребывавший в своем уединении.

Другой вариант: лама-маг из своей обители внушил на расстоянии коллективную галлюцинацию собравшейся на освящение храма толпе.

Некоторые высказывали предположение, что лама умер еще до чуда, но для освящения статуи Майтрейи оставил вместо себя созданный им призрак, «тульпа». Последнее заставило меня вспомнить, как один из учеников Кионгбу римпотше однажды рассказал, что путем особого вида концентрации мысли можно создавать явления и для будущего. Если концентрация мысли прошла удачно, то целая цепочка созданных по воле мага действий будет разворачиваться далее механически, не нуждаясь больше в содействии мага. – Бывает даже, – добавил этот лама, – что во многих случаях маг не в состоянии разрушить созданное и воспрепятствовать явлению произойти в назначенное время, т. к. порожденная им же энергия, которую он направил на определенную цель, уже находится вне его контроля.

О психических явлениях в Тибете можно было бы рассказывать еще очень долго.

Разумеется, обозрения одного исследователя, по независящим от него причинам, не могут быть исчерпывающими. Это особенно верно в отношении научных изысканий в «Стране Снегов», где работа протекает исключительно в трудных условиях.

Я далека от намерения прочитать курс магии или проповедовать какие-либо доктрины, трактующие явления психики. Я хочу только дать представление о том, какие

толкования получают некоторые факты из этой области в одной из наименее исследованных стран, существующих в мире.

И я буду счастлива, если мой труд возбудит желание у кого-нибудь из более авторитетных, чем я, ученых провести серьезное изучение бегло упомянутых мной фактов.

Мне кажется, к изучению явлений психики нужно подходить так же, как и к любой другой науке. Возможные в этой области открытия не содержат ничего сверхъестественного, ничего такого, что могло бы оправдать суеверия и распространяемые некоторыми безответственными людьми бредни. Напротив, цель таких исследований – выявить механизм так называемых чудес, а объясненное чудо – уже не чудо.

Послесловие автора

Сразу после появления моего «Путешествия парижанки в Лхасу» очень многие – как в посвященных этой книге статьях, так и лично – интересовались, что заставило меня жить среди лам и выражали желание получить сведения об учениях и обычаях мистиков и оккультистов Тибета.

Постаралась удовлетворить любознательность читателей. Однако из-за небольшого объема данной работы, задача эта представляла некоторые трудности.

Отвечая на два различных по существу вопроса, я сперва рассказала об обстоятельствах, сблизивших меня с религиозным миром Ламаистов, и об окружающем этот мир сословием колдунов всевозможных категорий.

Затем я постаралась систематизировать некоторые наиболее ярко выраженные особенности тибетских оккультных и мистических теорий и методов духовной тренировки тибетцев. Каждый раз, когда в этой связи из очень богатого запаса моих воспоминаний всплывал какой-нибудь факт, я относила его на соответствующее ему в моем рассказе место. Таким образом, здесь не может быть и речи о путевом дневнике: его форма изложения совсем не соответствует моей теме.

Иногда в процессе исследования, благодаря его специфике, возможность расширить и дополнить то или иное наблюдение представлялась мне несколько месяцев или даже несколько лет спустя.

Но только сумма сведений, полученных в разных местах и в разное время, может дать правильное понятие о трактуемом здесь предмете.

Впрочем, я собираюсь в дальнейшем рассмотреть вопросы мистицизма в философии тибетцев в работе более специальной, чем предлагаемая книга.

Александра Давид-Неэль

© Перевод с французского Дягилевъ ЦентрЪ. 1991.